

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 4 (36) 2012
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор

Экономика

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История

С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 17.08.2012 г.
Формат 70х108^{1/8}. Печ. л. 8,75.
Тираж 1000 экз. Заказ № 507.
Гарнитура FreeSet. Печать офсет.
Издание подготовлено к печати
и отпечатано

Издательским центром «Академия»,
625017, г. Тюмень,
ул. Авторемонтная, 18, стр. 5
Тел./факс: (3452) 68-23-92
E-mail: press@whiteship.ru

Цена свободная

СОЦИУМ**С.П. Парамонова**

Самоидентификация двух поколений:
социально-политическая оценка фаворитизма
группами по типу морального сознания. 5

М.Ю. Горбунова

Эмоции общества в контексте
социально-экономических трансформаций. 11

И.З. Гаррафиев

Развитие инновационного человеческого капитала
региона: теоретико-методологический аспект. 18

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов

Развитие социального обслуживания пенсионеров
и инвалидов на Урале на базе комплексных центров
социального обслуживания в условиях либеральных
реформ 22

ВЛАСТЬ**М.И. Жестков**

Субъекты власти: кто они и как их воспринимают
российские граждане 29

Б.Н. Карипов

Сравнительный анализ традиционализма
и консерватизма 33

Е.Л. Сысолятина

Специфика исследования современного
парламентаризма. 38

Е.В. Тышта

Особенности функционирования региональных
отделений политических партий в ходе
федеральной избирательной кампании
(на примере Республики Хакасия) 45

А.Е. Шапаров

Тенденция секьюритизации иммиграционных политик
Великобритании и Канады 50

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Е.А. Попов**

Профессия судьи и юриста в современной реальности . . 57

В.А. Воропанов

Законодательное регулирование кадровой
политики в провинции Российской империи:
канцелярские служащие на Урале
в конце XVIII – первой половине XIX вв. 63

Д.Б. Миннигулова

Проблемы регулирования правового статуса
государственных гражданских служащих
на основе служебного контракта. 67

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума.

Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть» размещены на странице 139.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернет
<http://rane74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Е.К. Жаксальков

Уголовная ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации 72

Н.М. Букаев, Е.И. Власюк

К вопросу о процессуальных формах взаимодействия следователя с органами внутренних дел 76

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**В.Н. Белкин, Н.А. Белкина,
О.А. Антонова, И.В. Бочкаева**

Теория социального капитала организации 79

А.В. Иванов, Р.И. Кантор

Оценка эффективности функционирования и развития региона на основе данных совокупности предприятий региона 87

В.В. Победоносцева, Г.М. Победоносцева

Экономическая политика и организационно-экономические вопросы управления инвестициями в энергетическом комплексе 94

А.В. Бреусов, В.В. Реймер, В.А. Чирков

Инновационные технологии управления персоналом высокотехнологичной организации 98

КУЛЬТУРА**Г.Ю. Чернов**

Эвристический потенциал синергетического подхода к социально-массовым явлениям 101

С.С. Сокоиков, О.Н. Зайкова

Культура усыновления: определение, культурные индикаторы, основные компоненты 105

Е.Г. Прилукова

Власть образов электронных медиа 111

С.С. Загребин

Андрей Тарковский: Апокалипсис как диагноз нашего времени 115

ИСТОРИЯ**Л.А. Королева, А.А. Королев, О.В. Мельниченко**

Эволюция советской государственно-конфессиональной политики в отношении Русской Православной церкви в 1985-1987 гг. 119

А.В. Буданов

Становление производства наземного оборудования для ракетной техники на Тюменском судостроительном заводе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. 125

**Scientific Journal
SOCIETY AND POWER**

No. 4 (36) 2012
ISSN 1996-0522

Established by

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk Branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy
and Public Administration

EDITORIAL AND EXPERT BOARD

Philosophy

S.V. Borisov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
Yu.G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
V.A. Loskutov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
A.V. Pavlov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
V.D. Popov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
A.S. Chuprov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor

Political Science

S.G. Zyryanov – Dr.Sc. (Politics), Professor
A.V. Ponedelkov – Dr.Sc. (Politics), Professor
O.F. Rusakova – Dr.Sc. (Politics), Professor

Sociology

Ye.V. Grunt – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy – Dr.Sc. (Law), Professor
S.V. Kodan – Dr.Sc. (Law), Professor
A.B. Sergeev – Dr.Sc. (Law), Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova - Dr.Sc. (Economics), Professor
T.Yu. Savchenko – PhD (Economics), Associate
Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr.Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova – Dr.Sc. (Culturology), Associate
Professor
A.N. Lukin – PhD (Culturology), Associate
Professor

History

S.V. Nechayeva – PhD (History), Associate
Professor
V.N. Novosyolov – Dr.Sc. (History), Professor
S.S. Smirnov – Dr.Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Dr.Sc. (Politics),
Professor S.G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Dr.Sc. (Philosophy),
Professor A.S. Chuprov

Editorial Board

A.N. Lukin – editor of philosophy column
S.G. Zyryanov – editor of political science column
Ye.V. Grunt – editor of sociology column
A.V. Il'inykh – editor of column
on state and law
T.Yu. Savchenko – editor of column
on economics and management
S.S. Zagrebin – editor of culture column
V.N. Novosyolov – editor of history column
A.V. Pavlov - responsible for
international communication

Executive Secretary

Dr.Sc. (Philosophy) A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI No. FS 77-48298 of 01/24/2012
issued by Russian Federal Surveillance Service
for Mass Media
and Communications

Signed for printing on 08/17/2012
Sheet size 70 x 1081/16. Sheet size units 8.75.
Print run of 1,000 copies. Order No. 507.
Typeset FreeSet. Offset printing.
The issue is edited and printed by
Publishing Center Akademia
625017, Tyumen,
18 Avtoremontnaya Str., building 5
Phone/fax: +7 (3452) 68-23-92
Email: press@whiteship.ru

Open price

SOCIETY

S.P. Paramonova

Self Identity of Two Generations:
Social and Political Opinion on Favoritism
of Groups with Different Moral Reasoning..... 5

M.Yu. Gorbunova

Emotions of the Society in the Context
of Social and Economical Transformation. 11

I.Z. Garafiev

Regional Development of Innovative
Human Capital: Theoretical and Methodological
Aspect..... 18

G.S. Smirnov, S.S. Smirnov

Development of Service for Social Support
of Pensioners and Disabled Persons in Ural
Based on Complex Social Services Centers
in Liberal System Reform..... 22

POWER

M.I. Zhestkov

Persons in Government: Who are They and
How They are Seen by Russians 29

B.N. Karipov

Comparative Analysis of Traditionalism
and Conservatism. 33

Ye.L. Sysolyatina

Specific Features of Study of Contemporary
Parliamentarism 38

Ye.V. Tyshta

Specific Operational Features of Regional Departments
of Political Parties during Federal Election Campaign
(case example of the Republic of Khakassia) 45

A.E. Shaparov

Tendency on Implementing Security Measures
in Immigration Policy of UK and Canada 50

STATE AND RIGHT

E.A. Popov

Profession of Judge and Lawyer in Modern Reality. 57

V.A. Voropanov

Legislative Regulation of HR Policy in the Province
of Russian Empire: Office Workers in the Ural
during the period from the end of 18th century
and till the first half of 19th century..... 63

D.B. Minningulova

Issues of Regulation of Legal Status of Civil Public Officials
Working Under Official Contract 67

**INFORMATION
FOR READER AND AUTHOR**

**Scientific Journal
SOCIETY AND POWER**

for specialists in the field of public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law sciences, economics, management, as well as for lecturers, undergraduate students and high school students.

Topics of publications

must correspond with the journal profile and relate to various (political, social, economical, legislative, etc) aspects of state of socium and its interrelationship with governmental and municipal authorities.

In accordance with the resolution of the Presidium of the State Commission for Academic Degrees and Titles under Russian Ministry of Education and Science (VAK of Minobrnauka) Society and Power journal was included in the **list of top peer-reviewed scientific journals and editions that must publish** key research results of these applied for higher doctoral degrees and PhD degrees in the following fields: philosophy, political science, sociology, law sciences, economics, culturology, history.

Manuscripts shall be provided with review.

For requirements of manuscripts of research papers provided for publication in the scientific journal Society and Power please refer to page 140

**Please send your papers
to editorial office address:**

454071, P.O. Box 6511, Chelyabinsk
Phone of the editorial office:
+7 (351) 771-42-30
Email: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

The authors' views are not necessary supported by the editorial opinion. Responsibility for authenticity and accuracy of citation, person's names, names and other data, including non-infringement of copyright law, is on the authors of the published papers

This publication may not be reproduced without reference to the journal.

Journal is issued bimonthly, distributed by subscription at post offices.

**Subscription Code
in the territory of the Russian Federation
46536**

Ye.K. Zhaksalykov

Criminal Responsibility for Illegal Russian National Border Crossing 72

N.M. Bukaev, Ye.I. Vlasyuk

Concerning Forms of Cooperation of Investigator and Internal Affairs Bodies 76

ECONOMY AND MANAGEMENT

**V.N. Belkin, N.A. Belkina,
O.A. Antonova, I.V. Bochkaeva**

Theory of Corporate Social Capital 79

A.V. Ivanov, R.I. Kantor

Evaluation of the Efficiency of Operation and Development of Region based on Data from a Set of Regional Enterprises 87

V.V. Pobedonostseva, G.M. Pobedonostseva

Economic Policy and Business Issues of Investment Management for Energy Complex 94

A.V. Breusov, V.V. Reimer, V.A. Chirkov

Innovative Technology in HR Management at Hi-Tech Enterprise 98

CULTURE

G.Yu. Chernov

Heuristic Potential of Synergy Approach to Public and Social Events 101

S.S. Sokovikov, O.N. Zaikova

Culture of Adoption: Definition, Cultural Markers and Key Components. 105

Ye.G. Prilukova

Power of Images in Online Media. 111

S.S. Zagrebin

Andrei Tarkovsky: Apocalypses as a Diagnosis of Modern Times 115

HISTORY

L.A. Koroleva, A.A. Korolev, O.V. Melnichenko

Evolution of Soviet State and Confessional Policy on Russian Orthodox Church in 1985–1987 119

A.V. Budanov

Production of Ground Equipment for Missilery at Tyumen Shipbuilding Plant in the end of 1950s–early 1960s. 125

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФАВОРИТИЗМА ГРУППАМИ ПО ТИПУ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

УДК 316.35(470.53)

С.П. ПАРАМОНОВА

Самоидентификация социальных групп в оценке прошлого-настоящего-будущего страны осуществляется в суждениях о фаворитизме двух возрастных групп: молодежи и работников среднего возраста. Фаворитизм — сила, в значительной мере влияющая на развитие политики. Это явление, близкое нашему времени, но уходящее корнями в глубокую древность. С одной стороны, фаворитизм — стратегический запас лидерства — потенция общества, а с другой — ограничение творческой активности членов группы и общества в целом. Фаворитизм, безусловно, явление, препятствующее реализации идеи «свободы, равенства и братства». В настоящем пока недостаточно исследованы закономерности «фавора» в гуманитарной науке в т.ч. социологии политики и социологии морали.

Фаворитизм — проявление человеческой природы, субъективности, избирательности. Фавориты имеют предпочтение в отношении с высокопоставленными лицами, в связи с чем располагают большими шансами для реализации замыслов и удовлетворения своих собственных потребностей. В какой бы мере ни осуждался фаворитизм в обществе, как бы ни расплачивались жизнями «социально близкие» вождю за свой фавор в периоды тоталитарных форм власти, претендентов на место фаворита не убавлялось никогда.

Теоретически фаворитизм может быть подвержен анализу с позиций следующих парадигм. Во-первых, фаворитизм — вечен, фавориты — случайны. Во-вторых, фаворитизм — порождение безличной силы, господствующей над индивидом. Несмотря на то, что недовольство финансовыми и политическими элитами — лидерами и фаворитами — бродит в сознании масс, проявляется оно в политической сфере спонтанно.

Метод исследования — общепринятой в социологии признана структура группы: лидер, окружение лидера — сподвижники и фавориты, конформисты, маргиналы и аутсайдеры. Особенно активно идеи конформизма и маргинализации разрабатывались чикагской школой социологии. Мы выделили пару противоположных ролей: фаворит и изгой (отверженный).

Рольевая структура группы (личности) выявила менее плотные зависимости и корреляции, чем типологическая. Типология морального сознания в анализе польской интеллигенции была предложена Я. Щепаньским в 1970-е гг. Опираясь на историко-философскую, историко-социологическую традицию, психоанализ, современную социологию и социологию морали автор данной статьи выделила три основных типа морального сознания и один переходный (транзитивный) тип. Сквозными социально-этическими типами являются *коммунотарист*, *переходный тип*, *гедонист* и *прагматик*. В основании типов лежат три признака: высшее Благо, которым руководствуется личность, деятельная сущность человека и историческая преемственность морали, а именно, какие ценности доминируют в обществе и мера принятия их личностью. Динамика морального сознания исследуется автором в течение 30 лет, на материалах Пермского региона (края) и регионов РФ [5] N = 12500. В выборках соблюдены основные социально-демографические пропорции ответствия 32 объектов исследования.

М. Делягин в одной из публикаций возмущался как-то, откуда набралось бесчисленное множество всяких «предпринимателей», от владельцев ларьков до приватизаторов общенародной собственности. По ответам молодых когорты и старших возрастных групп, структурированных по типам морального сознания, мы имеем не «однониточное», а объемное представление о состояниях социально-политического сознания и типах самоидентификации личности. Напомним характеристики типов морального сознания. *Коммунотарист* — высшим Благом считает общее благо. К человеку и труду он относится как к цели, а не как средству. Его девиз: «Один за всех и все за одного!». *Переходный тип* — «двуликий Янус», бьется в выборе позиции «иметь или быть»? *Гедонист* к человеку и труду относится как к средству получения удовольствия. Благо для него — праздность. Его девиз «Где бы ни работать, лишь бы не работать». *Прагматик* к человеку и труду относится как к средству продвижения и обогащения. Благо в его сознании всегда имеет материальную форму и должно, по его

мнению, принадлежать ему. Его девизы: «Ты – мне, я – тебе», «Каждый за себя», «Победитель получает все» [5 (3), с. 87–94, 178–179].

Первоначальное исследование проблемы фаворитизма методом анкетного опроса было проведено семь лет назад и охватило 1027 человек, опрос 2012 г. включил 553 человека. Выборка случайно-районированная по регионам, по возрастам. Старшие возрастные группы представили более крупные объекты исследования и их группы более разнообразно стратифицированы. Студенты в основном – третьекурсники. Выборочная совокупность исследуемых старших возрастных групп варьировалась от 350 человек взрослых когорт и до 150 – по студенческим группам. Соблюдалось соответствие генеральной совокупности объектов по социально-демографическим характеристикам. Среди студентов опрошены группы технических и гуманитарных специальностей.

Цель данного исследования – обнаружить сущность многоликого и «скользкого» социального феномена «фаворитизм», его отражение в сознании и поведении рабочих, служащих, гуманитарной интеллигенции, технических специалистов, студентов и пенсионеров. На социальную структуру наброшена сетка типов морального сознания.

Институт фаворитизма развернулся во всепоглощающей мощи олигархов в период реформ. Рынок и «реформы» объявлены самоцелью, а средством негласно стали издержки уровня жизни народа. Это идентифицировалось с истиной в сознании студентов. Индивидуализм и прагматизм становятся определяющими нормами взаимоотношений. Смена идентичности – социокультурный процесс, вызванный «трансформацией» российского общества. На основе ответов на вопросы анкет: кем являются и кем хотели бы быть в будущем, выявлено, что лидерскими функциями обладают 7–8% опрошенных, относят себя к фаворитам 12–14%, подавляющую часть составили конформисты и маргиналы, и столь же небольшие группы, как лидеры и фавориты, составили отверженные.

Оценка фаворитизма студентами Северо-Запада (Череповца), Сибири (Барнаула), Северного Урала (Соликамска)

Следует определить с тем, какой смысл вкладывается в понятие «настоящее». Настоящее может быть представлено различием, что нового принес сегодняшний день по сравнению со вчерашним. Отношение студентов *Череповецкого*

государственного университета (ЧГУ) к настоящему проявилось в том, что, как и вся молодежь, череповчане восприняли рынок как «простор для инициативы и предпринимательства». Вслед за оптимизмом оценок в сознании студентов Череповца, Соликамска и Барнаула появляется другая сторона рыночных отношений – рынок ведет к усилению неравенства, несет в жизнь устройство власть наживы и спекуляции. Таким образом, сакральное поклонение рынку преобладает над критическим отношением к нему. Когда речь идет о *настоящем*, то существенным является определение *предпочтительного общественного устройства*. В выборе студентами предпочитаемого типа собственности противостоят противоположные принципы: индивидуалистический и коллективистский. Проявляется это в том, что 74% коммунотаристов и 44% переходных типов высказались за строй, где средства производства находятся в руках трудящихся и государства. Противоположная позиция индивидуалистов – прагматиков и гедонистов ЧГУ – выразилась в том, что их интересы – на стороне частной собственности. При этом 70% гедонистов настаивают на преимуществах акционерной и корпоративной собственности. Группа прагматиков (86%) предпочитает крайнюю форму частной собственности – передачу собственности «в руки отечественного и иностранного капитала». Какими силами осуществляется превращение одного типа общества в иное и одного мировоззрения в другое? Очевидно, современными лидерами и фаворитами.

В оценке *прошлого и настоящего* российского общества в суждениях студентов преобладает скепсис. Респонденты отмечают: «И в прошлом много тяжелого и в настоящем мало утешительного». Лишь 6% положительно оценивает доперестроечное прошлое. Доперестроечное время (1917–1985) – время превращения страны из традиционной в модернизированную, с созданной в широком масштабе в период индустриализации в 30-е гг. молодой мощной индустрией в мире, чем и живут в настоящем Череповец, Барнаул и Соликамск. Однако, как отмечает вице-президент Международной социологической ассоциации И. Валлерстайн, после Второй мировой войны СССР/Россия из полупериферии стран был в состоянии осуществить переход к сердцевине – ядру мир-экономики, на позиции страны-гегемона, СССР был второй сверхдержавой [1, с. 52]. Другой видный американский социолог – А. Гулднер – отмечал, что за двадцать лет после Второй мировой войны СССР контролировал половину мира на Земле [3, с. 17,

367]. Теперь эту часть мира американские «ястребы» добивают силами НАТО и организуют перевалочную базу в центре европейской части России — в Ульяновске.

Риски смены идентичности. Профанируемые вчера стороны капиталистического общества с позиций «мы — образа» усилиями лидеров и фаворитов современной политики перенаправляются на достижение успеха на этом самом профанируемом прежде поле [10, с. 68–70]. Поскольку труд обесценен, энергия перенаправляется на перераспределение собственности одними и поиски выживания, установления нужных связей — «фаворитизма» — другими.

Сферы, в которых отношения держатся на фаворитизме, по мнению студентов ЧГУ с коммюнитарным типом морального сознания, это — политика, армия и флот, экономика, торговля, школьное образование, спорт, каждодневная работа, искусство. Фаворитизм в армии и на флоте в ответах череповчан вышел на второе место. (Сказалась большая, чем в СГПИ, доля юношей в выборке.) Если соликамские студенты пединститута считают, что школьное образование не столь подвержено коррупции и фаворитизму, то иное, более жесткое суждение у череповчан: они отвели общее пятое место школе как институту процветания фаворитизма. В спорте для достижения высоких результатов к предрасположенности индивида нужны и объективные условия: тренерская база, финансирование. Однако нередко с одними спортсменами-фаворитами упорно работают и развивают их способности, а других не замечают. Если в оценках соликамцев спорт — почти вне сферы фаворитизма, то студенты ЧГУ ставят сферу фаворитных (личностных) отношений в спорте сразу вслед за сферой школьного образования. Являясь значительно более информированными, студенты северо-западного вуза оказались более реалистичными и зрелыми в оценке фаворитизма в основных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, проявилась зависимость нарастания и осознания фаворитизма от периферии к центру: чем дальше на запад страны, тем более пронизанными фаворитизмом становятся и осознаются студентами основные институты общества, которые раньше характеризовались альтруизмом, даже такие системы, как армия и флот, общее образование, спорт.

События, коснувшиеся поколений семей студентов ЧГУ. В социальной памяти менее чем у трети (26%) четвертого поколения, отстоящего от войны, удерживается участие предков в Великой Отечественной войне.

Обследуя прежде старшее поколение сибиряков и уральцев, мы отмечали, что нетронутых войной семей почти не было. Взамен ушедших мужчин в угледобывающих и соледобывающих шахтах на Урале работали женщины. В социальной памяти нового поколения СГПИ также лишь у четвертой части удерживается участие предков в Великой Отечественной войне. В четвертом поколении память о войне обычно выветривается, большие надежды возлагаются на культуру. Если сравнить ответы студентов СГПИ с ответами студентов *Алтайского государственного технического университета (АГТУ)*, то последние показывают, что самым большим бедствием явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. [4, с. 63–64]. Прежде студенты подчеркивали более общее, вселенское значение войны и определяли ее как «катастрофу для народа», сейчас в оценке молодого поколения Сибири отношение к войне выразилось в новом определении: в современных войнах стали видеть нечестную политику манипулирования народами со стороны лидеров и фаворитов. Войну определяют в первую очередь как «наживу денег на трупах».

По мнению коммюнитаристов, управление фаворитами — это признак преобладания не закономерности, а случайности в организации общества. Студенты мотивируют непрочность положения фаворита в управлении тем, что латентно фаворитами движет корыстолюбие, а это всегда раскрывается обществом как тяжелый порок.

В группах студентов СГПИ с *переходным типом морального сознания* соперничают два принципа *предпочтительного общественного устройства*: индивидуалистический и коллективистский. Среди индивидуалистов (гедонистов и прагматиков) собственность народа предпочитают лишь от 7% до 10%.

До проведения исследования было неясно, какова *степень устремления в фавориты в обществе*. Статистических данных по этому поводу, безусловно, нет и не будет. Однако при этом коммюнитаристы отметили, что не меньше половины окружающих хотели бы быть в фаворе. Больше всего на такие устремления указывают более половины гедонистов и прагматиков [7, с. 134–135]. Студенты видят в рыночных отношениях положительные качества: простор для инициативы и предпринимательства. Однако в СГПИ критичнее других относятся к «рынку». Треть переходных типов в рыночных условиях видят власть наживы и спекуляции.

Группа с *переходным типом морального сознания*, к чести сказать, как и коммюнитаристы, не стремится в фавориты. Хотя наблюдая ситуацию смены ценностей и идентичности

российского общества, индивидуалистически ориентированные группы по типу морального сознания в Соликамском пединституте отмечают, что не менее половины хотели бы быть в фаворе. И это неслучайно, т. к. основные сферы жизнедеятельности, по мнению переходного типа, держатся на фаворитизме: политика, экономика, искусство, каждодневная работа, спорт. Фаворитизм, в конечном счете, это индивидуализм. Нарастание тенденции фаворитизма выражает отступление общества в традиционализм, в отличие от движения по линии цивилизованных отношений, основанных не на личных привязанностях, симпатиях и антипатиях, а на творческих, нравственных и деловых качествах личности. К такому же выводу пришел коллектив исследователей в ГУ ВШЭ под руководством А. Г. Эфендиева [9, с. 133–134]. Прогнозируя будущее, переходные типы ожидают роста природных и социально-технических катастроф, лишь 35% в группе надеются на установление стабильности общества.

«Традиционность» гедонистического типа морального сознания сказалась в том, что в процессе политической обработки сознания масс элитами общества и обслуживающими их СМИ гедонист не подвержен манипуляциям сознания в такой мере, как лица с другим типом морального сознания, поэтому симпатии гедониста — на стороне коллективистского общества.

По мнению студентов-гедонистов СГПИ, фавориты быстрее адаптируются к обстоятельствам, «стремятся понять потребность времени и действуют в русле новых течений». Фаворитами, по мнению гедонистов, являются те, кто владеет интригой и умеет быть полезным. Хотя фаворитов осуждают, однако в настоящем «не менее половины окружающих хотели бы быть в фаворе» — отметили 66% гедонистов. Тайное, сакральное гедониста проступило явно. Это большая доля ожидания стихийной удачи и везения. Такова логика типа морального сознания. Лишь треть среди гедонистов (33%), имея большое внутреннее сопротивление, отмечает: напротив, «небольшая часть стремится в окружение сильных мира сего».

Гедонисты меньше других групп удовлетворены настоящим (14%), они в принципе ощутили жесткость в отношении к себе окружающих в современной ситуации. Гедонисты СГПИ более скептически, чем барнаульцы, оценивают и прошлое, и настоящее, но в скептицизме — начало веры.

События четвертого поколения, отстоящего от Великой Отечественной войны, уже сохраняются лишь в памяти 28% гедонистов Соликамского пединститута.

Прогнозируя события, студенты с гедонистическим типом морального сознания выделили в близлежащем будущем несколько тревожных проблем. Гедонисты всегда следовали логике сохранения живого, поэтому их прогностические предчувствия (ожидания) чреватые опасением настоящего, несущего «цветы зла» — угрозу самой жизни. В современном дантовом первом круге экспектаций гедонистов: технические катастрофы, экономические потрясения, экологические катаклизмы. Во втором круге — предчувствие международной напряженности, роста внутренних долгов государства населению. В третьем — растущий процесс безработицы, усиление капитализма и возможность социально-политического взрыва. Лишь небольшая часть гедонистов высказала надежды на упорядочение жизни: стабильность, рост демократии и укрепление сельского хозяйства.

Почти всех семей коснулись события страны, при этом события Великой Отечественной войны уже вспоминаются меньше, а события имущественные, связанные с раскулачиванием, репрессиями, память о которых в большей мере подогревается СМИ, — больше.

Прагматики СГПИ приоткрыли большую вероятность фаворитизма в школьном образовании. Поскольку интеллектуальные и нравственные ресурсы народа не используются, не задействуются, не приветствуются в управлении, реформы носят безлюдный характер, постольку 92% прагматиков ориентируются на стихийную силу фаворитизма.

Прогнозируя ситуацию в стране, прагматики определили следующие глобальные проблемы, которые в первую очередь отразятся на России — экологические катаклизмы, технические катастрофы, рост международной напряженности; затем указали на фактор экономической напряженности. Усиление капитализма связывается с социально-политическим взрывом. В завершении выражена слабая надежда на оздоровление ситуации в обществе: стабилизацию, укрепление демократии, выход страны из кризиса, и меньше всего надеются прагматики на восстановление сельского хозяйства.

Фаворитизм — мера стихийности, субъективный коррелят сложившихся отношений в обществе.

Отношение технических специалистов, творческой интеллигенции г. Сарова к фаворитизму

Научно-оборонный комплекс всегда был заботой государства в СССР, и этот комплекс является заботой каждого государства.

Технические специалисты г. Сарова по своим функциям более всего причастны к этому комплексу.

В отличие от студентов, гуманитарная интеллигенция и инженеры наукограда сохранили память о недавнем прошлом *как успешном опыте развития страны*. Даже прагматики, характеризуя социализм в СССР, отметили следующее: «*Прошлое (1917–1985 гг.) не можно, а нужно оценивать положительно*» [6, с. 153].

Инженеры-специалисты *коммунотариисты* считают, что «причиной появления фаворитизма является страх ответственности лидера перед лицом неясного будущего». Фаворитизм появляется вследствие стихии и бесконтрольности в обществе и коллективе. Они отмечают: «Фаворит – создание лидера. Борьба с фаворитом – значит выступать против окружения лидера. Фаворит обладает свойством подгрывать лидеру и жить в унисон с ним. Цель фаворита – влияние на власть. В настоящем внешними силами ведется навязывание России группы фаворитов».

Если коммунотариисты и переходные типы в среде технических специалистов не приемлют фаворитизм, то прагматики и гедонисты, напротив, выражают мнение о том, что фаворитизм – приемлемый способ сделать карьеру, обрести материальное благосостояние, подняться по лестнице престижа.

Оценивая *прошлое* российского общества, более половины группы технических специалистов с *переходным типом морального сознания* относятся к нему положительно. Выявлено и экзистенциальное суждение переходных типов – «прошлое не оценивают, им гордятся или раскаиваются. Прошлое – это часть нас самих».

Характеризуя *настоящее* и адаптируясь к нему, *переходный тип* отмечает: труд и собственность – кардинальные вопросы любого политического строя. Личность с переходным типом морального сознания предпочитает смешанный тип собственности. В группе переходных типов выражен скепсис относительно процветания российского общества в условиях рынка. «Честный рынок – путь к благосостоянию общества, но возможно ли это?»

Гедонисты не рвутся в фавориты, поскольку считают эту форму самоутверждения желательной, но требующей слишком больших усилий. В фавориты стремятся немногие, для них это опасно. По суждению гедонистов, «олигархи и демократы в роли фаворитов выстроили свою карьеру, приспособились и сделали себе состояние. Они сыграли отрицательную роль для государства,

но поучительную роль для доверчивого большинства нашего народа». Оценивая настоящее, в ответах на открытый вопрос прагматики отметили: «У нас нет демократии. Произошел Большой Откат назад от гарантированного обеспечения трудом».

Отношение к собственности «разводит» по противоположным позициям технических специалистов: коммунотариистов и прагматиков. Прагматики хотели бы преобладания акционерной формы собственности (38%), корпораций (29%), собственности совместных предприятий (10%). За государственную собственность и собственность трудящихся высказалась четверть группы (24%). Суждения прагматиков отражают их поведенческую практику. Тип ориентаций групп в высказываниях по поводу «свободы от обязательности труда» следующий: прагматики освободили бы время (6%) – для предпринимательства, а коммунотариисты (93%) – для творчества. Отношение к собственности и труду высвечивает противоположную самоидентификацию и прагматика, и коммунотарииста.

Технические специалисты-прагматики выразили скепсис по поводу обуздания фаворитизма. Они отмечают, что вряд ли можно поставить фаворитизм под контроль коллектива и государства: «Везде отношения держатся на фаворитизме». Характеризуя слабоуправляемую ситуацию в обществе, они добавляют к этому: редко становится фаворитом тот, кто обладает талантом управления. «Лишь умные правители поднимают одаренных людей к управлению. Те, кто хотят принести пользу обществу идут, другим путем, но не созданием фаворитного клана. Одаренные талантом управления редко доходят до вершины, с которой могут управлять людьми».

В основных сферах жизнедеятельности респонденты выделили фаворитов – политических деятелей, чьими стараниями формируется настоящее, и дали им нелюбимые определения. Коммунотариисты выразили свое отношение к ним: «В торговле фавориты – олигархи и откровенные воры по-крупному. В сфере экономики фавориты – это олигархи и иностранные собственники. В сфере спорта – чемпионы и призеры, а также те из тренеров и спортсменов, кто может продать себя. В сфере армии и флота фавориты – офицеры, изменившие присяге СССР, министры – в сфере образования. В каждодневной жизни фавориты – губернаторы, главы администраций, криминал. В деле разрушения российского менталитета фаворитами являются электронные СМИ».

Переходные типы выразили несколько охлажденное, не столь осуждающее, определение фаворитизма. В сфере политики в настоящем сформировалась постсоциалистическая номенклатура. В сфере торговли фаворитом стал частный бизнес. В сфере экономики фаворитами являются ресурсодобывающие отрасли. В сфере армии и флота – МЧС. В сфере спорта – теннис, футбол. В повседневной жизни – активисты.

Прагматики назвали фаворитов в сфере торговли – «Росвооружение», нефтегазовый комплекс и стоящие за ними персоналии. В сфере экономики фавориты – олигархи и «иностранцы». В повседневной жизни – главы администраций, криминал. «Фавориты, в основном, – проходимцы», – заключают прагматики. Фавориты могут быть использованы лидером и для разрушительной борьбы против сложившихся политических институтов. В ситуации слома социально ориентированного управления обществом именно прагматики быстро становятся фаворитами. Напротив, коммунотариисты после бурь и перестроек, «трансформаций» общества становятся прочной общественной базой для эволюционного создания новых и функционально оправдавших себя в глазах мировой общественности политических институтов.

Выводы

Становится понятным равнодушное поведение целого народа в ответ на подмену его коллективистской традиционной идентичности индивидуалистическими ценностями модернизации «атлантической» цивилизацией, навязанной ему с помощью проводников-фаворитов. Очевидно влияние социально-экономических преобразований на самоидентификацию личности. Предпочитаемые ею роли и оценка фаворитизма как социального феномена выявили противоречие: фаворитизм осуждают все, но окзаться под обогревающей благосклонностью лидера хотели бы больше половины респондентов. Фаворитизм как тип социальных отношений неприемлем для коммунотариистов. Он рассматривается как канал продвижения и преуспевания индивидуалистами. Оба поколения утверждают, что цель фаворита – поиск почестей и обогащения, влияние на лидера и наживание богатства нечестными путями. Технические специалисты сомневаются в искоренении фаворитизма как основы управления в современном российском обществе. Тем не менее, познавая законы фаворитизма, мы можем не фаталистично взглянуть на познаваемость процесса и контроля фаворитизма.

1. Валлерстайн И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
2. В панельном исследовании «Социология фаворитизма» сравниваются данные результатов опросов 2003–2006 г. и 2011–2012 гг. Опросы проведены автором в Соликамске, Перми и городах Пермского края, также при поддержке коллег из городов Российской Федерации Барнаул – проф. А.А. Удоденко, доц. Н.А. Цыганенко, Москва – доц. М.Н. Рыбакова, менеджер Л.П. Цыбрюк, Череповец – доц. О.Ю. Солодянкина, Саров – чл. Союза писателей РФ Л.П. Ковшова, ст. инженер Н.В. Болденкова, проректор СГПИ, доц. – Г.А. Лебедева, доц. Березниковского филиала УрГЭУ – В.В. Шиллов. Проект поддержан деканом гуманитарного фак. ПНИПУ, проф. В.Н. Стегнем. N = 1362.
3. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. 575 с.
4. Исследование 2003 г. – 2012 «Социология фаворитизма» студентов Алтайского государственного технического университета (АГТУ). Рукопись – 160 с. N=326 чел.
5. Парамонова С.П. Динамика морального сознания. Deutschland, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG 2012. с 443. On-line № 32466.
6. Парамонова С.П. Антикризисные меры. «За» и «Против» института фаворитизма // Вестник Пермского государственного технического университета. Социально-экономические науки. 2009. 4 [22]. С. 146–172.
7. Парамонова С.П. К вопросу о многомерной моральной реальности (на основе конкретно-социологического исследования студентов СГПИ) // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции 30–31 мая 2011 года. г. Соликамск, г. Чердынь /ФГБОУ ВПО «Соликамский государственный педагогический институт» / под общей ред. Г.А. Лебедевой. – Соликамск: СГПИ, 2011. С. 134–148.
8. Парамонова С.П. Социальные отношения в турбулентные времена. «Ресский форум» в работе X Конференции ESA Европейской социологической ассоциации в г. Женева (Швейцария) 7–10 сентября 2011 г. // Социум и власть. 2011. № 4(32). С. 133–135.
9. Соловьев Э. Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
10. Социальные характеристики студентов Череповецкого государственного университета (ЧГУ): респонденты – представители гуманитарных специальностей: «менеджеры», «связи с общественностью», технических специальностей. В выборку вошло поколение, сформировавшееся в индустриализированной и урбанизированной среде в период перестройки и реформ. Рукопись. Отчет 2004. 111 с. N=136.
11. Яковенко И.Г. Риск смены идентичности // История и теория социологии: тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. I. М.: Альфа-М, 2003. С. 68–70.

ЭМОЦИИ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

УДК 316.613.4

М.Ю. ГОРБУНОВА

В последнее время эмоции все чаще становятся объектом анализа не только как проявления психической активности индивида, но и как социально-культурный феномен, который заслуживает социологической экспертизы, а именно рассмотрение эмоций с точки зрения их вклада в производство, воспроизводство и изменение тех или иных аспектов социальной структуры; выявление их значения в различных сферах жизнедеятельности человека. Однако исследование эмоций в социологической перспективе встречает много препятствий, поскольку в социологии большой вес имеет традиция, утверждающая, что основой социальных действий акторов является рациональность в определении целей и способов их достижения, в рамках социальных ролей, норм и ценностей. Тем не менее, современные социологические исследования (Дж. Барбалет, Т. Кемпер, Дж. Стетс, Дж. Тернер, А. Хохшильд и др.) показали, что эмоции представляют собой нечто большее, чем психофизиологическая реакция организма на воздействие окружающей среды.

Важность учета эмоций, как при построении социологической теории, так и в исследовательской практике, С. Кларк обосновывает тем, что люди в процессе социального конструирования реальности постоянно испытывают эмоции, конструируют свои идентичности в воображении и чувствах [12]. Эмоции неизменно представлены в социальных интеракциях индивида, включая восприятие и оценку вредности (для негативных эмоций) или пользы (для положительных эмоций). Несмотря на то, что эмоции принадлежат индивиду, то есть, по сути, являются индивидуальными явлениями, они всегда направлены на объекты внешнего мира. Феноменологически это проявляется в предметности эмоций, в структуре которых традиционно выделяются два элемента — эмоциональное отношение и предмет, которому это отношение адресуется. Эмоции встраиваются в культурные практики, и благодаря продуктам культуры формируется общий эмоциональный язык, общий опыт эмоциональных переживаний, который

гораздо шире и разнообразнее индивидуального опыта человека.

Играя роль связующего звена между индивидом и другими субъектами, с которыми он вступает во взаимодействие, эмоции оказывают существенное влияние на развитие социальных отношений. Г. Шпет писал, что процесс отнесения себя к данному этносу или социальной группе определяют не объективные связи и знания, а субъективные переживания человека. Ученый приходит к важному выводу, что одним из главных компонентов ментальности является общность эмоциональных переживаний, отношений данного народа к определенным историческим и социальным объектам [10]. С нашей точки зрения, такая общность эмоциональных переживаний находит свое выражение в социальном настроении и в тех чувствах, которые преобладают в обществе.

Такие понятия как социальное настроение, социальное самочувствие, эмоциональная атмосфера, эмоциональная энергия чаще всего употребляют в связи с характеристикой тех эмоциональных процессов, которые протекают на уровне социума. Наиболее разработанной в социологии является категория «социальное настроение», определяемая как общий эмоциональный тон переживаний, характерных для социальной группы. Ж. Тощенко и С. Харченко отмечают, что социальное настроение носит результирующий характер, вбирающий в себя одновременно как влияние объективных условий, так и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений, ценностных ориентаций и установок, который не является их механической суммой или неким условным объединением: это принципиально новое качество общественного сознания. [7, с. 12] Изменения социального настроения российских граждан фиксируют исследования Левада-центра, начиная с 1995 года [4, с. 77].

Для описания эмоциональных аспектов социума М.Ю. Урнов предлагает использовать концепцию эмоциональной атмосферы, поскольку она лучше, чем, например, концепция настроений, помогает осознать

реальность того, что человек постоянно является объектом эмоциональных воздействий, влияющих на его мировосприятие и поведение [8]. С нашей точки зрения, не стоит выделять приоритет одной из рассматриваемых категорий, ибо они маркируют в социальном пространстве совершенно разные явления. Так, социальное настроение – это характеристика субъектов социального действия (как отдельных личностей, так и социальных групп) и проявление общественного сознания, а эмоциональная атмосфера – это среда, в которой формируется не только настроение, но и другие эмоциональные явления, и которая является продуктом жизнедеятельности социума.

Одним из структурных элементов социального настроения является социальное самочувствие, включающее в себя актуальное знание, важное для личной и общественной жизни человека и проявляющееся в эмоциях и чувствах [7, с. 27]. Динамическую трактовку эмоциональных явлений, возникающих на уровне социальных интеракций, предлагает Р. Коллинз в своем анализе эмоциональной энергии, которую он рассматривает как континуум, простирающийся от верхнего полюса доверия, энтузиазма, хорошего самочувствия через средний уровень обычной нормальности к нижнему полюсу подавленности, отсутствия инициативы и плохого самочувствия. Эмоциональная энергия схожа с психологическим понятием «напора», «драйва», но имеет особую социальную направленность [13, р. 108].

Таким образом, именно эмоции являются базовыми смысловыми категориями во всех рассмотренных понятиях, и нуждаются в определении, которое соответствовало бы требованиям социологического исследования. Однако в современных публикациях дается определение эмоций только как психологического феномена. Широко распространенной является тенденция выделения социальных эмоций, которые, в отличие от базовых, соотносимых с жизненно важными лично для человека предметам и явлениями (пища, опасность и т.д.), опосредованы социальными эталонами и имеют отношение к взаимодействию с другими людьми, соотносению поведения с нормами морали. Разделение эмоций на первичные (психологические) и вторичные (социальные) может быть рассмотрено как попытка разграничения эмоций в качестве объекта исследования для психологии и социологии. Однако нам представляется, что следует говорить не об установлении границ в исследовании тех или иных видов эмоциональных

проявлений, а о разных исследовательских перспективах и методологических подходах. Данная позиция позволит получить наиболее полную исследовательскую картину эмоциональных явлений.

Развитие научного знания демонстрирует, что эмоции представляют собой не только адаптивную психофизиологическую реакцию организма, но и социокультурный конструкт, который привлекает к себе внимание нескольких наук: психологии, социологии, культурологи, антропологии, психолингвистики, нейрофизиологии. Проблематика эмоций формирует междисциплинарное исследовательское поле, и мононаучный подход обнаруживает свою несостоятельность.

На наш взгляд, проявление эмоций находится в некоем континууме, где на одном полюсе располагаются неконтролируемые эмоции как психофизиологические адаптивные реакции (например, страх и аффективные реакции), а на другом – эмоции как некая социокультурная норма (социальный конструкт), выраженная в предписании и ожидании от индивида эмоциональных реакций, соответствующих актуальной социальной ситуации, которые мы предлагаем называть *контекстуальными эмоциями*. Человек демонстрирует контекстуальные эмоции для других и в присутствии других людей, поскольку их основная функция состоит в управлении социальными действиями другого человека. Эти эмоции помогают актору добиваться удовлетворения своих потребностей через изменение в нужную сторону поведения других людей.

Данный подход позволяет расширить трактовку термина «социальные эмоции» и понимать под ними не только эмоции, возникающие у человека по отношению к нормам, ценностям и правилам, но и социальные эмоциональные маски, которые представляют собой эмоциональные заготовки, соответствующие конкретной ситуации. В целом можно предложить следующее определение эмоций, которое может служить основой для междисциплинарных исследований. Эмоции – это психические состояния и социальный конструкт, характеризующие переживание человеком отношения к актуальной социальной ситуации, в связи с удовлетворением (не удовлетворением) значимых потребностей в рамках социально-культурных норм, ценностей и ролей.

Доминирующие в обществе эмоции отражают реакцию членов социума на значимые социально-экономические преобразования.

А поскольку эмоции возникают в ценностно-нормативном контексте, то их качество и модальность будут зависеть от доминирующих норм и ценностей, свойственных конкретному социуму, что можно проследить на основе результатов исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем. Учеными анализировалось историческое сознание россиян¹, представителям различных поколений предлагалось оценить исторические периоды развития страны. Как отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, большинство из опрошенных лично

пережили многие из оцениваемых этапов и поэтому способны высказывать оценки на основании своего жизненного опыта [1, с. 28–29]. Из всех перечисленных авторами индикаторов рассмотрим только те, которые касаются эмоциональных аспектов (таб. 1). Данные таблицы свидетельствуют, что эмоциональные явления, с которыми респонденты связывают определенные исторические периоды страны, во многом обусловлены процессами, происходящими в обществе, а также преобладающими идеологиями и ценностями. Рассмотрим некоторые эмоциональные характеристики.

Таблица 1
Мнение респондентов о том, какие характеристики присущи тем или иным историческим периодам страны, %

Характеристики	Россия до 1917	СССР при И. Сталине	СССР при Н. Хрущеве	СССР при Л. Брежнев	СССР при М. Горбачеве	РФ при Б. Ельцине
2. Страх	6,1	68,7	3,5	5,3	6,7	50,6
9. Жизнерадостность	6,0	16,2	35,4	71,5	13,9	3,9
11. Доверие между людьми	13,5	10,0	32,2	68,3	14,6	5,1
15. Любовь к Отечеству	35,3	71,8	41,1	50,4	14,0	9,5
22. Чувство гордости	18,4	53,0	38,1	57,7	12,3	6,6
23. Неуверенность в своем будущем	8,1	10,0	2,7	3,7	25,9	93,0
26. Социальная несправедливость	23,9	21,6	11,9	15,2	27,6	85,6
28. Бездуховность	4,0	16,2	10,3	15,4	25,2	81,8

Эмоция страха сильнее выражена в эпоху И. Сталина и Б. Ельцина. В первом случае решающими факторами были политика репрессий и военные годы, а во втором страх усиливали социально-экономические трансформации. Распад государства, экономические потрясения, разгул бандитизма и другие подобные явления в пост-перестроечный период способствовали формированию негативного социального настроения — в результате большая часть россиян испытывала страх за свое будущее. И, как следствие, показатели такой характеристики, как неуверенность в своем будущем, в ельцинский период выше всего (93%). В этот же период самые высокие показатели социальной несправедливости (85,6%) и бездуховности (81,8%).

Жизнерадостность и доверие между людьми начинают возрастать в период Н. Хрущева и достигают наибольших показателей при Л. Брежнев. Приход к власти Хрущева ознаменовал собой окончание послевоенного периода. Н. Хрущев начинает активно проводить социально-экономические реформы. Происходящие позитивные изменения в социуме впоследствии получили название «хрущевская оттепель». Однако период Хрущева — это и обострение международных отношений (конфликты с Союзом коммунистов Югославии, Китаем), в частности, начало «холодной войны» (Карибский кризис). Почему же усиливаются положительные эмоциональные явления массового сознания советских граждан? Большинство проблем тщательно скрывалось, а позитивный

¹ Экспериментальное исследование проведено Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) совместно с Фондом Эберта в 1999 г. В основу лег принцип когортного анализа пяти поколений: 16–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–65 лет. Выборка — 3000 человек, по 600 человек в каждой возрастной группе.

эмоциональный настрой был частью существующей в данный исторический период идеологии: «строители коммунизма» должны иметь позитивный настрой, быть хорошими товарищами и примерными семьянинами. Отражением этой идеологии является кинематограф тех лет, который пропагандирует жизнерадостность, веру в лучшее будущее, дружбу, товарищество, честность.

Можно проанализировать каждую из указанных выше характеристик, однако рамки статьи не позволяют представить подробный анализ, поэтому отметим, что эмоциональные характеристики образов государственности, экономических и общественных отношений разных исторических этапов России (СССР) в массовом сознании россиян не являются константными, а изменяются в зависимости от социальных, экономических и политических процессов соответствующего исторического этапа. С одной стороны, они представляют собой реакцию членов социума на определенные социальные процессы, а с другой — являются результатом или социальным конструктом, сформированным господствующей идеологией. Используя терминологию С. Гордона [14], первые обозначим как *импульсивные*, а вторые — как *институциональные* эмоции общества. С нашей точки зрения, если государство уделяет большое внимание пропаганде определенной идеологии, то в обществе доминируют институциональные эмоции. И наоборот, как только снижается целенаправленное влияние государства на эмоциональную атмосферу общества — начинают преобладать импульсивные эмоции.

В период существенных социально-экономических трансформаций, как правило, возрастают импульсивные эмоции в форме негативных переживаний, что, с нашей точки зрения, обусловлено особенностями трансформационных процессов, которые были выделены Т.И. Заславской [2, с. 445–446]. Значимое влияние оказывают такие особенности, как принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; слабая управляемость процесса, важная роль стихийных факторов его развития, непредрешенность его итогов; неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых. Благодаря контагиозности эмоций, вовлеченность в трансформационные процессы массовых общественных групп

способствует быстрому распространению эмоциональных переживаний. Отсутствие стабильности и возникновение аномий обуславливают негативный эмоциональный фон. Однако не только социально-экономические трансформации оказывают формирующее воздействие на эмоциональные явления социума, но и эмоциональные переживания способны влиять на ход социально-экономических процессов.

В истории общества тому можно найти много примеров. Так, Великая депрессия в США 1929–1933 г. возникла на основе объективных экономических показателей, была синхронной, всеобъемлющей и затронула все отрасли мировой экономики. По сути это был мировой экономический кризис, но свое название он получил благодаря эмоциональному состоянию, в котором пребывало общество. Люди действительно погрузились в состояние депрессивного оцепенения. Панические настроения, спровоцированные обрушением котировок акций на Нью-Йоркской фондовой бирже, стимулировали кризис общественного доверия, который особенно ударил по банкам, чьи вкладчики ринулись снимать свои сбережения, и в результате около 5000 американских банков вынуждены были закрыться. Кризис банковской системы отразился на многих компаниях, банкротство которых увеличивало число безработных. Снижение покупательной способности, в свою очередь, привело к новым банкротствам. В итоге число утративших работу американцев достигло более 13 млн человек. Отчаявшиеся, бездомные люди, переживающие деструктивные эмоции, стали повседневым явлением — это была Великая депрессия, продлившаяся не месяцы, а годы.

Данный пример демонстрирует, что в определенных условиях эмоции (например, страх, отчаяние), актуализируясь на индивидуальном уровне сознания, могут приобрести характер массового явления, охватывающего целые слои населения. Массовые эмоции могут стать причиной социальной неустойчивости, дезорганизации и кризиса социально-экономической жизни. Доминирование определенного вида массовых эмоций в обществе может быть точной характеристикой происходящих в нем социальных процессов.

Интенсивность социально-экономических трансформаций и модальность эмоциональных переживаний, которые им сопутствуют, находят свое отражение

в ощущении счастья как определенного уровня удовлетворенности и личного благополучия в жизни. ВЦИОМ проводит систематические исследования индекса счастья, который рассчитывается как разница между долей респондентов, ощущающих себя счастливыми, и долей тех, кто не чувствует себя счастливыми. Индекс может принимать значение от –100 до 100 пунктов. Чем выше его значение, тем выше уровень счастья опрошенных (таб. 2) [5].

Наиболее низкое значение индекса счастья за весь период измерения было зафиксировано в 1992 г. – 6 пунктов (тогда только

42% наших сограждан сообщали о том, что они чувствуют себя счастливыми). Причина того низкого показателя в том, что 1992 г. – это начало экономической реформы на территории постсоветского пространства. Либерализация цен и «шоковая терапия» Егора Гайдара привели к полному уничтожению плановой экономики и к крайне негативным последствиям: катастрофически обесценился рубль, произошло ограбление россиян собственным государством. С 1993 по 1997 г. показатели индекса не приводятся, но можно предположить, что и в эти годы они также невелики.

Таблица 2
Показатели индекса счастья²

	В жизни бывает всякое – и хорошее, и плохое, но если говорить в целом, вы счастливы? (закрытый вопрос, один ответ)											
	1990 июнь	1991 май	1992 февр.	1998 февр.	2008 март	2009 март	2009 сент.	2010 март	2010 сент.	2011 апрель	2011 сент.	2012 апрель
Определенно да	5	8	2	16	22	19	19	20	14	19	15	22
Скорее да	39	52	40	44	55	50	53	52	56	48	51	60
Скорее нет	22	24	31	19	12	16	17	14	19	20	21	12
Определенно нет	5	5	5	6	3	5	4	3	3	5	4	1
Затрудняюсь ответить	29	12	23	15	8	11	7	11	9	8	9	6
Индекс счастья	17	31	6	35	62	48	51	55	48	43	41	69

Высоким индекс был в 2008 г. – 62 пункта, 77% ощущали себя счастливыми. Интерес вызывает факт, что в последующие годы, несмотря на экономический кризис, показатели индекса счастья снижаются по сравнению с 2008 г., но все равно остаются достаточно высокими. И наиболее высокий индекс счастья демонстрируют последние замеры – 69 пунктов в апреле 2012 (82% россиян чувствовали себя счастливыми), причем предшествующим значимым событием были президентские выборы. Возможно, данная реакция является следствием предвыборной кампании победившего кандидата, когда посредством СМИ активно внедрялся образ стабильности, преодоления кризиса, наличия четкой стратегии последующих реформ, а в случае победы другого кандидата – непредсказуемость последствий, деструктивность, вплоть до революционных преобразований. Естественно, для

детального объяснения данных феноменов необходимы дополнительные исследования, основанные на качественной методологии, которые позволят выявить специфику эмоционального отношения россиян к последним социально-экономическим трансформациям.

Исследования ВЦИОМ демонстрируют, что уровень счастья изменяется в зависимости от возраста и социального статуса респондентов: среди тех, кто счастлив, оказалось 36% россиян моложе 35 лет, а среди несчастных – только 20%; 30% опрошенных с высоким уровнем образования довольны своей жизнью, среди тех, кто считает себя несчастным – таких только 19%; счастливые люди, как правило, удовлетворены своей работой (56%), те, кто чувствует себя несчастным, чаще недоволен и своим трудоустройством (46%) [5]. Данные, представленные на сайте ВЦИОМа за сентябрь 2011 г., позволяют

² Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 14–15 апреля 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

провести сравнительную характеристику. Среди молодого поколения (18–24 года) счастливы 79% и несчастливы 14%, а среди пожилого (60 и старше) 53% счастливы и 36% склонны не испытывать счастья [6]. Следовательно, переживание счастья не является однородным для всех членов социума, а изменяется в зависимости от их половозрастной и стратификационной принадлежности.

Как справедливо отмечает С.Г. Зырянов, под влиянием трансформационных процессов на протяжении почти двадцати лет складываются и закрепляются в социальной практике новые формы взаимодействия индивидов и институтов, потребительские и духовно-нравственные ценности, интересы и потребности [3, С. 20]. И действительно большинство сфер российского социума подверглось социально-экономическим трансформациям, которые были вызваны как внутренними факторами, так и процессами, обусловленными глобализацией и развитием постиндустриального общества, наиболее фундаментальным признаком которого является переориентация производства с создания материальных благ на предоставление услуг и генерирование информации.

Стремительный рост сферы услуг, ее прикладное и научное осмысление привели к формированию понятия «сервисное общество», которое Г.В. Шелудько определяет как сферу человеческого бытия, включающую в себя жизнь и деятельность людей как носителей складывающихся между ними многообразных сервисных отношений и связей [9]. С нашей точки зрения, процесс сервисизации значительно воздействует на эмоциональные переживания членов общества. Отношение потребителей к оказанной услуге, их последующие обращения в организацию тесно сопряжены с эмоциями. В борьбе за клиентов сервисные организации оказывают формирующее воздействие на эмоции потребителей; осуществляется процесс коммерциализации эмоциональной сферы, эмоции наделяются свойствами товара – они покупаются и продаются. Сервис становится не просто плохим или хорошим, он трансформируется в особым образом организованную коммуникацию и приобретает такую характеристику как эмоциональность.

Для анализа ситуаций социального взаимодействия поставщика и потребителя услуг

мы предлагаем ввести понятие «эмоционально-коммуникативный сервис», которое может быть определено как процесс непосредственных и опосредованных социальных взаимодействий между поставщиком и потребителем услуг, в результате которого на основе целенаправленного управления эмоциями осуществляется заключение сделки, совершение покупки, предоставление информации или оказание любой другой услуги, а также формируется желание клиента возвращаться вновь и вновь для потребления товаров и услуг данного сервиса. Эмоционально-коммуникативный сервис основывается на двустороннем процессе управления эмоциями: с одной стороны сотрудник сферы услуг управляет своими эмоциями, а с другой происходит формирующее воздействие на эмоции потребителя.

Результаты авторского исследования персонала организаций сферы услуг демонстрируют³ значимость эмоций в его профессиональной деятельности. Большинство сотрудников (91%) осознают, что их работа требует доброжелательного отношения к клиентам. На вопрос «Часто ли Вы улыбаетесь клиентам?» наибольший процент получили ответы: часто потому, что улыбка – это часть рабочего имиджа (70%), и стараюсь улыбаться, так как это помогает в общении (56%). Результаты анкетирования показывают – 90% респондентов понимают, что их работа требует, чтобы они управляли эмоциями других людей.

В процессе взаимодействия с клиентом очень часто проявляются эмоции обслуживающего персонала, которые не являются индикатором их собственного благополучия, а улыбка и «дружелюбное» поведение являются частью трудовой роли. Так, 83% респондентов указали, что их работа требует, чтобы они скрывали свои истинные эмоции в некоторых ситуациях, а 72% респондентов отметили, что на работе они могут скрывать свои эмоции или управлять ими. Эмоции, которые обслуживающий персонал проявляет в процессе продажи или в рамках оказания той или иной услуги, зачастую являются предметом потребления и представляют собой эмоциональный труд. Концепция эмоционального труда впервые была разработана А. Хохшильд [15]. В целом эмоциональный труд – это процесс манипуляции человеком своими внутренними чувствами или поведением

³ Результаты анкетирования (N=475) сотрудников трех центров социального обслуживания населения (ЦСОН), двух школ, двух туристических фирм, двух банков и спортивного клуба.

для демонстрации соответствующей эмоции в ответ на организационные правила или требования трудовой роли. Наши исследования показали, что новые стандарты обслуживания, которые нередко представляют собой заимствование западных образцов, вступают в диссонанс с традиционными формами взаимодействия. Последствия данных противоречий и последствия эмоционального труда остаются мало исследованными в российской социологии.

Необходимо отметить, что развитие сферы услуг предъявляет не только новые требования к взаимодействию поставщиков и потребителей услуг, но и формирует новые модели поведения человека, нормы и ценности, которые из сферы потребления проникают в другие сферы жизнедеятельности и начинают влиять на социальные отношения. На сегодняшний день роль эмоций в данном процессе остается слабо изученной, что в большей мере обусловлено отношением отечественной социологии к эмоциям как

к психологической категории. Тем не менее, Мейбел Березин отмечает, что сегодня «эмоциональный поворот», как в свое время «культурный» и «исторический» повороты, способен придать политической и экономической социологии новый прилив энергии. Теории, которые игнорируют аффективное измерение социальной жизни, сталкиваются с проблемой объяснения индивидуального и коллективного поведения, движимого не рациональными факторами, а, например, пагубной зависимостью, жадностью или альтруизмом [11]. Эмоции представляют собой связующее звено между акторами социального взаимодействия и оказывают существенное влияние на развитие социальных отношений. Эмоции общества, являясь базовой, интегративной категорией для всех эмоциональных явлений социума, с одной стороны, отражают значимость социально-экономических трансформаций, а с другой – воздействуют на ход трансформационных процессов.

1. Горшков М.К. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94). С. 7–40.
2. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002. 568 с.
3. Зырянов С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области [Текст] / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2011. № 4 (32). С. 20–25.
4. Общественное мнение – 2009 [Текст]. М. : Левада–Центр, 2011. 268 с.
5. От чего зависит счастье? Пресс-выпуск № 2019. 14.05.2012 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112766> (дата обращения: 04.06.2012).
6. Российский «Индекс счастья». Пресс-выпуск № 1883 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112084> (дата обращения: 04.06.2012).
7. Тощенко Ж.Т., Харченко С. Социальное настроение. М. : Academia, 1996. 196 с.
8. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении [Текст] / М.Ю. Урнов. М. : Аспект-Пресс, 2008. 240 с.
9. Шелудько Г.В. Онтологическая специфика сервисной среды [Текст] Г.В. Шелудько // Современные гуманитарные исследования. 2006. № 4. С. 39–44.
10. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М. : Ин-т практ. психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 492 с.
11. Berezin M. Are economic sociologists ready for the emotional turn? // Accounts: A newsletter of economic sociology. 2004. Vol. 5. No. 1 (Fall). URL: http://www.economyandsociety.org/publications/working_papers.shtml (дата обращения: 11.03.2010).
12. Clark S. Theory and practice: psychoanalytic sociology as psycho-social studies // Sociology. London: Sage Publication. 2006. Vol. 40 (6). pp. 1153–1169.
13. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford. Princeton University Press. 2004. 439 p.
14. Gordon S.L. Institutional and impulsive orientations in selectively appropriating emotions to self // The sociology of emotions: Original essays and research papers / Ed. by D.D. Franks, E.D. McCarthy. Greenwich, CT : JAI Press, 1989. Pp. 115–135.
15. Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley, University of California Press, 1983. 318 p.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

316.334.52

И.З. ГАРАФИЕВ

Изучение региона как определённой территориальной целостности проходит в рамках различных наук: экономики, географии, социологии. В отличие от региональной экономики и географии, социология регионов как научная дисциплина только в начале пути своего институционального становления. В отечественной социологической науке сложилась традиция изучения регионального общества как социально-территориальной общности, т.е. как «относительно самостоятельной ячейки территориальной структуры общества, включающей, во-первых, соответствующую группу населения, во-вторых, используемую этой группой часть жизненного пространства с ее природными ресурсами, производственными предприятиями, жилым фондом, социально-бытовой инфраструктурой» [3, с. 301]. И.П. Рязанцев, Т.Ю. Завалишин предлагают методологию изучения регионов, заключающуюся в рассмотрении социально-территориальной (региональной) общности «как единого (коллективного) социального субъекта (актора), включенного в интеррегиональные социально-экономические, социально-политические и социокультурные интеракции, обеспечивающего благодаря этому решение своих специфических внутрирегиональных проблем». Это, по их мнению, позволяет для изучения регионов привлечь «альтернативные холизму теории методологического индивидуализма (например, бихевиоризма, рационального выбора, социальных сетей и др.), обеспечивая, таким образом, синтетический подход в исследовании региона и возможность получить качественно новое научное знание о нем» [9, с. 31]. Опираясь на данное определение, мы попытаемся предложить собственный вариант применения теории методологического индивидуализма при изучении региона на примере теории человеческого капитала и бихевиористской социологии. Исходной пунктом для нас является категория «территориальное поведение социально-территориальной общности», понимаемое как: «поведение 1) опосредованное территориальным разделением труда; 2) предполагающее использование ресурсов данной территории (природных и социально-экономических); 3) основанное на пространственной

(территориальной) рефлексии экономического субъекта» [2, с. 88].

В данной статье мы отстаиваем правомерность применения принципов методологического индивидуализма (теории человеческого капитала, бихевиористской социологии) к анализу региона как коллективного социального субъекта. Это, на наш взгляд, позволяет комплексно рассмотреть процесс развития инновационного человеческого капитала региона через выявление особенностей его формирования в рамках института образования, использования в рамках института экономики, управления, в рамках института политики.

Понятие «поведение» является ключевым как для теории человеческого капитала, так и для бихевиористской социологии. Классическое определение человеческого капитала как «запаса знаний, навыков, мотиваций, позволяющих индивиду выступать в качестве экономической единицы, субъекта профессиональной и хозяйственной деятельности» [12, р. 9], данное Г. Беккером, предполагает реализацию этих знаний в рамках экономического поведения индивидов. Понятие «экономическое поведение» является ключевой категорией экономической социологии; мы за основу берем определение В.И. Верховина, понимающего его как «систему социальных действий, связанных с использованием различных экономических ценностей (ресурсов) и ориентированных на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения» [1, с. 120].

Действия региона в качестве коллективного социального субъекта можно интерпретировать как его территориальное экономическое поведение, ресурсом последнего выступает человеческий капитал региона, понимаемый как запас знаний.

В рамках как социологии, так и экономики выделяется инновационный тип экономического поведения, характеризующийся следующими чертами:

1. Потенциал, ресурсы территории рассматриваются как ценности, извлекаются с помощью различных инновационных технологий. Они реализуются через экономические институты (привлечение индустриальных технологий для роста масштабов производства и потребления

на территории хозяйствования общности, ускорения НТП), политические (государственное регулирование процессов и последствий рыночной экономики), культурно-духовные (функционирование образовательных и научных учреждений, НИИ и т.п.) [5, с. 20,22].

2. Происходит обновление технологий, используется высококвалифицированный труд, характеризуемый высокими расходами государства на НИОКР и инвестиции, положительной динамикой наукоемких отраслей (их доля в ВВП) и вложениями в человеческий капитал [6, с. 11].

Основой человеческого капитала являются знания, которые носят двоякий характер, наряду с общими знаниями, которые могут быть использованы при любой деятельности, Г. Беккер выделяет специальные знания, полезные только для какого-либо определенного вида деятельности [12, р. 94–144]. Для инновационного типа экономического поведения таким специальным человеческим капиталом является инновационный человеческий капитал.

Инновационный человеческий капитал региона мы предлагаем анализировать в рамках теории сетевого общества М. Кастельса. В ней раскрывается взаимное влияние инновации и территории: «Развитие информационно-технологической революции способствовало формированию инновационной среды, где открытия и практические применения взаимодействовали и испытывались в повторяющемся процессе проб и ошибок и обучения на практике. Эта среда требовала (и требует по сей день, в 1990-х годах, невзирая на сетевую связь on-line) пространственной концентрации исследовательских центров, институтов высшего образования, передовых технологических компаний, сети вспомогательных поставщиков товаров и услуг и предпринимательских сетей венчурного капитала для финансирования новичков» [4, с. 69].

М. Кастельс выделяет два типа пространств: «пространство потоков» и «пространство мест». В рамках «пространства места» регион выступает как социум, обеспечивая воспроизводство населения и социальное развитие на определенной территории. В рамках «пространства потоков» регион выступает как субъект, вступающий в конкуренцию за информацию с целью улучшить свою конкурентоспособность в мировой экономике, для того чтобы стать частью всемирной сети, т.е. чтобы участвовать в деловых проектах, в которых он использует ресурсы, накопленные в рамках «пространства места».

Инновационный человеческий капитал региона в рамках теории сетевого общества

М. Кастельса анализируется как ресурс региона, используемый в двух пространствах. В «пространстве потоков» — как ресурс в борьбе за привлечение бизнес-проекта, а в «пространстве места» — как ресурс для развития инновационной среды, что позволит получить социальный эффект от реализации проекта. Описанный процесс принимает форму кругооборота: инновационная среда обеспечивает реализацию проекта, проект позволяет получить социальный эффект и улучшить развитие инновационного человеческого капитала региона, который улучшает инновационную среду и позволяет получить новый проект.

Влияние инновационного человеческого капитала на инновационную среду происходит в рамках трех процессов: его формирования, его использования и управления им. На уровне региона ключевую роль в этих процессах играют институты образования, политики и экономики.

Для выявления влияния институтов на инновационную среду предлагается использовать структурно-функциональную и бихевиористскую методологию, отражающих нормативно-ролевое и поведенческое понимание сущности институтов. Структурно-функциональный подход представлен в работах Т. Парсонса и Р. Мертон. Т. Парсонс трактует социальные институты как особым образом организованные узловые структуры социальных отношений, их природа носит двоякий характер: с одной стороны они выступают как особые ценностно-нормативные комплексы, регулирующие поведение индивидов, а с другой — в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества [15, р. 231–232].

В работах Р. Мертона представлен функциональный анализ понятия «социальный институт». Функция у него, с одной стороны, выступает как объективное следствие, благоприятное для приспособленности и интегрированности системы, а с другой — как системообразующий принцип связи структурных единиц. При этом как одно явление может иметь различные функции, так и одна и та же функция может выполняться различными общественными явлениями [14, р. 78]. Применительно к тематике нашего исследования это означает, что функция инновационного развития экономики может быть реализована несколькими социальными институтами.

Согласимся со Зборовским Г.Е., что самые современные и лучшие зарубежные учебники по социологии, как правило, не систематизируют социальные институты, а в соответствующем разделе о них (он обязательно существует в каждом учебнике) просто раскрывается содержание деятельности весьма ограниченного

набора институтов: семьи, образования, религии, экономики, политики [7, с. 350]. В рамках данной статьи нам достаточно ограничиться этой предельно общей классификацией, согласно которой на инновационную среду оказывают существенное влияние три социальных института: экономики, политики и образования.

Структурно-функциональный подход предполагает, что функционирование социальных институтов в обществе охватывает лишь нормативно регулируемую часть поведения людей, преодолеть эту ограниченность позволяет бихевиористская методология, направленная на выяснение связей между индивидами и их вероятным влиянием на поведение.

Один из главных теоретиков бихевиористской социологии Г. Хоманс критиковал структурно-функционалистское объяснение институтов. Он определял их как «относительно устойчивые модели социального поведения, на поддержание которых направлены действия многих людей» [13, р. 6].

Принимая данное определение, обратимся к сформулированным в рамках бихевиористской социологии принципам управления социальным поведением. Джон Болдуин и Дженис Болдуин дают следующее определение: «Систематическое формирование поведения предполагает изменение его в направлении запланированной конечной модели. Поведение при этом постоянно подкрепляется» [11, р. 159].

Инновационный человеческий капитал — это специальный человеческий капитал, его использование возможно только для специальных технологий, процессов, в нашем случае — инновационного развития территории. Каждый институт при развитии инновационного человеческого капитала выполняет определенную функцию: институт образования — формирования инновационного человеческого капитала, экономики — его использования, политики — управления им.

Бихевиористское понимание социального института как модели поведения субъектов позволяет выделить в рамках каждого института субъектов, заинтересованных в развитии инновационного человеческого капитала. Критерием идентификации их поведения является его территориальный характер; мы предполагаем, что это инновационное территориальное экономическое поведение, т.е. в интересах территории. Для института образования такими субъектами являются инновационные вузы (например, федеральные и национально-исследовательские университеты) для института экономики — инновационные предприятия (малые, средние и крупные корпорации), для института

политики — региональные органы власти, отвечающие за инновационное развитие региона (например, региональное министерство экономического развития).

Для выполнения соответствующей функции (формирования, использования, управления) они вступают во взаимодействие с другими субъектами, где используют определенный тип капитала как ресурса для выполнения функции института.

Наша позиция основывается на концепции конвертации форм капитала В. В. Радаева, который под капиталом понимает «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм» [8, с. 21]. Он предлагает применить концепцию П. Бурдьё о трех состояниях капитала (инкорпорированном, объективированном, институционализированном) ко всем формам капитала: экономическому, физическому, культурному, человеческому, социальному, административному, политическому, символическому.

В рамках теории специального человеческого капитала человек должен владеть конкретными знаниями, которые могут быть использованы только в рамках какой-то специализированной деятельности.

Для выполнения функции формирования инновационного человеческого капитала субъекты в рамках института образования должны обладать высоким интеллектуальным капиталом. Интеллектуальный капитал состоит из трех компонентов:

- человеческого капитала (знания, опыт, способности конкретных физических лиц);
- структурного капитала (все, что остается на предприятии, связанное с интеллектуальным потенциалом, после ухода персонала с работы домой, сюда относится, например, интеллектуальная собственность);
- клиентского капитала (система капитальных, надежных, долгосрочных доверительных и взаимовыгодных отношений предприятия со своими клиентами, покупателями) [3, с. 432; 10, с. 432].

Для выполнения функции использования инновационного человеческого капитала субъекты в рамках института экономики должны обладать высоким административным капиталом. Понятие «административный капитал», кроме сугубо административных способностей, должно включать в себя и предпринимательские способности. Последние — инновационные по своей природе, так как заключаются в способности использовать определенное сочетание ресурсов для производства товара, принимать

последовательные решения, создавать новшества и идти на риск.

Для выполнения функции управления инновационным человеческим капиталом субъекты в рамках института экономики должны обладать высоким политическим капиталом, позволяющим им инновационное развитие территории реализовать как первоочередную задачу региональной экономической политики.

Применив теорию П. Бурдьё о трех состояниях капитала, получим следующие характеристики каждой формы капитала субъектов инновационного экономического поведения:

1. Интеллектуальный капитал субъектов инновационного экономического поведения в рамках института образования в следующих состояниях:

– инкорпорированном состоянии — предстает как специальные знания, умения, навыки в области инноваций, необходимых для развития региона;

– объективированном состоянии — предстает в виде обучающих текстов и практик, направленных на передачу специализированных знаний в целях инновационного развития региона;

– институциональном состоянии — предстает как дипломы, сертификаты о получении знаний об инновационных технологиях и продуктах, необходимых для развития региона.

2. Административный капитал субъектов инновационного экономического поведения в рамках института экономики в следующих состояниях:

– инкорпорированном состоянии — предстает как регулирование доступа и эффективное использование специальных знаний, необходимых региону в целях инновационного развития;

– объективированном состоянии — предстает в виде корпоративных систем, организующих применение специализированных знаний для производства инновационной продукции в целях инновационного развития региона;

– институциональном состоянии — предстает как должностные инструкции, регулирующие применение специализированных знаний для производства инновационной продукции в целях инновационного развития региона.

3. Политический капитал субъектов инновационного экономического поведения в рамках института экономики в следующих состояниях:

– инкорпорированном состоянии — предстает как мобилизация коллективного действия для инновационного развития, репрезентация интересов в целях инновационного развития региона;

– объективированном состоянии — предстает в виде программ политических партий, общественных движений, органов власти, осуществляющих инновационное развитие региона;

– институциональном состоянии — предстает как структуры лидерства, общественные организации и комитеты, элитные, реформаторские группы.

Подводя итог, следует отметить, что применение принципов методологического индивидуализма (теории человеческого капитала, бихевиористской социологии) к анализу региона как коллективного социального субъекта позволяет комплексно рассмотреть процесс развития инновационного человеческого капитала региона через выявление особенностей его формирования в рамках института образования, использования в рамках института экономики, управления в рамках института политики.

1. Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 120–125.
2. Завалишин А.Ю. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа [Текст] А.Ю. Завалишин И.П. Рязанцев // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83–92.
3. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. 446 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Лысенко Е.О. Социально-территориальная общность как субъект экономического поведения [Текст] Е.О. Лысенко: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 27 с.
6. Малых О.В. Экономическое поведение государства: сущность, факторы, модели [Текст] / О.В. Малых: автореферат дис. ... д.э.н. М., 2008. 57 с.
7. Общая социология [Текст]: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
8. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–33.
9. Рязанцев, И.П. Теоретические основания социологии региона [Текст] / И.П. Рязанцев, Т.Ю. Завалишин // Социология. 2007. № 2. С. 30–45.
10. Эдвинсон Л. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на западе: антология. М.: Academia, 1999. С. 429–448.
11. Baldwin J.D., Baldwin J.I. Behavior principles in every life. 2 ed. Englewood Cliffs (N.J.), 1986.
12. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2 ed. N.Y. 1975.
13. Homans G.C. The sociological relevance of behaviorism // Behavioral sociology / Ed. R. Burgess, D. Bushell. N.Y., 1969. P.6.
14. Merton R. Social theory and social structure. Glencoe, 1957.
15. Parsons T. Essays on sociological theory. N.Y., 1964. P. 231–232.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПЕНСИОНЕРОВ И ИНВАЛИДОВ НА УРАЛЕ НА БАЗЕ КОМПЛЕКСНЫХ ЦЕНТРОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ*

УДК 31(470-43)

Г.С. СМИРНОВ, С.С. СМИРНОВ

Уральский регион пережил за последние 20 лет болезненную эпоху рыночных реформ, важным последствием которых стало появление больших групп социально не защищенного населения. Самой многочисленной из них являются пенсионеры (включая инвалидов разных возрастов). Для оказания им поддержки в форме социального обслуживания в 1990-е годы была создана сеть полустационарных учреждений, важнейшим элементом которой стали комплексные центры социального обслуживания населения (КЦСО).

Категорий получателей услуг несколько – одинокие пенсионеры и инвалиды; малообеспеченные и социально неблагополучные семьи; находящиеся в социально опасном положении дети и подвергающиеся семейному насилию женщины, словом, все, кто

находится в трудной жизненной ситуации. Однако наиболее массовым и регулярным направлением деятельности УЦСО является социальная реабилитация пожилых людей и инвалидов. Поэтому масштабность, результативность и эффективность работы центров оценивается прежде всего по показателям работы в этом направлении. Соответственно и сбор статистической информации для органов государственного управления также осуществляется по этим показателям.

Традиционно КЦСО создавались по административно-территориальному признаку и, как правило, если позволяли материальные и финансовые возможности, они имелись в каждом районном центре. Динамика численности, структуры и направлений их деятельности целесообразно рассмотреть на примере одного из субъектов Федерации.

Таблица 1
Динамика численности КЦСО и созданных на их базе отделений в Челябинской обл. (1995–2011 гг.)

Наименование служб	Численность на конец года									
	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	
Центры социального обслуживания	51	50	38	50	50	50	50	50	50	
Службы срочной социальной помощи	42	40	43	46	47	48	47	48	48	
Отделения дневного пребывания	31	35	38	38	38	38	38	40	40	
Отделения социальной помощи на дому	155	141	162	158	159	160	168	169	175	
Отделения временного проживания	-	4	3	6	6	6	4	4	4	
Отделения социально-медицинского обслуживания на дому	-	5	13	16	16	16	15	15	15	
Мобильные службы	-	-	32	32	32	32	50	50	50	

В Челябинской области, по данным за 2011 г., функционируют 50 КЦСО, в структуре которых имеются следующие отделения:

– социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов (175 отделений, которые обслужили 33,7 тыс. клиентов);

* Статья написана при поддержке РФНФ. Проект № 11-03-00655а.

— социально-медицинского обслуживания на дому (15 отделений, в них социально-медицинские услуги получили около 900 человек);

— дневного пребывания (40 отделений, где гражданам пожилого возраста и инвалидам, сохранившим способность к самообслуживанию и активному передвижению, предоставлены медицинская помощь, оздоровление, горячее питание, организован отдых и досуг. В 2011 г. в отделении обслужено более 14,0 тыс. человек);

— срочного социального обслуживания (48 отделений оказывают консультативную помощь, а также социальную помощь за счет средств местных бюджетов и внебюджетных источников, предоставляют бесплатное питание в муниципальных благотворительных столовых, комплектуют и выдают продовольственные наборы, наборы школьных принадлежностей, формируют банк вещей, бывших в употреблении, и выдают эти вещи нуждающимся). За 2011 г. различные социальные услуги в отделениях получили 434 тыс. человек;

— временного проживания граждан пожилого возраста и инвалидов (4 отделения, обслужено 150 человек);

— социально-консультативной и правовой помощи (9 отделений, в которых социальные услуги получили 57 тыс. человек).

В целях реализации прав граждан, проживающих в малых и отдаленных населенных пунктах, на социальное обслуживание, при отделениях срочного социального обслуживания комплексных центров созданы мобильные социальные службы. В настоящее время

мобильной службой обслуживается более 1000 малых и отдаленных населенных пунктов. За 2011 г. мобильной службой обслужено 49 тыс. человек, оказано 72 тыс. услуг.

При отделениях срочного социального обслуживания организованы пункты проката средств реабилитации для инвалидов.

Всего в течение 2011 г. социальные услуги в КЦСО получили около 587 тыс. человек (с учетом мобильной службы).

В 2011 г. Постановлением Правительства Челябинской области от 16.11.2011 г. № 402-п введены 40 дополнительных социальных услуг, оказываемых на платной основе сверх Перечня гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, учреждениями государственной системы социальных служб на территории Челябинской области и утверждены тарифы на них. Дополнительные социальные услуги предоставляются через отделения социального обслуживания на дому, социально-медицинского обслуживания на дому, срочного социального обслуживания и дневного пребывания [2, С. 61–63].

Приведенные выше показатели характеризуют лишь внутреннюю динамику структуры КЦСО области, но не позволяют провести сравнительный анализ на региональном и общероссийском уровнях. Для ликвидации этого «пробела» мы провели такой анализ по трем основным направлениям деятельности, по которым Росстатом публикуются официальные данные.

Таблица 2
Динамика численности КЦСО России и Уральского региона
(в числителе абсолютное количество, в знаменателе на 100 тыс. пенсионеров) [3]

Субъекты	Годы				
	2000	2005	2008	2009	2010
РФ	1825/4,75	2238/5,84	2264/5,79	2219/5,59	2185/5,50
Челябинская область	50/5,21	50/5,33	50/16	50/5,05	50/4,86
Республика Башкортостан	14/1,36	40/3,94	68/6,58	68/6,44	62/5,87
Оренбургская область	47/8,19	47/8,26	46/8,07	46/7,93	62/10,69
Курганская область	29/10,03	28/10,03	28/10,0	26/9,22	26/9,22
Свердловская область	88/7,15	85/7,01	81/6,56	76/6,05	68/5,41
По региону	228/5,59	250/6,23	273/6,78	266/6,51	268/6,43

Анализ динамики КЦСО в уральском регионе показывает, что за период

с 2000 по 2010 годы имелись разнонаправленные тенденции их численности. Если

в целом по России количество центров увеличилось на 19,7%, то в Башкортостане это увеличение составило 4,5 раза. Почти на 32% число центров увеличилось в Оренбургской области, а в Курганской и Свердловской областях заметно снизилось: в первом случае более чем на 10%, а во втором почти на 23%. В Челябинской области на протяжении всего периода число центров оставалось неизменным. В целом же по уральским территориям увеличение составило 117,5%.

Однако со второй половины 2000-х годов наблюдается тенденция к уменьшению этой величины. Так, если в целом по стране за 11 лет число центров и увеличилось на 19,7%, то по сравнению с 2005 г. сократилось почти на 8%. Наибольшее количество КЦСО в России (2265) имелось в 2007 г. В целом по уральским областям рост числа центров близок к общероссийским показателям (17,5%), но и здесь виден такой же спад. Наибольшее количество центров в регионе (318), как и в России, насчитывалось в 2007 г. Если сравнить данные за 2007 г. с данными за 2010 г., то сокращение составит 15,7%.

Впрочем, сама по себе численность центров не дает представления о степени удовлетворенности этими учреждениями потребности населения субъектов Федерации в услугах, а лишь демонстрирует степень их распространности по территории субъекта Федерации

и, следовательно, степень территориального равенства возможностей населения на получение социальных услуг, поскольку КЦСО является прежде всего территориальным центром.

С другой стороны, КЦСО может обслужить лишь ограниченное число нуждающихся. Важным показателем с этой точки зрения является количество центров, приходящихся на 100 тыс. пенсионеров и инвалидов. В целом по России этот индекс увеличился за 11 лет с 4,55 до 5,50. Но и здесь наивысшего значения индекс достигал в 2007 г., а затем стал неумолимо падать. Таким образом, 2007 г. стал своеобразным рубежом, знаменующим абсолютное и относительное сокращение возможностей населения пользоваться услугами центров в период экономического кризиса.

Челябинская область в этой ситуации хотя и сохранила все 50 центров, тем не менее, не смогла сохранить индекс обеспеченности центрами. Причина этого кроется в ежегодном увеличении численности пенсионеров и инвалидов при неизменном количестве КЦСО.

Приведенная выше информация свидетельствует о потенциальных возможностях КЦСО. Реальные и сравнимые результаты реальной деятельности центров в 2010 г. представлены ниже.

Таблица 3
Численность пенсионеров и инвалидов, обслуженных КЦСО в 2010 г. [3]

Субъекты	Количество пенсионеров и инвалидов, тыс.	Обслужено, тыс.	Обслужено (%)
Российская Федерация	39706	1088,9	2,74
Челябинская область	990	28,2	2,85
Республика Башкортостан	1056	23,9	2,26
Оренбургская область	580	25,9	4,46
Курганская область	282	11,2	3,97
Свердловская область	1257	31,0	2,47
По региону	4165	120,2	2,89

По числу получивших услуги центров в расчете на 100 тыс. потенциальных клиентов в регионе лидирует Оренбургская обл. Челябинская занимает третье место, хотя в сравнении с общероссийским ее показатель выглядит лучше. Таблица демонстрирует также, что основными отделениями центров, оказывающими государственные социальные

услуги, обслуживается лишь небольшая доля пенсионеров и инвалидов.

Одной из важнейших функций КЦСО является социальное обслуживание пожилых людей и инвалидов на дому. Надомное обслуживание позволяет продлить срок проживания одинокого человека в собственном жилище, снижает потребность в стационарных

социальных учреждениях интернатского типа. В целом и по стране, и по региону наблюдается сокращение количества отделений. При этом в общероссийском масштабе этот

процесс менее активен (2,3% против 6,1% по региону). Наибольшее число отделений имелось в 2005 г. (в России 12479, в регионе – 1234).

Таблица 4
Динамика численности отделений надомного обслуживания [3]

Субъекты	Годы					В % к 2000 г.
	2000	2005	2008	2009	2011	
Российская Федерация	11664	12479	11949	11456	11395	97,7
Челябинская область	141	161	160	169	168	119,1
Республика Башкортостан	247	244	157	151	151	61,1
Оренбургская область	268	274	272	262	262	97,8
Курганская область	133	161	115	158	157	118,0
Свердловская область	394	394	381	389	373	94,7
По региону	1183	1234	1085	1129	1111	93,9

На фоне всеобщего сокращения числа отделений лишь Челябинская и Курганская области продемонстрировали их рост относительно 2000 г. на 19,1% и 18,0%

соответственно. Причем в этих субъектах именно в годы кризиса произошло существенное увеличение числа отделений.

Таблица 5
Количество лиц, получивших услуги через отделения надомного обслуживания, тыс. человек. [3]

Субъекты	Годы							В % к 2000 г.
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Российская Федерация	1067,1	1147,8	1355,9	1107,2	1108,2	1100,8	1088,9	102,0
Челябинская область	27,3	28,5	33,3	28,2	28,4	28,2	28,2	103,3
Республика Башкортостан	20,3	21,5	25,5	23,2	23,3	23,2	23,9	117,7
Оренбургская область	21,8	23,8	32,7	24,8	25,7	26,0	25,9	118,8
Курганская область	12,1	12,4	11,1	9,4	9,3	11,4	11,2	92,6
Свердловская область	28,3	34,0	66,7	28,5	31,5	30,5	31,0	109,5
По региону	109,3	100,2	169,3	114,1	118,2	119,3	120,2	110,0

Изменение численности отделений повлияло на количество обслуживаемых ими пенсионеров и инвалидов, однако не сразу, поскольку надомное обслуживание, в отличие от других его видов, устанавливается на неопределенный срок (обычно до смерти или помещения клиента в стационар). По этой причине пик численности обслуженных пришелся на 2006 г. (1355,9 тыс. по России, 169,3 тыс. по региону, 33,3 тыс. по Челябинской обл.). По темпам

роста числа лиц, находящихся на надомном обслуживании, Челябинская обл. также выглядела лучше России в целом, но значительно уступала региональному показателю. Рост числа отделений не привел к существенному росту клиентов надомного обслуживания.

В связи с сокращением отделений и одновременным ростом численности клиентов существенно выросла нагрузка на работников отделений.

Таблица 6
Нагрузка на одного работника отделения надомного обслуживания (человек). [3]

Субъекты	Годы							В % к 2000 г.
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Российская Федерация	5,9	6,5	8,2	6,5	6,4	6,5	6,5	110,2
Челябинская область	8,8	9,1	9,3	7,8	7,7	7,6	7,6	86,4
Республика Башкортостан	8,3	8,2	10,0	8,5	8,0	7,7	7,7	92,8
Оренбургская область	6,0	6,1	8,3	6,5	7,0	7,0	7,0	116,7
Курганская область	5,9	5,8	7,4	6,2	6,0	7,2	7,0	127,3
Свердловская область	6,6	7,2	24,8	7,8	8,0	8,2	8,1	122,7

В целом по стране нагрузка выросла на 10,2%. В Уральском регионе она снизилась в Челябинской обл. и Башкортостане. В остальных областях увеличилась от 16,7% в Оренбургской до 27,3% в Курганской. На этом фоне заметно выделяется 2006 г., когда резко выросло число клиентов, а количество отделений сократилось, в результате чего нагрузка на социальных работников заметно выросла. Так, в Свердловской обл. в 2006 г. число отделений сократилось с 394 до 358, следовательно, уменьшилось и количество работников, а масса клиентов почти удвоилась (с 34 до 66,7 тыс.). В результате нагрузка достигла 24,8 человек, это более чем вдвое превышает нагрузку даже для городских территорий, не говоря уже о сельских. Однако уже в следующем году часть отделений была восстановлена, а значительная часть клиентов снята с учета. В той же Свердловской обл. в 2007 г. на обслуживании осталось только 28,5 тыс. клиентов. Сокращение составило свыше 57%. Такие колебания никак не могут быть связаны с изменением численности нуждающихся в надомном обслуживании, а отражают лишь неравномерность и произвольность финансирования этого направления деятельности центров.

Хотя строгой зависимости между численностью граждан, нуждающихся в надомном обслуживании, и количеством отделений может и не быть в силу значительных колебаний в количестве граждан, приходящихся на одно отделение, определённые тенденции здесь всё же имеются. Если по России на одно отделение приходится в среднем 99 человек,

в Свердловской обл. — 78 человек, то в Оренбургской — 86, Курганской — 94, Челябинской — 208. Как видим, Челябинская обл. здесь заметно выделяется. Надо полагать, в худшую сторону. В то же время доля получавших услуги через отделения надомного обслуживания в среднем по стране составляла 92,4%, в Свердловской обл. 92,6%, в Оренбургской, Курганской и Челябинской соответственно 95, 96,8, 93,5 процентов, что выше общероссийского показателя.

Второй основной социальной услугой центров является помещение в отделение дневного пребывания, где проводятся различные виды социальной реабилитации. Эта мера также позволяет увеличить срок самостоятельного проживания лиц с ограничениями здоровья и способности к самообслуживанию вне интернатского учреждения. Им предоставляется койко-место в палате, двух- или трёхразовое полноценное питание, отдельные медицинские услуги, культурная программа. Обычно курс реабилитации составлял около месяца.

Следует отметить, что дневные отделения являются более затратной формой социальной реабилитации по сравнению с надомным обслуживанием. Поэтому число отделений в том или ином регионе напрямую зависит от финансовых возможностей местных бюджетов. По той же причине количество отделений дневного пребывания подвержено значительному колебанию даже на протяжении одного года. По этой причине более объективным и информативным показателем является численность мест в отделениях.

Таблица 7
Динамика численности мест в отделениях дневного пребывания в КЦСО [3]

Субъекты	Годы							В % к 2000 г.
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Российская Федерация	29080	31141	29844	28300	26806	25529	23212	79,8
Челябинская область	1044	1075	1040	1064	1099	1114	1141	109,3

Субъекты	Годы							В % к 2000 г.
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Республика Башкортостан	65	55	10	12	12	12	12	18,5
Оренбургская область	310	150	140	90	75	75	60	19,3
Курганская область	105	139	159	129	129	120	140	133,3
Свердловская область	745	790	435	488	629	550	497	66,7
По региону	2269	2209	1784	1783	1944	1871	1850	81,53

За изученный период число мест в отделениях дневного пребывания сократилось как в целом по стране, так и по региону. Наиболее заметное сокращение произошло в Башкортостане (где и без того ОДП не получили заметного распространения), Оренбургской и Свердловской областях. На этом фоне лишь Челябинская и Курганская области показывают положительную динамику (9,3% и 33,3% соответственно). При этом по абсолютному числу мест Челябинская область является бесспорным лидером. В 2000 г. из 2269 мест по всему региону в центрах Челябинской обл. имелось 1044 места (46,0%). В 2010 г. доля области выросла до 61,7%.

Что касается годовых показателей, то наибольшее количество мест приходится на 2005 г. (в России 31141, в регионе – 2209), хотя это меньше того, чем центры располагали в 2000 г.

Иная ситуация складывалась в отделениях временного пребывания, куда помещались обычно лица, не способные к самообслуживанию, находившиеся на попечении родственников. В отделение они попадали, когда по каким-либо причинам родственники временно не могли выполнять эти обязанности. Данная услуга считалась платной, но из-за низкого уровня доходов семьи большинство таких клиентов обслуживались бесплатно или на льготных условиях.

Таблица 8
Динамика численности мест в отделениях дневного пребывания в КЦСО [3]

Субъекты	Годы					В % к 2000 г.
	2000	2005	2006	2009	2010	
Российская Федерация	596/12904	716/15384	602/13396	523/10922	528/10968	88,6/85,0
Республика Башкортостан	18/396	48/968	24/534	19/405	17/431	94,4/108,8
Оренбургская область	19/371	27/486	4/35	15/236	15/235	78,9/63,4
Свердловская область	28/893	35/1270	38/1003	35/964	29/669	103,6/74,9
Челябинская область	4/91	3/48	6/93	5/73	4/58	100,0/63,7
Всего по региону*	69/1751	113/2772	72/1665	74/1678	65/1393	94,2/79,5

* В Курганской обл. отделения временного проживания отсутствуют.

С 2000 по 2010 годы число отделений в России сократилось с 596 до 528 (на 11,4%), а количество мест в них – с 12904 до 1096,8 (на 15%). Такая же тенденция наблюдалась и в уральском регионе. Число отделений уменьшилось на 5,8%, а мест – на 20,5%. При этом, как и в предыдущих случаях, до 2005 г. включительно имел место рост показателей. С 2006 г. начался их повсеместный спад, причем существенный: по сравнению с 2005 г. в 2010 г. число отделений в России сократилось на 26,3%,

число мест – на 28,7%. По Уральскому региону спад составил соответственно 42,5% и 49,8%.

Что касается Челябинской обл., то она заметно отставала от всех субъектов региона, кроме Курганской обл., в которой отделения временного проживания отсутствовали вовсе. Имея в 2000 г. 4 отделения и 91 место, завершила 2010 г. с тем же количеством отделений и всего 58 койками в них. Соответственно количеству мест сократилась и численность обслуженных отделениями клиентов.

Таблица 9
Динамика численности отделений временного проживания и мест в них
(в знаменателе – количество мест) [3]

Субъекты	Годы					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Российская Федерация	53902	56079	43798	49228	47197	34835
Республика Башкортостан	1410	1004	953	898	956	869
Оренбургская область	546	40	78	255	323	295
Свердловская область	7800	18044	8081	8035	15186	3015
Челябинская область	91	144	162	177	155	199
Всего по региону	9847	19232	9274	9365	16620	4378

Таблица демонстрирует резкое падение числа обслуженных граждан, начиная с 2007 г. По сравнению с 2006 г. в целом по России эта цифра упала на 37,9%, по региону – на 77,2%, что в значительной мере объясняется резкими колебаниями численности обслуженных отделений Свердловской обл., которая существенно доминировала в регионе по этой форме социального обслуживания. Сдвиг падения числа обслуженных на год объясняется тем, что распределение мест в них и объемы набора клиентов планируются в предыдущем году.

Таким образом, представленная официальная статистика демонстрирует, что социальное обслуживание через КЦСО в России и регионе прошло две фазы своего развития. Первая фаза – с появления центров в 1990-х годах и по 2005 г. включительно – характеризуется ростом количественных показателей обслуживания (центров, отделений

и мест в них, количеством оказанных услуг). С 2006 г. начинается обратный процесс сокращения масштабов социального обслуживания пожилых людей и инвалидов через комплексные центры. Нормативно-правовой основой этого процесса стало разработанное в первой половине 2000-х годов законодательство, центральным нормативным правовым актом которого является вступивший в силу с 1 января 2005 г. Закон РФ от 22 августа 2004 г. N122-ФЗ [1]. Это свертывание началось в условиях относительно благополучной экономической ситуации в стране и продолжалось в годы финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., что, с одной стороны, свидетельствует о стратегическом характере социальной политики, направленной на свертывание бесплатного социального обслуживания, а с другой – опровергает утверждения политического руководства, что кризис не привел к сокращению объемов социальных услуг.

1. Закон РФ от 22 августа 2004 г. N 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 августа.
2. Социальная защита населения Челябинской области. Информационно-аналитический бюллетень за 2011 год. Челябинск : Мин-во социальных отношений Челябинской обл., 2012. 128 с.
3. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: стат.сб. / Росстат. М., 2011. 527 с.

СУБЪЕКТЫ ВЛАСТИ: КТО ОНИ И КАК ИХ ВОСПРИНИМАЮТ РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ

УДК 159.9

М.И. ЖЕСТКОВ

Современный этап социально-экономического и общественно-политического развития Российской Федерации диктует новый, основанный на партнерстве подход к взаимоотношениям власти и общества. Для построения новых отношений необходимо взаимное доверие и положительное взаимовосприятие основных субъектов.

Изучение власти посредством образов, формирующихся у граждан, и выявление ее субъектов является важной задачей политико-психологического исследования власти.

Проблема определения субъектов власти как важной части исследования политического процесса до сих пор остается актуальной темой для политической науки. По мере становления политической психологии как самостоятельной отрасли знания появился новый инструментарий, позволяющий выявить скрытые мотивы как власти того или иного субъекта, так и подчинения им.

Одними из первых, кто сформулировал основные параметры в изучении субъектов власти, были представители теории элит В. Парето, Г. Моска [6], которые рассмотрели признаки правящих кругов, очертили границы субъектности. Это является необходимым в условиях демократического режима, когда, как правило, число субъектов увеличивается за счет проникновения в политическую сферу новых неполитических акторов, а также борьбы за сферы влияния между существующими.

Политолог В. Г. Ледяев [5] обозначает проблему множественности субъектов политики, а вместе с тем их дифференциацию, где степень влиятельности определяется комплексом полномочий, характером деятельности и, отчасти, действием на объект власти. Именно существующий объект власти может определить степень влиятельности и силы того или иного индивида или института, поскольку находится в прямой или косвенной зависимости от властного процесса и самого субъекта.

С политико-психологической точки зрения восприятие власти есть формирование в сознании индивида согласованного образа политической власти. Иными словами, знакомство индивида с властью и ее деятельностью происходит посредством СМИ, затем складывается отношение, а ценностные установки и стереотипы, обусловленные опытом, рационализируют это отношение, приписываемыми качествами

и оценками. Так, социолог и социальный психолог Д. Гранберг определил политическое восприятие как «процесс управления впечатлением о политическом субъекте, процесс формирования впечатления населения» [13].

Политико-психологический анализ политического процесса предоставляет возможность выявить подлинную природу и масштаб субъекта власти, проявляющийся в контроле основных управленческих рычагов, распределения ресурсов и, по мнению Ю. А. Гнидиной [4], силы публично-властных структур в реализации своих интересов, что представляется важным для большинства социальных и политических институтов. Прежде всего нас интересует отражение деятельности того или иного субъекта власти в сознании рядовых граждан.

Субъект власти не только выступает в качестве ведущего политического процесса, но и определяет содержание властных отношений в целом. Известный кратолог В. Ф. Халипов [12] рассматривает субъект власти как лицо или орган, облеченный соответствующими государственными, административными полномочиями, способностью и правом распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей.

С политико-психологической точки зрения субъект является причиной изменения установок, ценностей и деятельности объекта, а также создаёт фон для политического взаимодействия. В настоящей статье под субъектом власти подразумеваются индивиды, группы или институты, обладающие как комплексом государственных, властных полномочий, так и ресурсами, позволяющими воздействовать на поведение, деятельность людей, а также на восприятие окружающего мира.

Вместе с тем в условиях недостаточно развитой политической системы неясным остается вопрос, кто обладает наибольшей властью. Некоторые авторы указывают на актуальность известной формулы Д. Киплинга, противопоставляющей «Восток» «Западу». При этом для «Востока» характерны персонафикация властного процесса и «преобладание проекции «симфонии властей» над «разделением властей» [10].

Настоящая статья основана на исследовании образов власти, которое, начиная с 1993 года, регулярно проводится кафедрой

социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, под руководством заведующей кафедрой, д.ф.н., профессора Е. Б. Шестопал. В работе использовался целый комплекс методов: опрос, включающий как закрытые, так и открытые вопросы, такие качественные методы, как проективные тесты (рисунки власти) и глубинные интервью, которые позволяют получить необходимую информацию иррационального характера.

Основой количественной части исследования является анкета, главной целью которой является сбор информации о представлениях граждан о политической системе, режиме, лидерах и политической идентификации. Вектор исследования был направлен на определение наиболее распространенных среди рядовых граждан представлений о власти и об основных субъектах. В качестве главной задачи глубинных интервью было выявление когнитивного, поведенческого и эмоционального аспектов политического восприятия.

Использование проективного рисунка для целей политического анализа позволило выявить не только рациональные представления граждан о субъекте власти, но и неосознаваемый слой установок [8]. Респондентам предлагалось нарисовать власть в России на современном этапе такой, какой они ее видят. И хотя методика отличается от изучения методом опроса и интервью, полученные с ее помощью данные дали сходные результаты.

В исследовании 2010–2011 гг. приняли участие респонденты из Саратова, Челябинска, Москвы, Новосибирска, Владикавказа и Санкт-Петербурга. Общий объем выборки составил более 680 респондентов, что вполне достаточно для проведения качественного исследования.

Для исследования были получены региональные выборки, сбалансированные по социально-биологическим параметрам

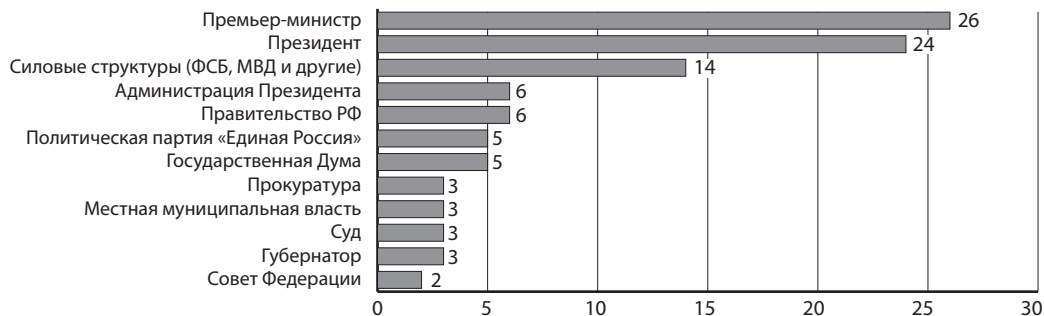
(пол, возраст, образование). В равном количестве выборку составили мужчины и женщины, также респонденты были ранжированы по переменной «образование» (неполное, среднее общее или специальное, высшее). Возраст респондентов составил от 18 до 70 и старше, примерно в следующих пропорциях: 18–30 лет (30%), 31–50 лет (40%), 51 год и старше (30%).

Результаты опроса обрабатывались посредством кластерного и факторного анализа с помощью пакета SPSS, в свою очередь анализ глубинных интервью и проективных тестов имел качественный характер без количественной обработки. Данные, полученные посредством рисунков власти, интерпретировались по схеме, предложенной социальными психологами Т. Фаломеевой и О. Бартеновой [11]. Таким образом, при помощи рисуночных тестов были получены скрытые характеристики не только политической власти, но и основных субъектов.

Прошлые исследования образов власти зафиксировали то, что многообразные типы акторов могут быть вытеснены из публичного политического процесса и заменены теньвыми структурами, манипулирующими политическим процессом за кулисами публичной политики [8].

Для того чтобы наметить контуры субъектности, анкета содержала вопрос «Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в сегодняшней России?». (См. диаграмму 1.) Особое место респонденты признают за исполнительной властью: первые лица государства оказывают наибольшее воздействие на политический процесс (президент Д.А. Медведев – 24% и премьер-министр В.В. Путин – 26%). Усилившиеся в марте 2011 года в СМИ дискуссии о расколе властного тандема по поводу событий в Ливии фактически никак не отразились на восприятии его гражданами.

Диаграмма 1
Кто, по Вашему мнению, обладает наибольшей властью в сегодняшней России?

Высокий процент отметивших, что наибольшая власть находится у силовых структур (14%), объясняется не столько их реальной политической активностью, сколько острой потребностью в безопасности со стороны граждан. Участвовавшие террористические акты, выступления на Манежной площади и пр. позволяют ужесточать режим, но не приводят к существенному росту уровня безопасности граждан [3]. Власть силовых структур выступает как дополнение высшей власти и залог политической стабильности.

Крайне слабыми субъектами предстают институты законодательной власти: Государственная Дума (5%), Совет Федерации (2%). Формально Государственная Дума является представительным органом, но доверие к ней снижается, как и сила отечественного парламентаризма. Что касается Совета Федерации, то удельный вес тех, кто оценивает его с точки зрения влияния, снижается.

На одном уровне восприятия силы находятся представители региональной власти, суд и прокуратура (все – по 3%). Региональная власть воспринимается как заместитель федеральной, это свидетельствует о ее слабости по сравнению с высшим руководством, которое управляет целым государством.

Устойчивую позицию респонденты занимают в отношении политических партий. В целом их роль оценивается крайне низко; это связано, с одной стороны, со слабостью самой партийной системы, а, с другой стороны, – с доминирующим положением партии «Единая Россия», силу которой оценили 5% респондентов.

Представленная картина основана на ранжировании субъектов политического процесса, однако в ответах 76% респондентов на вопрос «Как бы Вы могли охарактеризовать власть в сегодняшней России?» субъектность проявляется крайне мало, если говорить о динамике этого процесса, то показатель субъектности растет вместе с данными, касающимися политического влияния тандема. В настоящее время власть ассоциируется с личностями и лидерами (12%), в меньшей степени с партиями и группами (2,7%). Большинство респондентов склонны характеризовать власть абстрактно, не привязывая к определенным субъектам (84%) («зажимающая народ», «некомпетентность чиновников, но появляется некоторая стабильность»). По сравнению с периодом начала – середины 2000-х [6], когда в качестве субъектов респонденты зачастую представляли безличные политические институты, такие как партии, советы и т.д., субъектность власти возросла. Иными словами, власть все больше

связывается с конкретными субъектами политики, чем с абстрактными понятиями.

Большинство рисунков власти также выявляют абстрактность образа власти и стереотипность восприятия. Более 60% рисунков не имеют четко представленного субъекта, что указывает на размытость представлений о власти, ее теневой характер. Абстрактность представлений объяснима большой дистанцией от населения, воспринимающего власть как совокупность людей, ресурсов, денег и т.д., не имеющую лица, пола и пр. Присутствие «теневых» субъектов на бессознательном уровне показывает, что рядовые граждане склонны видеть в действиях власти детерминированность не просто внешними условиями, а именно конкретными фигурами, которых, как правило, респонденты назвать не решаются. Влияние теневых структур является следствием непопулярных решений руководства государства, которое в целом оценивается положительно.

На бессознательном уровне наблюдается конгруэнтность образов президента Д.А. Медведева и премьер-министра В.В. Путина, часто респонденты не разделяют тандем «Путин–Медведев», по отдельности лидеры представлены крайне редко. Таким образом, тандем первых лиц государства утвердился в сознании россиян как основной субъект власти.

Данные проективного теста подтверждают, что власть силовых структур есть инструмент легитимности и стабильности, за ними закреплена значительная роль в политическом процессе современной России, в том числе это связано с тем, что силовые структуры воспринимаются как инструмент давления, а не защиты [2].

Бессознательный уровень восприятия институтов законодательной власти дополняет рациональные оценки. В проективных тестах слабо представлен Совет Федерации, в отличие от устойчивого восприятия Государственной Думы как полноправного субъекта политического процесса. На основе согласованности рациональных и бессознательных оценок можно сделать вывод о том, что Совет Федерации как субъект политической власти находится на периферии восприятия власти. Таким образом, низкий уровень правового сознания в России выражается в соответствующей оценке институтов законодательной власти, которые рассматриваются во многом как символы власти.

Среди субъектов власти, представленных в проективных рисунках, прочные позиции занимает политическая партия «Единая Россия», иные партии на уровне неосознанных установок не представлены.

Впервые за все время проведения исследований политического восприятия появилось упоминание об экономических структурах и корпорациях, в числе которых ОАО «Газпром» отмечается несколько раз. Респонденты довольно тонко анализируют взаимодействие политики с экономическими структурами, ее зависимости от них.

Наличие субъекта в содержании представлений о власти структурирует ее пространство. Властью респонденты наделяют *политических деятелей и институты*. Работоспособность элементов власти подкрепляется использованием природных ресурсов (нефть, газ и т.д.); вместе с тем в понимании россиян экономические структуры подчинены органам власти, а будучи субъектами, они неизбежно требовали бы выгоды. На это указывает малый процент упоминаний корпораций и определение их как подчиненных органам государственной власти.

Функцией *силовых структур* респонденты считают защиту власти от граждан, хотя в ряде случаев функциональность рассматривается как инструмент достижения стабильности. На бессознательном уровне силовые и правоохранительные органы представлены в негативном ключе, как направленное против людей «оружие» политической власти.

Особым типом субъекта является *теневая власть*; если в 90-е гг. политические психологи могли предположить ряд вариаций такой формы власти, то сейчас сделать это довольно трудно. Это связано с тем, что семантически слово «олигарх» уже не несет прежнего негативного оттенка, хотя в памяти старших поколений этот смысловой оттенок присутствует.

Молодые респонденты не определяют крупных бизнесменов как тех, кто в постсоветское время «награбил» и «наворовал»; представители бизнеса в их понимании также отстранены от власти, притом, что они порой включаются в нее, но не столько как субъект, сколько как жертва политических и властных претензий современной политической элиты. Таким образом, субъекты экономической деятельности слабо представлены на бессознательном уровне политического восприятия граждан как активные участники политического процесса.

Говоря о наличии или отсутствии субъекта, нужно упомянуть о преобладающем положении *абстрактного содержания* образов власти и стереотипного восприятия на бессознательном уровне. Однако при преобладании неопределенности в восприятии основных акторов, примерно в 40% рисунков субъектность была явной.

Рискнем предположить, что большая часть респондентов ассоциирует власть с *первыми лицами государства* в первую очередь, затем с теневыми, силовыми, правоохранительными структурами. Этот вывод подтверждается анализом рационального слоя восприятия. По мнению респондентов, первые лица государства, президент и премьер-министр, обладают наибольшей властью, оцениваются как наиболее сильные фигуры политической жизни. Речь идет о том, что персонификация как черта политической культуры России не уменьшается, а, наоборот, укрепляется и за счет «тандема» лидеров страны, балансирующего на грани между привычной персонификацией и ее институционализацией [1].

1. Винокуров М. Тандем власти лучше двоевластия [Электронный ресурс] / М. Винокуров // URL: <http://www.argumenti.ru/politics/n282/99793> (дата обращения: 29.09.2011).
2. Восприятие сотрудников милиции в обществе искажено – ГУСБ МВД [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ria.ru/society/20110627/393779863.html> (дата обращения: 13.11.2011).
3. ВЦИОМ: Угроза терроризма в России и как ее победить [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111350> (дата обращения: 29.09.2011).
4. Гнидина Ю.А. Субъектность политической власти как условие развития социальных организаций [Текст] / Ю.А. Гнидина // Философия и психология власти: структура, личность, интерконтекстуальность: сб. науч. тр. / Пугачева Л., Соловьева Т., Кашеев С. и др. Саратов, 2003. С. 80–104.
5. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. [Текст] / В.Г. Ледяев. М., 2001. 384 с.
6. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.; Парето В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето. М., 2008. 511 с.
7. Образы власти в постсоветской России [Текст] / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Алетейя, 2004. 536 с.
8. Образы российской власти: от Ельцина до Путина [Текст] / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2009. 416 с.
9. Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Социально-политическая мысль, 2002. 244 с.
10. Романович Н.А. Концепция «разделения властей» через призму концепции «симфонии властей» [Текст] / Н.А. Романович / Политическая теория, язык и идеология / ред. кол.: Н.А. Романович (отв. ред.) и др. М.: РАПН, 2008. С. 365–388.
11. Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2000. №2. С. 27–39.
12. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. С. 25.
13. Granberg D. An Anomaly In Political Perception // Public Opinion Quarterly. 1985. 49(4). P. 504–516.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА

УДК 32.001

Б.Н. КАРИПОВ

Известно, что содержание понятия проясняется лишь в противопоставлении с другими понятиями. Сравнительный анализ позволяет определить смысловые границы и избежать отождествления различных по содержанию понятий. Традиционализм, по нашему мнению, не следует сводить к консерватизму. Консерватизм является только одной из форм традиционализма. При этом различие связано с соотношением сознательного и бессознательного. Если традиционализм основан более всего на стихийном, бессознательном, то консерватизм есть явление, функционирующее прежде всего на сознательном уровне.

В сравнительном анализе традиционализма и консерватизма немецким социологом К. Мангеймом было отмечено, что традиционализм является, в принципе, одной из таких скрытых тенденций, которые присущи каждому индивиду. Понятие «традиционализм» описывает нечто, что в той или иной степени является характерной чертой психики каждого отдельного индивида. Традиционализм означает склонность к сохранению старых образцов, способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными. Этот инстинктивный традиционализм может трактоваться как первоначальная реакция на сознательные «прогрессивные» реформы. В своей ранней форме он был связан с магическими элементами в сознании, со страхом перед магическим злом, сопутствующим изменениям [3, с. 593]. Консерватизм же, напротив, рефлексивен, так как с самого начала выступает как движение «против», в сознательной оппозиции к «прогрессивному движению», но история все более развивается через взаимодействие таких целостных тенденций и движений, одни из которых «прогрессивны» и форсируют общественные изменения, в то время как другие «реакционны» и сдерживают их. При этом под реакционностью понимается противодействие новым порядкам через ответные действия с целью сохранения старого, что может быть, конечно, оправданным или неоправданным в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Природа консерватизма как политической идеологии, по нашему мнению, корректно раскрывается К. Мангеймом в контексте решения

проблемы политической идеологии в его работе «Идеология и утопия». Исследователь выделяет два значения понятия «идеология». Первое он называет частичным, второе – тотальным. О понятии частичной идеологии можно говорить в тех случаях, когда это слово должно означать, что мы не верим определённым «идеям» и «представлениям» противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам. Здесь речь может идти о целой шкале определений – от сознательной лжи до полусознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана. Подобное понятие идеологии, которое лишь постепенно обособилось от простого понятия лжи, может быть по ряду причин названо «частичным». Понятию частичной идеологии К. Мангейм противопоставляет понятие тотальной идеологии. Для тотальной идеологии характерно своеобразие всей структуры сознания. К. Мангейм приводит следующие отличия тотальной идеологии от идеологии частичной:

«А. Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь часть высказываний противника (и только в аспекте содержания), то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос всё мировоззрение противника (в том числе и его категориальный аппарат), стремясь понять и эти категории, отправляясь от коллективного субъекта.

В. Понятие частичной идеологии производит функционализацию лишь на психологическом уровне. Так, например, если говорят, что то или иное высказывание противника – ложь, что он скрывает от себя или других действительное положение дел, то при этом исходят ещё из наличия некоей общей основы – в той мере, в какой речь идёт о ноологическом (теоретическом) уровне. Функционализация, совершаемая понятием частичной идеологии, происходит только на психологическом уровне. Здесь ложь ещё может быть раскрыта, источники обмана устранены, подозрение в идеологии ещё не носит по существу радикальный характер. Совершенно иначе обстоит дело, когда речь идёт о понятии тотальной идеологии. Так, если говорится,

что определённая эпоха живёт в одном мире идей, мы — в другом, что некий конкретный исторический социальный слой мыслит в других категориях, чем мы, то имеется в виду не только содержание отдельных мыслей, а совершенно определённая система мыслей, определённый вид переживания и интерпретации. Там, где с социальным бытием субъекта соотносят не только содержание и аспект его мышления, в конечном итоге весь его категориальный аппарат, функционализируется и область ноологии. В первом случае функционализация происходит только на психологическом, во втором — на ноологическом уровне» [4, с. 57–58]. Далее исследователь пишет: «Разоблачение на психологическом уровне не следует смешивать с тем значительно более радикальным сомнением и с той значительно более радикальной деструкцией, которая совершается на онтологическом и ноологическом уровне. Однако полностью разъединить эти два вида разоблачения невозможно. Ибо в том и другом случае действуют одни и те же исторические силы непрерывного преобразования. В одном случае это находит своё выражение в уничтожении маскировок, складывающихся на психологическом уровне; в другом — в распаде онтологических и логических положений, связанных с определённым представлением о мире и определённым типом мышления, в уничтожении одной партией другой и на этом уровне. Лишь в мире, где происходит полное преобразование основ, в мире, сущность которого состоит не только в становлении, но и в деструкции, борьба может достигнуть такой стадии, когда одна партия ставит перед собой цель уничтожить не только конкретные ценности и идейные позиции другой партии, но и всю её духовную основу. Пока борющиеся партии принадлежали к одному миру, хотя и выступали как бы с полярно противоположных сторон, пока одна династия боролась с другой, одна клика знати — с противостоящей с ней, дело не могло дойти до столь далеко идущей деструкции. Лишь вследствие того, что в современном мире главные, полярно противоположные друг другу социальные группы исходят из совершенно различных ценностей и представлений о мире, стало возможным подобное углубление и расхождение на духовном уровне. В ходе этого всё более радикализирующегося процесса дезинтеграции наивное недоверие преобразовалось сначала в упомянутое выше понятие частичной идеологии, которое стало применяться методически, но при этом всё ещё ограничивалось психологическим

уровнем, однако в ходе дальнейшей эволюции оно незаметно соскользнуло на ноологически-гносеологический уровень. Уже буржуазия выступила с новым идеалом устройства мира: она не хотела просто войти в прежний сословно-феодальный мир, она явилась представителем новой «хозяйственной системы» (в зомбартовском понимании), а для этого был необходим новый стиль мышления, который вытеснил бы прежнее понимание и объяснение мира. То же, по-видимому, относится и к пролетариату. И в этом случае одна хозяйственная точка зрения борется с другой, одна социальная система с другой и в тесной связи с этим — один стиль мышления с другим» [4, с. 61–62]. Данное высказывание, по нашему мнению, в принципе справедливо по отношению к идеологической борьбе в период зарождения и развития консерватизма, как на Западе, так и в России.

Политико-идеологические противоречия в современных странах Запады происходят, как правило, на психологическом уровне. Там существует несколько базовых ценностей, признаваемых таковыми большинством людей в демократическом обществе, укоренённых в политической жизни и массовом сознании. Это равенство, свобода, порядок. В данном случае под равенством подразумевается прежде всего равенство прав и возможностей, то есть равноправие, в более широком смысле — социальная справедливость. Названные выше ценностные установки можно считать основой западных демократий. Исходя из этого можно сделать вывод, что различие между ведущими политическими идеологиями заключается в ранжировании, преимущественном акцентировании внимания на отдельных из указанных ценностей.

Согласно этой точке зрения, специфическое отличие консерватизма состоит, по-видимому, в том, что на первое место он ставит порядок, стабильность, сохранение сложившихся социальных отношений и т.п. Порядку здесь придаётся большее значение, нежели свободе и равенству.

Консерватизм, в отличие от противостоящего ему прогрессизма, всегда испытывал глубокое уважение к прошлому. Если прогрессизм, опираясь в первую очередь на веру во всемогущество человеческого рассудка и самоценность его умозаключений, весьма скептически относился к истории, часто пытаясь представить её в виде цепи недоразумений, вызванных недостаточно высоким уровнем интеллектуального развития предков, то консерватизм всегда отводил почётное

место историческим урокам, опыту, традициям в своих построениях. Между тем, прошлое очень разнообразно, и было бы странно ожидать, чтобы различные консервативные идеологии выбирали из него одни и те же ценности. Е. Шацкий по этому поводу писал: «Разрыв политических рационалистов с историей был довольно-таки однозначным, тогда как её консервативная апология однозначной отнюдь не была» [9, с. 231]. Эта неоднозначность столь велика, что идентифицировать консерватизм в виде некоей «общей формулы» представляется весьма проблематичным.

С нашей точки зрения, консерватизм впервые в Западной Европе заявил о себе после Великой французской революции. Его появление связано с потерей аристократией своей исторической значимости. Данный вид консерватизма хорошо обрисовывает контур консерватизма классического, но не способен полностью охватить позднейшие консервативные идеологии, порождённые другими историческими обстоятельствами и традициями. Суммируя различные взгляды на консерватизм, С. Хантингтон выделил три подхода к идентификации консерватизма:

1) «автономный» — когда консерватизм предстаёт психологической установкой, независимой от конкретных обстоятельств;

2) «ситуационный» — когда консерватизм рассматривается в качестве идеологии, противодействующей опасности свержения любого существующего строя;

3) «аристократический» — когда речь идёт о реакции на буржуазную революцию [10, с. 454–473].

Разделение консервативной мысли на основании её отношения к существующему порядку вещей не приводит к обнаружению факторов, не разъединяющих, а, напротив, объединяющих перечисленные направления. Поиск таких факторов шел по пути выявления общих для всех консерваторов методологических принципов и политических ценностей. К ценностям консерватизма можно отнести: религиозные цели политической деятельности; культ нравственности, авторитет школы, семьи и церкви; культ традиций, национальной культуры, патриотизм; приоритет интересов государства перед интересами индивида; сильное иерархическое государство; признание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод; прагматизм, здравый смысл, постепенность и осторожность перемен. В то же время антиценностями для консерваторов являются: атеизм, материалистическая ориентация политики; моральный

релятивизм; культ рассудка, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм; приоритет интересов индивида перед интересами государства, индивидуализм, равенство; культ личных прав и свобод; приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция [2, с. 130].

В качестве сознательного традиционализма консерватизм допускает сосуществование с противоположным. Н.А. Бердяев отмечал, что история невозможна без двух моментов: момента консервативного и момента творческого. Исторический процесс складывается из сочетания того и другого. При этом под консервативным моментом понималась связь с духовным прошлым, принятие из этого прошлого священного. Недостаток одного из этих элементов — или момента творческого, или момента консервативного — делает невозможным существование истории [1, с. 3]. Люди, стоявшие у истоков консерватизма, — Э. Берк в Англии, Ж. де Местр и Л. Бональд во Франции, Н.М. Карамзин в России — были достаточно трезвыми мыслителями, прекрасно сознававшими, что история необратима и абсолютный и полный возврат к идеалам прошлого, сколь бы привлекательными они ни были, невозможен. Де Местр, например, со всей определённостью говорил о том, что «любое крупное революционное преобразование общества всегда в той или иной степени воздействует на людей, даже сопротивляющихся силе вещей, и не позволяет осуществить полное восстановление прежнего порядка и былых идей»; изменяется сама основа общества, и для общества же будет хуже игнорировать происшедшие в нём изменения и пытаться жить по-старому. Он говорил, что проект возврата к старому порядку во Франции столь же абсурден, сколь нелеп проект разлить Женевское озеро по бутылкам [7].

Консерватизм означал не просто возврат к прошлому, но и определённый проект переустройства общества на иных началах, чем это предполагал в ту пору либерализм, а позднее — социализм. Таким началом и смыслообразующим элементом для консерваторов выступает традиция, понимаемая как сохранение и развитие всего ценного, что было накоплено тем или иным народом за всю его историю, и реконструкция политических институтов в соответствии с этими образцами, отличающимися один народ от другого.

Традиционализм и консерватизм являются теми необходимыми спутниками исторического процесса, которые обеспечивают связь,

непрерывность, преемственность прошлого, настоящего и будущего. Они имеют место тогда, когда социально-экономические условия, породившие их, или наличествуют полностью, или продолжают оказывать влияние на общественную жизнь, выступая в качестве рудимента.

В некоторых ситуациях традиционализм и консерватизм являются необходимыми способами упорядочивания и сохранения структурной организации общественной системы на разных уровнях — стихийном и сознательном. В последнем традиция осознается как исходная посылка в идейной ориентации и восприятии политической реальности. В формировании консервативной идеи участвует не только рассудок, но и «особая чувствительность по отношению к прошлому», что и отличает его от всего революционного.

Важнейшим парадигматическим признаком власти является ее телеология, цель, позитивный проект, ради которого она существует. Русское слово «цель», происходящее от греческого «teloz», этимологически связано с немецким корнем «Heil» — здоровье. «Цель» подразумевает представление о здоровом, правильном, целостном. Через телеологическое измерение политики, через политически сформулированную, объявленную и реализуемую цель общество оказывается способным влиять на окружающую его реальность, создавать ее. Без власти или вне власти как осевого элемента государства никакой цели, разумеется, реализовать невозможно. Но при этом и сама власть как некоторое внутреннее измерение государства, его онтологический центр, будет бессмысленной, если перед ней не стоит никаких целей. Между целью и властью существует теснейшая взаимосвязь. Если носитель политической власти — кто бы им ни был: народ, отдельно взятый человек, монарх, вождь или класс — не способен обратить ход исторического процесса к определенной цели, реализовать тот или иной проект, значит, у него, по большому счету, этой власти нет или она не полна, фиктивна. Проблемы общезначимых целей, которым подчиняется деятельность людей, проблема иерархии ценностей, проблема общего культурного поля и построения самобытной картины мира отражаются в традиции. Традиция — это важнейший атрибут национального сознания. Поэтому совершенно справедливо многие ученые считают, что консерватизм — единственная философия, осознающая опасность упадка значения национального, выражающегося в ослаблении чувства национального самосознания,

необходимого для полноценной жизни общества. Следовательно, приверженность национальному становится критерием оценки политики со стороны консерваторов.

Консерватизм в Казахстане как осознанный традиционализм обладает чертами общими и специфическими, связанными с национальной спецификой. Специфика эта во многом связана с тем, что казахстанское неоевразийство, ставшее официальной идеологией президента республики Н. А. Назарбаева более десяти лет назад, в основе имеет национальную евразийскую традицию, сложившуюся вокруг мыслителя и поэта Олжаса Сулейменова, автора известной книги «Аз и Я», опубликованной в 1974 году, где обособывалась ведущая роль тюркского мира в древней русской истории. В одном из интервью О. Сулейменов так выразит существо своей позиции: «Однажды я подумал, когда летел на самолете... Я подумал: слово «тюрки», оно было как бы рассыпано над Евразией. Одна буква осталась где-то в Якутии, вторая — на Алтае, третья — в Казахстане, Средней Азии, четвертая — на Кавказе, пятая — в Малой Азии и т. д. А мы должны соединять эти буквы в слово» [5; 8].

Именно последнее обстоятельство и стало на какой-то период определяющим. Казахстан начал рассматриваться как государство, способное под неоевразийскими лозунгами сплотить все тюркские народы бывшего СССР, то есть, по сути, решить специфически пантюркистскую задачу. Такая постановка вопроса не могла не привлечь к себе внимания национальных элит Турции, все еще претендующих на роль объединяющего центра для тюркских народов. Неудивительно поэтому, что в декабре 1996 года в г. Алма-Ата на церемонии открытия позолоченной 28-метровой колонны, увенчанной фигурой легендарного тюркского воина верхом на похожем на грифона существе, рядом с президентом Н. А. Назарбаевым стоял турецкий президент. На праздновании представители Казахстана превозносили Турцию за то, что «она находилась рядом с Казахстаном на каждом этапе его развития как независимого государства», на что Турция ответила предостережением Казахстану обширных кредитов.

Однако очень скоро стало ясно, что ориентация на Турцию в ее нынешнем виде в принципе не может быть евразийской. Ведь, по сути, Турция стала первым государством Востока, которое резко порвало со своей духовной и религиозной ориентацией, что является «нормой» для западного секуляризованного

общества и «нонсенсом» — для консервативного и традиционного Востока. Это предопределило в будущем вступление Турции в НАТО и превращение ее в форпост атлантизма и мондиализма между азиатским Востоком и арабским миром. Геополитическая модель, которую предлагает Турция — это интеграция в западный мир, атеистическую, индивидуалистическую, либерально-мондиалистическую цивилизацию. Поэтому ориентация на Турцию под лозунгами «неоевразийства» и «пантюркизма» означает на деле для других государств интеграцию в альтернативный евразийству геополитический и социокультурный проект — атлантизм.

Вместе с тем евразийство по-казахстански имеет и оборотную, собственно евразийскую сторону, проявляющую себя в разносторонних контактах с Россией. Подтверждение серьезности такого курса руководство обоих государств продемонстрировало еще в октябре 2000 года, одобрив соглашение о преобразовании Таможенного союза в новую международную организацию — Евроазиатское экономическое сотрудничество. Принципиальным здесь является тот факт, что речь идет о создании параллельной Европейскому союзу (ЕС) структуры, которая будет проводить не только общую таможенную и экономическую, но и социальную, гуманитарную, а в перспективе — и военнополитическую политику. Это — позитивная линия в российско-казахских взаимоотношениях, противостоящая «пантюркистской» модели, ориентированной на Турцию.

Казахстанский консерватизм как политическая идея — это сложное интеллектуальное образование, фиксирующее не только осознанное, специфическое постижение политической реальности, но и ориентированное на сохранение традиций как атрибута нации, их обновление во времени, а также способов достижения этого через воспроизводство догм, стереотипов и ограничение теоретических установок, факторов изменения. Поэтому

идея является строительным материалом как казахстанской евразийской идеологии, включающей в себя совокупность идей о целостной картине азийско-европейского мира с акцентированием внимания на месте и роли человека в этом мире, так и характера политики. Эта совокупность идей несёт в себе следующие моменты: духовное наполнение взаимодействия людей, историчность, критичность, мерность в изменениях, наполнение смыслом понятий через опыт, осторожность, ответственность, постепенность, поиск баланса между авторитарным и коллективным, растворение личности в целом, самобытность, социально ориентированная экономика, традиция, целостность и т.д. [6].

Народы различаются между собой с точки зрения физических и климатических условий, видов деятельности, религии, технического развития. И хотя представления о характерных чертах того или иного народа часто являются ложными стереотипами, все же большинство жителей мира от них не свободно. Данные черты оказывают заметное влияние на политическую и правовую систему общества и придают ей своеобразие. Поэтому попытки переноса чуждых политических институтов на национальную почву всегда либо терпят крах, либо заканчиваются преобразованием их до неузнаваемости.

Основная идея казахстанского евразийского консерватизма заключается в том, что приобщение к чужим ценностям не должно осуществляться ценой унижения традиционно-национального. Данная идея является важным средством активизации здоровых сил казахстанского общества в направлении выработки альтернативных начал европо- и американоцентризму, а также политического противодействия экспансии как европейского и американского Запада, так и азиатского и арабского Востока и в конечном счете создания Евразийского союза и выдвижения Республики Казахстан в число пятидесяти наиболее развитых стран мира.

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: «Наука», 1990. 224 с.
2. Гусев В.А. Консервативные идеологии // Социс. 1994. № 11. С. 128–135.
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: «Юристь», 1994. 700 с.
4. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: «Юристь», 1994. 700 с.
5. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. М., 1997.
6. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Март, 2006.
7. Пикуль Д.Л. Теория политики Жозефа де Местра. М., 2005. 153 с.
8. Сулейменов О.О. Незнание — разъединяет, знание — объединяет // Аргументы и факты на Севере. 2000. № 28.
9. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: «Прогресс», 1990. 456 с.
10. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. V. LI. P. 454–473.

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

УДК 321.72+328.1+342.533

Е.Л. СЫСОЛЯТИНА

Парламентаризм — сложный, многогранный социально-политический и государственно-правовой феномен, включающий в себя элементы общественного сознания, поведения и культуры. Политологи, правоведы, публицисты, государственные и политические деятели обращаются к изучению его специфики. Неудивительно поэтому, что в научной литературе нет единого подхода к пониманию сущности парламентаризма.

Развитие парламентаризма в том или ином государстве во многом зависит от конкретных исторических условий. Так, наиболее яркое воплощение он получает в Великобритании в XIX веке, проявляет себя во Франции после крушения бонапартизма (конец XIX века), а также в США (правление Конгресса в 80–90-е годы XIX века). Стоит отметить, что сущность парламентаризма предопределяют изменения в его исторических функциях и структуре, «зачастую она выражается путем обособления и подчеркивания какого-либо отдельного элемента» [22, с. 45].

В начале XX века в зарубежной политической науке складывается современное понимание феномена парламентаризма, отождествляемого с такими категориями, как «верховенство парламента», «суверенитет законодательной власти», «приоритет представительного правления». С середины XX века западные исследователи (М. Дюверже, Е. Хубнер, К. Шмит) указывают на кризис европейского парламентаризма, связанный с недостатками парламентарной формы правления, либеральной демократии. С возрастанием компетенций и ролей, выполняемых парламентскими учреждениями в современных политических системах, а также новыми вызовами институционализации возникает необходимость переосмысления и реконцептуализации понятия «парламентаризм».

Появление этого понятия в российской политической теории и практике обусловлено учреждением в стране в начале XX века первого парламента (1905 год). Интерес к проблемам парламентаризма проявляют такие отечественные исследователи, как М. М. Ковалевский, Б. Н. Чичерин, Е. М. Гессен, К. Тахтарев. Они связывают перспективы развития российского парламентаризма с идеями представительной власти.

В 1917 году в России оформляется и получает дальнейшее развитие новый (советский) тип народного представительства, не имевший ранее аналогов в мировой истории. Большевики объявляют об исторической условности парламентских принципов и неприемлемости парламентаризма для советской власти. А сам парламент рассматривается ими в качестве представительного учреждения неэффективного и отжившего капиталистического строя.

В отечественной политической науке первые исследования по проблемам современного парламентаризма появились сравнительно недавно. Интерес к ним возник в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, когда российское государство сталкивается с трудностями в процессе перехода к демократическому строю. С тех пор и до настоящего времени среди отечественных исследователей так и не сложилось единого мнения по вопросам, связанным с теорией и практикой парламентаризации в России. На сегодняшний день в политологических источниках представлены различные определения, раскрывающие сущность понятия «парламентаризм».

Следовательно, представляется целесообразным более глубокий анализ понятия «парламентаризм», его сущности и структурных составляющих. В особенности это актуально применительно к странам, в которых парламентаризм не имеет прочных традиций.

Указанная разница в содержательных подходах к исследованию специфики парламентаризма обусловлена междисциплинарностью этого понятия, его принадлежностью политическим и правовым наукам.

В правовых исследованиях понятие «парламентаризм» отождествляется с проблемой государственной власти, центральным местом парламента в ней. Парламентаризм выступает в качестве разновидности формы государственного правления. Для правового подхода характерна и более широкая трактовка понятия «парламентаризм», акцентирующая внимание на нормативном аспекте взаимодействия как внутри самой власти, так и власти и общества. Речь идет о соотношении понятия «парламентаризм» с понятием «политический режим». В рамках такой исследовательской традиции понятие «парламентаризм» созвучно не просто понятию «политический режим»,

а, прежде всего, его демократической разновидности. Парламентаризм в данном случае предстает в качестве совокупности норм, на основе которых формируются демократические политические режимы, устанавливаются и поддерживаются постоянный диалог государства и общества.

В правовом подходе существуют и узкие, специализированные, трактовки понятия «парламентаризм», связанные, например, с непосредственной формой организации власти (политической ситуацией в стране, расстановкой политических сил, взаимодействием между высшими органами власти) — государственным режимом. В частности, М. А. Могунова рассматривает парламентаризм как «разновидность государственного режима, при котором обеспечено не только юридическое, но и фактическое верховенство высшего представительного учреждения, подчиненность и подконтрольность ему правительства» [15, с. 26–27].

Таким образом, в рамках правового подхода понятие «парламентаризм» рассматривается либо в качестве формы государственного правления, либо в качестве разновидности государственного или политического режима. Его существование и развитие часто отождествляются с наличием в обществе таких институциональных компонентов, как парламент, принцип разделения властей, система сдержек и противовесов, партийная система, институт представительства. Степень развитости парламентаризма здесь во многом зависит от того, насколько полно реализованы вышеуказанные принципы на практике.

Правовой подход представляется интересным, поскольку видение парламентаризма в нем во многом тождественно предметному полю политологии. Речь идет о политических институтах — государстве и его системе — изучаемых не только правовой, но и политической наукой.

Поэтому необходимо учитывать влияние правового подхода при исследовании феномена парламентаризма. Представляется, что опыт, наработанный в его рамках, расширит исследование, внесет точность в институциональный аспект парламентаризма, особенно в функциональную часть, выведет нас на более четкое понимание роли парламентских учреждений в политической системе. Кроме того, данный подход указывает на ценность правовой культуры, конституционализма в становлении и утверждении парламентаризма.

Предмет политической науки составляют взаимоотношения социальных субъектов по поводу власти, закономерности воплощения

парламентских принципов развития общества в реальной политической практике. Следовательно, непосредственно политологический подход, не умаляя достоинств правовой парадигмы, акцентирует внимание на комплексном характере феномена парламентаризма. Наличие институциональных компонентов, на наш взгляд, не является в полной мере подтверждением факта существования парламентаризма в государстве и обществе. На его развитие оказывают значимое влияние характер политической культуры, особенности политического режима, интересы различных социальных групп, политическая ситуация в стране — предмет изучения политической науки.

По мнению Л. А. Сидоренко, «парламентаризм как политическая категория имеет богатое содержание, увязан со многими понятиями и категориями общественности, широко используется в политической практике. Через категорию парламентаризма в современных условиях осмысливается и оценивается масштабная и ответственная сфера политики, сопоставляется реальное содержание таких принципиальных понятий, как демократия, правовое государство, народовластие, республика, права граждан, форма государственного правления» [20, с. 12–13].

Е. П. Соколова считает, что «парламентаризм как явление социально-политическое и культурно-правовое не может возникнуть вне условий, при которых нормой должны быть конституционное закрепление и эффективное функционирование принципа разделения власти, верховенства права, обеспечение гражданских, политических, социально-экономических и иных прав и свобод» [23, с. 5–6].

Ряд политологов увязывают понятие «парламентаризм» с проблемой организации государственной власти. Л. А. Сидоренко отождествляет парламентаризм с «особой системой управления государством, формируемой обществом через выборный механизм демократического типа, которая множеством связей вплетена в политическую сферу общества» [20, с. 12].

А. А. Керимов определяет парламентаризм как «систему организации и функционирования государственной власти, основанную на принципе разделения властей и верховенстве закона, при формально привилегированном положении парламента, избираемого на свободных выборах с участием политических партий» [8, с. 7]. Подобного определения придерживается и профессор А. И. Щербинин.

Под парламентаризмом И. Р. Калимуллина подразумевает «систему государственной

власти, где имеет место разделение государственных властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви и существует государственный орган — парламент» [7, с. 9].

Итак, указанные определения свидетельствуют о связи политологического подхода с правовым, в центре внимания которого также находятся проблемы организации власти, разделения властей, верховенства парламента.

Однако в рамках политологического подхода существуют и другие, узко специализированные, трактовки понятия «парламентаризм». По справедливому замечанию С.П. Обухова, политологический подход к рассмотрению понятия «парламентаризм» «можно довольно четко свести к его определению, с точки зрения реализации исходной функции парламентского учреждения, как народного представительства, созданного для выполнения воли народа (в качестве высшей представительной власти) и контроля за властью исполнительной» [16, с. 14].

И политологический, и правовой подходы рассматривают понятие «парламентаризм» в русле теории институционализма, поскольку внимание ученых привлекают в основном правовые аспекты государственного устройства. Между тем политологов интересует и реальная практика функционирования парламентаризма. Они пытаются перейти к неоинституциональному инструментарию в исследованиях, отказаться от описания моделей парламентаризма в пользу объяснения их практической реализации.

Согласно правовому и политологическому подходам, парламентаризм предстает в качестве политического института — устойчивого вида социального взаимодействия, регулирующего определенный сегмент отношений политической власти в обществе. Прежде всего, парламентаризм связан с регулированием в государстве отношений по поводу власти через законодательную и представительную функции парламента. Идеальная схема утверждения и развития парламентаризма обращает нас к следующим институциональным принципам:

- главенствующая роль парламента в качестве общенационального представительного органа государственной власти;
- высокий уровень законодательной и контрольной компетенции парламента при взаимодействии с другими органами власти;
- разделение властей.

Парламентаризм — «реальный политико-правовой институт, воплощающий в себе единство представительной и законодательной власти в обществе, где существует разделение

властей» [22, с. 30]. Исследователи (М.М. Ковалева, Е.П. Соколова) выделяют основания для институционализации парламентаризма — это «определенная организационная структура, а также законодательная база, где закрепляются его функциональные особенности» [23, с. 4].

Основным критерием анализа институциональных параметров парламентаризма является организационная структура. Речь идет об организационном подходе к трактовке политических институтов (Г. Алмонд, Э. Гидденс, Р. Далтон, Р. Даль, Дж. Пауэлл, К. Стром), в рамках которого парламентаризм функционирует в рамках конкретных договоренностей и регламентов. Соответственно анализ сущности парламентаризма осуществляется через обращение к компонентам, входящим в ее структуру: парламенту, представительной власти, законодательной власти, разделению властей.

Следующим критерием анализа выступает «законодательная база». Представляется необходимым расширить этот критерий до понятия «нормативно-правовая база» парламентаризма. Данный критерий выделяется на основании нормативного подхода к изучению политических институтов, предложенного М. Леви, Д. Нортон, Т. Парсонсом. Следуя логике данного подхода, необходимо анализировать институциональные компоненты парламентаризма с учетом их правовой составляющей, рассмотреть, каким образом реализованы элементы парламентаризма, исходя из идеальных представлений, закрепленных на уровне законодательных практик.

Кроме того, необходимо дополнить предыдущие основания интеракционным подходом (Э. Дюркгейм, С. Хантингтон), определяющим политические институты в качестве устойчивых социальных взаимодействий. Здесь парламентаризм рассматривается через «глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах общества» [1, с. 55]. Следовательно, интерес представляют непосредственные социальные взаимодействия, под которыми понимаются общественные отношения, получившие нормативное закрепление на уровне парламентских институтов.

В рамках интеракционного подхода под политическими (общественными) институтами понимаются «формальные и неформальные соглашения между людьми, приобретающие статус общественного мнения, действие которых регулируется применением определенных правил в процессе принятия политических решений» [4, с. 115–116].

С одной стороны, источником формирования подобных институтов выступают общественные структуры, способные создать эффективные модели самоорганизации граждан. С другой стороны, политическая власть принимает участие в разработке формально-правовых институтов, призванных поддерживать общество. Одним из таких институтов является парламент. В нем синтезированы: «идеолого-мировоззренческий компонент; система представлений и убеждений, аксиологических установок; ценностные ориентации относительно должной организации и должного функционирования государственного механизма» [9, с. 17].

Акцент сделан не на формальных и структурных качествах общественных институтов, а на их более широком социальном значении и их непосредственной роли в политическом процессе. Для парламентаризма становятся приоритетными «целостность государства, благополучие народа, установление правового государства и развитие гражданского общества» [7, с. 3–4]. Это указывает на определенный нормативно-ценностный потенциал парламентаризма, в то же время на передний план выходят практики взаимодействия парламента и общества.

В рамках интеракционного подхода парламент наравне с другими институтами власти рассматривается не столько как механизм представительства гражданских интересов, сколько как «живой политический организм, динамично развивающаяся институция, отвечающая на вызовы времени и формирующая свою архитектуру и функции без чрезмерной нормативной заданности» [24, с. 20].

Следовательно, развитие институтов парламентаризма подчиняется динамике соотношения сил в конкретной политической реальности и обусловлено спецификой национального менталитета.

Исследователи эффективности управления (М. Альберт, И.А. Кох, М.Х. Мескон, Ф. Хедуори) приходят к выводу о том, что «внутренняя среда» организации (парламента) — знания, привычки, поведенческие стереотипы, социальные установки людей — это социокультурные факторы, оказывающие непосредственное влияние на механизм реализации парламентаризма внутри определенной политической системы.

В самом деле, при анализе деятельности представительных органов власти в социальной среде, политическая культура которой кардинально отличается от политической культуры, породившей эти представительные институты, возникает вопрос о том, каким же образом

политическая культура оказывает влияние на реализацию принципов парламентаризма?

Первым этим вопросом задается французский психолог Г. Лебон, проводящий сравнительное исследование политических режимов США и стран Латинской Америки, копировавших американскую политическую систему. Он устанавливает, что важнейшим фактором, препятствующим достижению Латинской Америкой процветания и уровня демократии США, является различие в политической культуре. Следовательно, демократия — это не только политические институты, но и соответствующие ценности. Поэтому «одинаковые по структуре парламенты в разных странах будут действовать по-разному» [25].

С точки зрения политической теории парламентаризм отождествляется с демократической политической культурой, ее базовыми ценностями: гражданским обществом, верховенством права, приоритетом прав и свобод личности в отношениях с государством. В свою очередь, парламент призван реализовывать эти ценности посредством представительной функции, реализуемой в деятельности политических партий и практике избирательной системы.

Мы разделяем подход Г. Алмонда и С. Вербы в вопросе определения феномена «политическая культура» [27, с. 354]. Под ним подразумеваются ориентации граждан, их отношение к политической системе, к политическому процессу и к результатам реализации политического курса. Более частный случай — демократическая политическая культура апеллирует к устойчивому и эффективному контролю со стороны гражданского общества за деятельностью государственных органов. В ней имеются «возможности для полного политического информирования граждан; гарантии равноправия граждан, признание права каждого человека на судебную защиту» [13, с. 22]. Эти принципы присущи и парламентаризму. Кроме того, парламентаризм базируется и на таких демократических ценностях, как «уважение, преемственность законов; незыблемость гражданских свобод; приоритет прав человека; политический и культурный плюрализм; наличие развитого гражданского общества» [19, с. 91]. Поэтому о парламентаризме чаще всего говорят в связи с демократической политической культурой.

Впрочем, профессор М.А. Могунова делает важное замечание, утверждая, что «парламентаризм долгое время функционировал при отсутствии многих атрибутов демократии. Однако на современном этапе без парламентаризма режим демократии может считаться

существенно ограниченным» [15, с. 68–69]. Связующим звеном между парламентаризмом и демократизмом выступает категория демократической политической культуры, с помощью которой определяется отношение общества к государственной власти.

Демократическая политическая культура включает в себя культуру парламентскую. Выделение самостоятельной категории парламентской культуры связано с отношением граждан конкретно к парламенту, к процессам функционирования парламента и к результатам взаимодействия общества и парламентских институтов.

Парламентскую культуру необходимо рассматривать в широком и узком смысле. В первом случае парламентская культура представляет собой совокупность институциональных и социокультурных факторов парламентаризма. Во втором – под парламентской культурой понимается «наличие у граждан права свободно выбирать достойных представителей в законодательную ассамблею, их убежденность в том, что такое действие есть единственная возможность донести до власти свои потребности, запросы и единственный способ контролировать власть» [10, с. 79].

Парламентская культура напрямую зависит от отношения граждан к институту выборов. Чем ниже процент граждан, участвующих в выборах, тем ниже уровень парламентской культуры. Между тем профессор А.И. Щербинин указывает на то, что противоположная корреляция невозможна: «Мы не можем сделать вывод о прямой зависимости высокого процента участия граждан в избирательной кампании и высокого уровня парламентской политической культуры. Примером тому могут служить выборы в Верховный Совет СССР, в которых участвовало свыше 90% избирателей» [25]. Поэтому при анализе парламентской культуры необходимо помнить о влиянии уровня политической культуры на принятие самостоятельных решений гражданами в сфере политики.

Отметим, что Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев предлагают описывать парламентскую культуру общества «через выделение основных типов знаний, используемых для оценки ситуаций и принятия решений. Эти знания представляется целесообразным разделить на три группы: социальную онтологию, ценности и опыт» [5, с. 16–17], наработанный в рамках демократической политической культуры.

Парламентская культура включает в себя «базовые социальные, экономические, правовые и политические знания у народных избранников» [25]. Ей присуще и наличие

элементарных знаний в тех же областях у самого общества. Взаимовлияние этих факторов необходимо учитывать для того, чтобы парламент не трансформировался в орган, который регистрирует законодательные инициативы исполнительной власти или групп экономических интересов.

Парламентская культура связана с такими институтами гражданского общества, как партии, группы интересов. Следовательно, важной характеристикой здесь является «партийный дизайн». Для парламентской культуры характерен отказ от однопартийности, монополии на идеологию и законотворчество: «институциональные ограничения на политическую активность способствуют консервации политического сознания, что в конечном итоге затормаживает и деформирует становление современной парламентской культуры» [11, с. 35]. Для преодоления указанных крайностей важно наличие системной оппозиции с общепризнанным статусом.

Кроме того, демократическая парламентская культура связана с принципами партийного плюрализма. Здесь значимую роль играет механизм установки пороговых барьеров на выборах. Партии, набравшие необходимый минимум голосов, в парламент не проходят. Между тем эти партии «отражают спектр мнений, имеющих в обществе, и обладают правом на существование, за исключением откровенно экстремистских, чья деятельность запрещена по закону» [25].

В рамках интеракционного подхода важной представляется и проблема взаимопроникновения парламентской культуры и гражданского общества. Гражданское общество здесь не только «институциональный, но и нормативно-ценностный порядок, делающий возможным собственно гражданскую активность» [18, с. 24]. Следовательно, парламентская культура подразумевает под собой наличие у граждан «способности к солидарному действию, к самоорганизации и публичному обсуждению интересующих общество проблем, умение создавать эффективные институты власти и способности выполнять принятые ими решения» [11, с. 33]. Вследствие этого закономерным становится вопрос об основных функциях парламентской культуры.

По аналогии с демократической политической культурой парламентская культура обладает следующими функциями: «агрегация и артикуляция политических интересов, легитимация, политическая социализация, функция мировоззренческой ориентации. Не меньшее значение имеют интегративная, воспитательная,

коммуникативная и регулятивная функции» [11, с. 33]. По мнению В.Н. Колесникова, значимой функцией парламентской культуры выступает и функция социальной стабилизации, смысл которой заключается в удовлетворении различных социальных интересов с помощью институтов представительства.

К основным условиям полноценного развития гражданского общества относятся: наличие определенных социальных интересов, потребностей; артикуляция этих интересов; формирование соответствующего актора по их реализации; целенаправленная деятельность этого актора; «устойчивая готовность социума носителя интересов и потребностей к активизму и самодеятельности для их реализации» [6, с. 32].

Для интеракционного подхода характерно обращение не только к демократической парламентской культуре и гражданскому обществу, но и к институту функционирования права. Право является условием и формой воплощения парламентаризма. Так, еще Ш. Монтескье писал о том, что государство, в котором не соблюдаются законы, обречено на гибель. Таким образом, приоритет или верховенство права — первичная ценность полноценного парламентаризма. Процесс формирования права в рамках парламентарного общества происходит в процессе политической коммуникации — диалоге и поиске конструктивного компромисса.

Право выступает в качестве «социального регулятора» [17, с. 162] в развитой парламентской культуре. Оно также носит ценностный характер и влияет на формирование моделей поведения в обществе. Следуя логике И. Канта, представляется возможным рассматривать главным ориентиром правовой культуры личностным, индивида, заключающего «цель в себе». Это ведет к возникновению: гражданских прав, равенства перед законом, социальной активности и мобильности.

Кроме того, правовая культура во многом зависит от «прошлого социального опыта и системы ценностных ориентаций, составляющих ее жизненное кредо» [21, с. 17]. Следовательно, возникает вопрос о взаимосвязи между правовой культурой и парламентаризмом. И здесь необходимо указать на важную роль, которую играют институты народного представительства в утверждении правовой культуры в обществе.

По справедливому замечанию О.Е. Кутафина, одной из непреложных ценностей конституционализма является парламентаризм, «неразвитый парламентаризм — показатель неразвитого конституционализма,

а с уничтожением парламентаризма кончается и конституционализм» [14, с. 13]. Напротив, эффективная реализация демократических правовых принципов выступает важным условием укрепления гражданского общества, утверждения в нем парламентских ценностей: приоритета права, равноправия граждан, независимых свободных средств массовой информации, свободных выборов, партийного и политического плюрализма.

Итак, понятия демократической политической культуры, менталитета, культурно-правовой традиции в институциональном содержании призваны играть роль своеобразных социально-исторических координат. Следовательно, они участвуют не только в совершенствовании политической и правовой системы государства, но и в раскрытии сущности парламентаризма. Культурно-правовая традиция рассматривается в качестве детерминанты развития парламентской культуры, определяющей социокультурную модель государственности и гражданского общества.

В заключение отметим, что нормативно-ценностные компоненты парламентаризма, к которым апеллирует интеракционный подход, заслуживают пристального внимания по следующим причинам. Во-первых, обращение к ним позволяет разграничить понятия «парламентаризм», «демократическая политическая культура», «парламентская культура», «гражданское общество», «правовая культура». Во-вторых, благодаря анализу нормативно-ценностных элементов, можно оценить степень демократичности государственной системы. В-третьих, нормативно-ценностные составляющие уточняют понятие «парламентаризм».

Обращение к интеракционному подходу в исследовании институциональной сущности парламентаризма становится особенно оправданным в тех случаях, когда представительные учреждения действуют в культурной среде, значительно отличающейся от той, в которой зародилась сама идея парламентаризма.

Все сказанное позволяет сделать следующий вывод: рассмотрение парламентаризма сквозь призму организационного, нормативно-правового и интеракционного подходов способствует более полноценному взгляду на сущность и форму современного парламентаризма.

Под парламентаризмом мы подразумеваем политический институт, регулирующий отношения в обществе по поводу создания основных правовых норм (законов) и представляющий интересы различных социальных групп в государстве посредством функционирования парламента.

Институт парламентаризма — комплексная система взаимодействий власти и общества, в структуру которой включены не только организационные, нормативно-правовые, но и нормативно-ценностные элементы.

Речь идет о проявлении следующих элементов парламентаризма:

– приоритет парламента как общенационального представительного органа в системе разделения властей;

– высокий уровень законодательной и контрольной компетенции парламента при взаимодействии с другими органами власти;

– соблюдение принципа разделения властей, их взаимообусловленности и сбалансированности;

– наличие системы политических партий парламентарского типа;

– высокий уровень демократической политической культуры;

– наличие развитого гражданского общества;

– соблюдение принципа верховенства права.

Сбалансированное сочетание указанных компонентов свидетельствует о подлинном воплощении парламентаризма в политическую действительность, его развитом характере.

1. Абрамов А.В. Политические институты и политическая социализация: определение понятий [Текст] / А.В. Абрамов // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
2. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс] / Г. Алмонд, С. Верба. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81534> (дата обращения: 23.11.2011).
3. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М.: Аспект-пресс, 2002. 597 с.
4. Безвизонная Е.В. Системно-синергетическая модель политической системы [Текст] / Е.В. Безвизонная // Политические исследования. 2009. № 3. С. 113–124.
5. Бирюков Н.И. Становление институтов представительной власти в современной России [Текст] / Н.И. Бирюков, В.М. Сергеев. М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. 544 с.
6. Борисюк В.И. Становление гражданского общества и партийно-политической системы [Текст] / В.И. Борисюк // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 32–33.
7. Калимуллина И.Р. Особенности становления парламентаризма в современном российском обществе [Текст] / И.Р. Калимуллина: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2009. 26 с.
8. Керимов А.А. Парламентаризм в современной России: особенности становления и развития [Текст] / А.А. Керимов. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006. 164 с.
9. Керимов А.Д. Парламентаризм: сущность и определение [Текст] / А.Д. Керимов // Политика и общество. 2009. № 12. С. 16–20.
10. Ковбенко Л.Н. Парламентская культура как предмет научно-практического анализа [Текст] / Л.Н. Ковбенко, В.Н. Колесников // Власть. 2008. № 5. С. 77–79.
11. Колесников В.Н. Функциональная ценность парламентской культуры [Текст] / В.Н. Колесников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 2. С. 33–39.
12. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма // Новое время. 1994. № 14. С. 52–60.
13. Курскова Г.Ю. Политический режим Российской Федерации. Теоретико-правовой аспект [Текст] / Г.Ю. Курскова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 295 с.
14. Кутафин О.Ф. Российский конституционализм [Текст] / О.Е. Кутафин. М.: Норма, 2008. 544 с.
15. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 350 с.
16. Обухов С.П. Российский парламентаризм между признанием и отрицанием. Проблема массового восприятия (1989 – 2005 гг.) [Текст] / С.П. Обухов; Рос. акад. наук, Ин-т сравнит. политологии. М.: ИПЦ «Маска», 2005. 582 с.
17. Пастухов В.Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность [Текст] В.Б. Пастухов // Политические исследования. 2011. № 2. С. 162–171.
18. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) [Текст] / С.В. Патрушев // Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.
19. Ржешевский Г.А. Демократия: миф, реальность или раскрученный бренд? [Текст] / Ржешевский // Политические исследования. 2008. № 5. С. 91–95.
20. Сидоренко Л.А. Идеи парламентаризма в российской политической мысли XIX века : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2002. 19 с.
21. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности [Текст] / М.Б. Смоленский // Государство и право. 2009. № 4. С. 15–21.
22. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика [Текст] / под общ. ред. О.Н. Булакова. М.: Эксмо, 2005. 320 с.
23. Соколова Е.П. Пресса и парламентаризм в политическом процессе России [Текст] / Е.П. Соколова : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.
24. Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития [Текст] / А.И. Соловьев // Власть. 2006. № 3. С. 20–24.
25. Щербинин А.Г. Парламентская культура [Электронный ресурс] / А.Г. Щербинин. URL: <http://duma.tomsk.ru/page/8313> (дата обращения: 15.01.2011).
26. Almond G.A. Comparative Political Systems // Political behavior: A Reader in Theory Research / ed. by H. Eulau et al. Clencoe, Ill, 1956. 150 p.
27. Almond G.A. and Verba, S., The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations: An Analytical Study. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1965. 420 p.
28. Baker G. Civil Society and Democratic Theory. Alternative voices. Routledge. Taylor and Francis Group, London and New York, 2003. 191 p.
29. Heywood A. Political Ideologies. Palgrave Macmillan, New Haven and London, 2003. 382 p.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ХОДЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

УДК 329.8

Е.В. ТЫШТА

Одно из важнейших направлений работы региональных отделений политических партий – это организация и проведение избирательных кампаний федерального уровня. Переход на пропорциональную систему избрания депутатов Государственной Думы РФ нельзя рассматривать отдельно от других нововведений в российском законодательстве, сделанных в 2000-х годах, таких как повышение заградительного барьера, ужесточение требований к численности партий, запрет на принятие участия в выборах избирательных блоков.

В среде экспертов неоднократно обсуждался вопрос: почему «Единая Россия» поддерживает переход на пропорциональную систему, если именно одномандатники обеспечивают ей большинство как на региональном, так и ранее на федеральном уровне (так, в Хакасии на выборах Верховного Совета РХ в марте 2009 г. «Единая Россия» по партийным спискам получила 22 депутатских места, а по одномандатным округам – 31), таким образом, получается, что пропорциональная система этой партии менее выгодна.

По мнению ряда экспертов [2, с. 200], переход к пропорциональной системе выгоден не столько «Единой России» как политической партии, сколько консолидированной «партии власти», для которой «Единая Россия» – это механизм для достижения поставленных целей. В частности, выборы по единому общефедеральному округу легче контролировать, чем во множестве одномандатных округов, где могут быть «сюрпризы». Кроме того, введение пропорциональной системы ослабляет региональные власти, которые по одномандатным округам проводили в парламент своих ставленников (в новейшей истории Хакасии таким представителем был Г. Семигин). К тому же введение региональных групп приводит к тому, что регион может остаться без представительства, то есть интересы региона не будут представлены в должной степени. К тому же

объединение ряда регионов в единый список приводит к снижению роли региональных властей в процессе формирования списка. Таким образом, главам регионов и другим ведущим политикам ничего больше не остается, как поддержать список «партии власти», иначе регион вообще не будет иметь своего представителя. То есть, по мнению экспертов, произошел обмен интересами, право выдвинуть нужного кандидата и федеральный центр получил обещание поддержки деятельности в обмен на поддержку «партии власти» со стороны региональных властей. Этот вывод подтверждается и примером из политической жизни Хакасии, когда два влиятельных региональных политика – Председатель Верховного Совета РХ В.Н. Штыгашев и мэр г. Абакана Н.Г. Булакин, ранее независимые от «Единой России» (а Н.Г. Булакин часто подвергался острой критике с ее стороны), накануне избирательной кампании по избранию депутатов Государственной Думы РФ 2007 года поддержали «Единую Россию» и вошли в ее состав и руководствующие органы.

Резюмируя различные подходы, можно сделать вывод, что при различных плюсах введения пропорциональной системы избрания существует явный недостаток – преобладание в партийных списках так называемых «столичных кандидатов», что иногда приводит к отсутствию регионального представительства в нижней палате парламента. В качестве примера, аргументирующего данное утверждение, приведем один курьезный случай. Согласно новой Конституции Республики Хакасии, 1 декабря 1996 года на всенародном голосовании Председателем Правительства РХ был избран на тот момент действующий депутат Государственной Думы РФ от Республики Хакасия Алексей Иванович Лебедь. Таким образом, после его вступления в должность главы региона в течение некоторого периода времени, пока шли подготовка и проведение довыборов в состав нижней

палаты российского парламента, в Государственной Думе РФ не было представителя от Хакасии. Именно в этот период проходил утверждение государственного бюджета Российской Федерации на 1997 год. Народные избранники, представлявшие интересы других регионов, видимо, «забыли», где расположена Республика Хакасия, а «напомнить» было некому, в результате чего наш регион был лишен северного и районного коэффициентов к зарплатам бюджетников. Позже все-таки вспомнили, что Республика Хакасия находится, хотя и на юге, но в Сибири, и эти денежные надбавки были вновь введены. Тем не менее данная ситуация создала комплекс проблем как для руководства республики, так и для простых граждан. Отсутствие депутата в парламенте, который бы персонально курировал реализацию интересов конкретного региона в законодательном процессе, привело бы к возникновению общей конфликтной линии «периферия — столица», а также несогласованности интересов различных субъектов Федерации, был бы затруднен поиск компромисса в спорных вопросах законодательного процесса.

По нашему мнению, Российская Федерация как государство, расположенное в двух частях света, на своей территории имеющее регионы, исповедующие все три мировые религии, полиэтничное, с многообразными ментальными субкультурами, с различной структурой и уровнем экономического развития, должно обладать не только партийным, но и региональным представительством на высшем уровне законодательной власти. Данный аспект темы государственного представительства учли разработчики Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» при формировании новой системы избрания народных представителей, при общем выборе пропорциональной избирательной системы предпочли вариант неполного доминирования, когда при голосовании за партийные списки учитывается не общенациональный показатель, а отчасти мнение регионов. Данный аспект отражается в главах 6 и 11 ФЗ № 51 от 18 мая 2005 г. В частности, в части 9 статьи 36 главы 6 говорится: «Федеральный список кандидатов должен быть разбит полностью или частично на региональные группы кандидатов, соответствующие субъекту Российской Федерации, группе субъектов Российской Федерации, части территории субъекта Российской Федерации». Таким образом,

региональное представительство может быть трех видов:

1. Региональный список конкретного субъекта Федерации.

2. Региональный список группы субъектов РФ.

3. Региональный список части определенного субъекта РФ.

Федеральный закон вносит определенные ограничения на формирование региональных партийных групп кандидатов. Так, политическая партия может сформировать вышеуказанный список в части определенного субъекта Федерации только в том случае, если в данной части численность избирателей не превышает 1,3 млн человек, но составляет не менее 650 тысяч. Численность избирателей, проживающих на территории группы субъектов Федерации, не должна превышать 3 млн человек. Совокупно с положениями, предусмотренными в главе 11 вышеуказанного закона, данные нормы детерминируют роль региональных представительств общероссийских политических партий в избирательном процессе, а в будущем — и законотворческом.

Вообще, если придерживаться теории рационального выбора, суть которой заключается в том, что любое наше действие в сфере политики обусловлено нашими потребностями в данной сфере, то принцип формирования региональных списков кандидатов политических партий прямо пропорционально зависит от принципа распределения полученных в результате голосования мандатов. Распределение мандатов при выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ регламентируется 11 главой ФЗ № 51 от 18 мая 2005 г. В частности, «...сумма голосов избирателей, поданных за региональный список кандидатов в тех субъектах Российской Федерации (в группах субъектов Федерации, части субъекта Федерации), которым соответствуют региональные группы кандидатов, на которые был разделен федеральный список кандидатов... делится на число оставшихся не распределенными внутри федерального списка кандидатов депутатских мандатов» [2, с. 200]. То есть чем больше избирателей проголосуют за региональный список конкретной политической партии, тем больше вероятность получения мандатов членами данного списка. Но здесь есть определенные ограничения: так, согласно ст. 82 главы 11 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»,

заградительный барьер для прохождения в состав ассамблеи для политической партии составляет 7%, то есть максимальное количество мест, на которые может претендовать данная партия, составляет 31. Таким образом, чтобы получить парламентский мандат кандидатами, включенными в конкретный региональный список, необходимо, чтоб данный список, помимо максимально возможных голосов для данной политической партии в конкретном регионе, представлял территорию (субъект Федерации, группу субъектов Федерации или часть субъекта Федерации), в которой проживает максимум избирателей.

Исходя из этих выводов, представляется интересным проведение анализа принципов формирования федеральных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, выдвинутых политическими партиями в конкретном регионе. В качестве примера следует рассмотреть выборы в Хакасии в нижнюю палату общероссийского парламента в декабре 2007 года. Для этого используем федеральные списки, представленные в Вестнике Избирательной комиссии Республики Хакасия [1, с.36].

Итак, на парламентских выборах в декабре 2007 года принимало участие 11 общероссийских политических партий. Все они зарегистрировали региональные списки кандидатов, в которые в качестве региональных групп входила Республика Хакасия. Для анализа данных списков кандидатов выделим следующие критерии:

- принцип образования региональных групп;
- количество членов списочного состава (в том числе и их распределение между субъектами Федерации, образующими группу);
- представительство в региональных списках кандидатов, работающих в органах государственной (представительной и исполнительной власти) регионов;
- роль представителей других субъектов РФ в формировании данных списков.

Если охарактеризовать основные принципы образования региональных групп, на базе которых формировались региональные списки кандидатов в Республике Хакасия, то можно выделить следующие группы:

Республика Хакасия – «Аграрная партия России», «Патриоты России», «Союз правых сил», «Всероссийская политическая партия Гражданская Сила», «Либерально-демократическая партия России», «Единая Россия», «Партия социальной справедливости»,

«Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия “Яблоко”».

Республика Хакасия, Республика Тыва, Республика Алтай – «Коммунистическая партия Российской Федерации».

Республика Хакасия, Республика Тыва – «Политическая партия “Демократическая партия России”», «Политическая партия “Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь”».

В силу того, что численность населения Республики Хакасия составляет не более 650 тысяч человек, составление региональных списков политических партий на основе части субъекта Федерации невозможно, поэтому для формирования вышеуказанных списков использовались оставшиеся подходы: на базе субъекта Федерации (в данном случае – Республики Хакасия) и группы субъектов РФ. В первом случае списки кандидатов на основе конкретного субъекта были сформированы восьмью политическими партиями, причем исходя из приведенных расчетов только политическая партия «Единая Россия» могла набрать необходимое количество голосов для делегирования своего представителя в нижнюю палату российского парламента в качестве народного избранника. Остальные политические партии, представленные в данной группе, скорее всего, принимали «участие ради участия» и не делали ставку на наш регион. Исключение составляет, пожалуй, только ЛДПР, которая регулярно пользуется определенным уровнем популярности среди избирателей региона.

Шанс не одержать победу, но провести своего представителя в состав Государственной Думы РФ дает возможность формирования списка кандидатов на базе группы субъекта РФ. Так, КПРФ создала максимально обширный список, объединив три субъекта РФ – это три национальных региона, южно-сибирские республики: Хакасия, Тыва и Алтай. К сожалению, даже столь значительное объединение не позволило КПРФ провести своего представителя в состав Государственной Думы РФ. Политические партии «Справедливая Россия» и «Демократическая партия России» также пошли по пути создания списка кандидатов на основе группы субъектов Федерации, объединив в своих списках представителей Республик Хакасия и Тыва. Таким образом, можно сделать следующий вывод, что из представленных списков кандидатов от политических партий можно выделить три группы ресурсности политических партий: 1) партии, претендующие на общую

победу в регионе (формируют список на базе конкретного субъекта Федерации); 2) партии, принимающие участие в выборах «ради выборов» или не делающие ставку на данный регион, формирующие региональные списки по формальному признаку; 3) партии, не рассчитывающие на полную победу, но претендующие на прохождение заградительного барьера, формирующие списки кандидатов, стремясь максимально увеличить количество избирателей, голосующих за конкретный список.

Следующий интересующий нас вопрос: каким образом распределялись места в списках политических партий, которые сформированы на основе нескольких субъектов РФ. Так, КПРФ представила региональную группу № 2 (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия). Из шести членов списка, представляющих три вышеуказанные республики, 4 человека являются членами хакасского отделения общероссийской политической партии КПРФ, и только по одному — из тувинского и алтайского отделений. Первое место в региональном списке занимает Владимир Николаевич Керженцев — первый секретарь комитета хакасского регионального отделения, первый секретарь комитета тувинского отделения — Экер-оол Маринович Манчын — второй в списке, а третье место — представитель алтайского республиканского отделения КПРФ Михаил Иванович Федькин.

Политическая партия «Демократическая партия России», несмотря на то, что сформировала объединенный список кандидатов (Республики Тыва и Хакасия), представила в нем только представителей Республики Хакасия. Один из самых крупных региональных списков кандидатов был сформирован политической партией «Справедливая Россия» — 8 человек. Лидер региональной группы № 17 — представитель Москвы В. Ю. Урбан. Также в объединенный список кандидатов входят 4 представителя Хакасии и 3 представителя Тывы. Но в данном случае количественный показатель не отражает объективность представленной картины. Так, представители Республики Тыва в данном списке кандидатов являются действующими «серьезными» региональными политиками, членами верхней палаты тувинского парламента (Законодательной палаты Верховного Хурала РТ), председателями профильных комитетов. О представителях хакасского отделения политической партии «Справедливая Россия» подобного сказать нельзя. Это обуславливается

слабыми позициями данной политической организации в нашем регионе, внутренними проблемами хакасского отделения партии и позицией центрального руководства «Справедливой России», которое не скрывало того факта, что наш регион не является для них базовым. В ходе избирательной кампании в Государственную Думу 2007 года, в частности в Республике Хакасия практически не проводилась агитационная кампания (по сравнению с южными районами Красноярского края, телевизионные каналы которых транслируются в республике).

Таким образом, из рассматриваемых политических партий, сформировавших региональные списки кандидатов на базе нескольких субъектов Федерации, только КПРФ реально могла рассчитывать на проведение своего представителя в состав нижней палаты российского парламента. Оставшиеся две партии не могли этого предполагать. Если проанализировать региональные списки кандидатов персонально, можно сделать следующий вывод: во всех трех списках количественно преобладали представители Республики Хакасия, а в списках КПРФ и «Демократической партии России» они играли решающую роль. В региональной группе № 17 политической партии «Справедливая Россия» ведущие позиции по численности занимали представители Республики Тыва, несмотря на то, что первое место в списке принадлежит представителю г. Москвы, а второе — представителю Республики Хакасия. Позиции партии «Справедливая Россия» обусловлены положением, сложившимся после региональных парламентских выборов в октябре 2006 года, когда в то время еще «Российская партия Жизни» набрала 32,25% голосов, провела 12 кандидатов по одномандатным округам, сформировав таким образом одну из крупнейших фракций представительного органа власти Республики Тыва [3, с. 36].

Далее, обратим внимание на роль представителей других субъектов Федерации, которые были включены в региональные списки кандидатов, образованных на базе Республики Хакасия. В данном случае мы не рассматриваем участие представителей Республик Тыва и Алтай в объединенных списках. Так, политическая партия «Союз правых сил» по региональной группе № 71 (Республика Хакасия) представила двух кандидатов: один из Красноярского края, второй из Москвы, представителей Хакасии в данном списке не было. Партии «Социальная

справедливость» и «Яблоко» представлены также представителем г. Москвы. Данные политические объединения первоначально не могли претендовать в нашем регионе на какую-то значимую поддержку со стороны избирателя. Главный принцип этих политических партий в данных выборах в Республике Хакасия: «Участие ради участия».

Участие государственных и муниципальных служащих в избирательных кампаниях в Государственную Думу РФ через членство в региональных списках кандидатов является одним из интересных аспектов научного исследования генезиса российских политических партий на современном этапе. Немногие политические силы могут привлечь в свои списки действующих политиков высокого регионального уровня. Закономерно, что две партии, которые могли реально рассчитывать на продвижение своих представителей в Государственную Думу РФ, в максимальной степени выдвигали на ведущие позиции представителей как законодательной, так и исполнительной власти региона. Так, из списочного состава Коммунистической партии Российской Федерации, состоящей из 6 человек, пятеро входят в исполнительные или законодательные органы власти различных субъектов Федерации, в частности: Верховный Совет РХ (не на постоянной основе) — 3 члена, Великий Хурал РТ (не на постоянной основе) — 1, Правительство Республики Алтай — 1. Политическая партия «Единая Россия» включила в свой список из четырех кандидатов как глав исполнительной и законодательной властей республики, так и депутата Верховного Совета РХ, работающего не на постоянной основе. Интересен момент, что представители Республики Тыва в списке кандидатов политической партии «Справедливой России» являются членами Законодательной палаты Великого Хурала РТ, работающими на постоянной основе. Также членов своих региональных списков, участвующих в деятельности исполнительных и законодательных органов власти, имеют СПС и ЛДПР.

Строительство нового каркаса партийной системы сверху вниз, распространяемого на регионы, дает общероссийским партиям преимущество в борьбе за ключевые политические посты и делает их желанными участниками предвыборных коалиций в субъектах Российской Федерации. При этом областные, краевые и республиканские общественные и политические организации зачастую не рассматриваются как полноправные субъекты регионального политического процесса. Единственной возможностью оказывать влияние на ход политического процесса для них остается участие через своих лидеров и активистов наравне с другими индивидуальными членами в деятельности партии в качестве ее сторонников или рядовых членов.

Вместе с тем, в связи с принятием нового избирательного законодательства (имеется в виду положение, согласно которому 50% состава депутатов региональных законодательных собраний будет формироваться по партийным спискам), у общероссийских партий появляется возможность для получения большей доли самостоятельности в отношениях с федеральным партийным центром власти.

Удачно проведенные выборы в региональные легислатуры позволяют политическим партиям получить дополнительные точки опоры и ресурсы для своего укрепления на региональном уровне. Вполне логично предположить, что эта тенденция получит импульс к активному развитию после принятия соответствующих законодательных инициатив, касающихся избрания законодательными собраниями губернаторов российских регионов, представляемых президентом РФ.

При таком подходе не только законодательные собрания, но и региональные отделения политических партий, становящиеся их важной составной частью, преобразовываются в новые центры принятия политических решений на территории субъектов Российской Федерации.

1. Вестник избирательной комиссии Республики Хакасия. 2007. № 3. С. 54–62.

2. Иванченко А.В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии [Текст] / А.В. Иванченко, А.Е. Любарев. М.: Аспект-Пресс, 2006. С. 20.

3. Тышта Е. Формирование двухпартийной системы в региональном парламенте (на примере Республики Тыва) [Текст] / Е. Тышта // Выборы и реформа местного самоуправления: материалы республиканской научно-практической конференции. Абакан: Из-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 36–41.

ТЕНДЕНЦИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОЛИТИК ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КАНАДЫ

УДК 325.14

А.Е. ШАПАРОВ

Канада и Великобритания представляют страны, относящиеся к англосаксонской модели иммиграционной политики. На иммиграционные политики каждой из стран оказала влияние террористическая атака на США, произошедшая 11 сентября 2001. В политической реакции на угрозу терроризма были как сходные черты, так и различия. Их анализу посвящена данная статья.

Шоковые события, имеющие большой общественный резонанс, почти всегда служат триггерами политических изменений. Такое понимание роли событий в политическом процессе получило распространение в политической науке задолго до американской трагедии 2001 г. Представители копенгагенской школы Б. Бузан и У. Уэвер в 90-е годы прошлого века выступили с теорией секьюритизации. Согласно их концепции, любая общественная проблема, обозначенная политическими акторами как создающая угрозу безопасности, позволяет применять к ее решению экстраординарные меры. У. Уэвер подчеркивает чрезвычайность проблемы, рассматриваемой в дискурсе секьюритизации, говоря о том, что «безопасность следует характеризовать как отрицание, как отказ иметь дело с проблемами нормальной политики» [4, р. 28]. События «9/11» стали поводом для сторонников ужесточения правительственной политики перевести иммиграцию в проблему, создающую экзистенциальную угрозу для обществ стран приема.

Террористическая атака на США 11 сентября 2001 г. вызвала в развитых странах кардинальную переоценку рисков, связанных с иммиграцией. Большое общественное внимание к проблемам безопасности стало причиной «нарушения равновесия» в сложившемся балансе властных групп, за которыми последовали быстрые политические изменения [3]. Тот факт, что исполнители теракта были мигрантами, стал причиной долговременных ассоциаций миграционных процессов с угрозами безопасности.

Актуализация проблем безопасности

и противостояния террористической угрозе форсировала переход от дискуссионного к институциональному этапу в формировании политической повестки дня развитых стран. Произошло то, что У. Митчелл считал одним из самых важных процессов в политической системе – кристаллизация требований в важные проблемы [6, р. 20]. Секьюритизация иммиграции превратилась в доминирующий императив при принятии политических решений в сфере иммиграционной политики, вытеснив на периферию внимания экономические или гуманитарные мотивы.

В начале нового тысячелетия основным побудительным мотивом британской политики в отношении иммигрантов является максимизация их подконтрольности правительственным структурам. По мнению Д. Хэмпшира, основными акторами секьюритизации проблем иммиграции в британском обществе в начале нового тысячелетия выступили правительство, СМИ (особенно велика роль таблоидов) и антииммиграционное объединение «MigrationWatch» [8, р. 119]. Следствием секьюритизации проблемы иммиграции в политическом дискурсе Великобритании было принятие правительством комплекса мер по ужесточению процедур допуска иммигрантов в страну.

Хотя в Великобритании в 2000 г. уже был принят Антитеррористический акт, «события 9/11» привели к серии чрезвычайных мер в сфере безопасности. В течение следующих пяти лет британским правительством было инициировано принятие ряда законодательных актов, порой ставящих примат безопасности выше гражданских прав и свобод.

Основным таргетом секьюритизации британской иммиграционной политики стали гуманитарные мигранты. Это отразили количественные изменения (в 2006 г. численность беженцев снизилась более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом, в 2007 г. еще в 2 раза, а в 2008 – более чем в 3 раза (см. таблицу 1).

Таблица 1
Структура постоянной иммиграции в Великобританию
(2005–2009 гг.)

	2005	2006	2007	2008	2009
Экономические мигранты	63,015	31,830	37,210	60,770	81,220
Воссоединение семей	37,335	59,800	50,820	55,325	70,155
Гуманитарные мигранты	67,810	30,655	14,190	3,720	2,965
Всего	179,120	134,445	124,855	148,740	192,680

Источник: Control of immigration: Statistics United Kingdom. October-December 2009.

Закон о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г. (*Nationality, Immigration and Asylum Act*), продолжил линию на административно-процедурные ограничения в отношении мигрантов, желающих въехать в страну по гуманитарным основаниям. Так, Законом об апелляциях по делам иммиграции и убежища (*Asylum and Immigration Appeals Act*) 1993 г. была упрощена процедура рассмотрения апелляций по явно необоснованным заявлениям претендентов на убежище и установлены ограничения на обжалования для краткосрочных мигрантов, которым отказано в продлении времени их пребывания. Спустя три года Закон об убежище и иммиграции 1996 г. (*Asylum and Immigration Act*), наделил правительство правом формировать список стран, где отсутствуют угрозы преследования. После утверждения списка парламентом жалобы граждан таких стран рассматривались апелляционными судами по ускоренной процедуре. Упрощенная процедура рассмотрения апелляций предусматривалась и по возврату претендентов на статус беженца из безопасных третьих стран – членов ЕС. Закон об иммиграции и убежище 1999 г. (*Immigration and Asylum Act*), вступивший в силу с октября 2000 г., заменяя предыдущее законодательство, вводил единый порядок рассмотрения для потенциальных беженцев – одно заявление и одно обжалование. Однако у апелланта была возможность по вновь открывшимся обстоятельствам внести коррективы в апелляцию, приостановив процедуру депортации. Законом о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г. большинство стран признавались не создающими угроз и, следовательно, заявления на убежище для жителей этих стран квалифицировались как «очевидно необоснованные»

(«*clearly unfounded*»), а правительство формировало список безопасных стран. Если претендент на убежище – гражданин «безопасной» страны, то его требование может быть квалифицировано как необоснованное. Такие требования не подлежат рассмотрению независимыми иммиграционными судами, а лицо, претендующее на убежище, может быть депортировано из страны.

В отношении претендентов на статус беженцев правительство использует не только политику «кнута», ужесточая действующее законодательство, но и стратегии, стимулирующие их добровольный отъезд с территории страны. С 2002 г. Британское пограничное агентство совместно с Международной организацией по миграции (МОМ) реализуют программу по добровольному возвращению и реинтеграции (*Voluntary Assisted Return and Reintegration Programme*). Целью программы является содействие в возвращении домой претендентов на статус беженца, заявления которых были отклонены. Оказываемая помощь включает оплату билетов, профессионального обучения и подъемные. Реализация программы софинансируется Европейским союзом и правительством Великобритании. Тремя годами ранее начала осуществляться и программа по возвращению лиц, незаконно находившихся на территории Великобритании. Однако, в отличие от претендентов на статус беженцев, в отношении незаконных мигрантов предусмотрена лишь оплата билетов. В период 1999–2009 гг. в результате реализации этих программ из Великобритании на родину возвратилось более 30 тыс. чел. из 140 стран [9]. Всего в 2009 г. из Великобритании было депортировано 64750 чел., что на 5% меньше, чем в 2008 г., когда было выслано 67980 чел. [7, р. 3].

Организационную основу государственной политики в отношении гуманитарных мигрантов составляют Трибунал по делам иммиграции и убежища (*The Asylum and Immigration Tribunal-AIT*), который в 2005 г. заменил действовавшую до этого Иммиграционную апелляционную администрацию (*Immigration Appellate Authority*), а также Специальная иммиграционная комиссия по апелляциям (*Special Immigration Appeals Commission-SIAC*). Эта комиссия была учреждена Законом об убежище и иммиграции (*Asylum and Immigration Act*) 2004 г., с целью централизации процесса рассмотрения апелляций.

На слушаниях претенденты на убежище и потенциальные иммигранты чаще всего представлены адвокатами, защитниками, поверенными и иммиграционными советниками, зарегистрированными в Управлении комиссара по иммиграционным услугам (OISC). Британское правительство обычно представлено специально подготовленными чиновниками Министерства внутренних дел.

Алармистские тенденции в государственной политике еще более усилились после террористической атаки в лондонском метро в июле 2005 г., совершенной радикальными исламистами, иммигрантами во втором поколении, в результате которой погибло 52 человека. Реакцией на террористическую угрозу стало принятие в 2006 г. Закона об иммиграции, убежище и гражданстве (*Immigration, Asylum and Nationality Act*). На этот раз лейбористское правительство нашло гораздо больше аргументов в пользу усиления государственного контроля за деятельностью частных лиц и организаций, создающих угрозу общественной безопасности в сфере иммиграции. Закон ужесточил правила рассмотрения заявлений от потенциальных мигрантов, особенно ограничив право обжалования отказов в разрешении на въезд и решений по депортации. Обжаловать решения о депортации, вынесенные по соображениям безопасности, можно лишь находясь за пределами Великобритании. Закон наделил министра внутренних дел правом лишения британского гражданства в случае, если это решение «способствует общественной пользе» и не оставляет человека лицом без гражданства. Закон 1981 г. предусматривал лишение гражданства в случае, если «человек сделал что-нибудь серьезно наносящее ущерб жизненным интересам Великобритании или британской заграничной территории» (ст. 40). Таким

образом, изменения в законодательстве существенно расширили государственные полномочия по контролю за иммиграцией. Британским законом о границах (*UK Borders Act*) 2007 г. были введены обязательные биометрические документы для иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, и в очередной раз усилены государственные полномочия в сфере иммиграционного контроля. Тогда же были инициированы организационные изменения. Управление иммиграции и гражданства, входившее в структуру Министерства внутренних дел, было заменено Агентством границы и иммиграции. В апреле 2008 г. оно было объединено с созданным Британским агентством границы (*UK Border Agency*). Британское агентство границы является исполнительным органом Министерства внутренних дел, на который возложены функции иммиграционного контроля.

В июле 2009 г. был принят Закон о границах, гражданстве и иммиграции (*Borders, Citizenship and Immigration Act*), который нацелен на создание «твердой, но справедливой» («*firm but fair*») национальной иммиграционной системы. Важные организационные изменения заключаются в передаче полномочий в сфере таможенного контроля Британскому пограничному агентству. Таким образом, произошло сосредоточение в одном государственном органе функций иммиграционного регулирования, включающих выдачу виз, в том числе рабочих и студенческих, рассмотрения заявлений на получение разрешений на постоянное проживание, гражданство и убежище, а также пограничного и таможенного контроля. Британское пограничное агентство ответственно за реализацию программы «Электронная граница» (*e-Borders*), предусматривающей использование электронных виз, создание биометрической системы, контролирующей въезд в страну, а также единой базы данных всех иностранцев, находящихся на ее территории.

Д. Хэмпшир, характеризуя изменения в иммиграционной политике Великобритании, отмечает: «...в стране произошла предвзятая секьюритизация миграции, частично ослабившая даже те либеральные ограничения, которые традиционно накладывались на производство рестриктивной иммиграционной политики» [8, р. 110]. Продолжение тенденций на ужесточение иммиграционного законодательства, проводимое британским правительством, может

войти в противоречие с европейскими и международными нормами о правах человека и усложнить проблемы европейской интеграции.

В Канаде, также как и в Великобритании, проблемы безопасности были объединены с гуманитарными мигрантами. Угрозы безопасности в контексте иммиграции актуализировались в Канаде на рубеже тысячелетий. Еще до событий 11 сентября 2001 г. мировые СМИ сообщили об аресте в США «террориста тысячелетия» А. Рессама. Уроженец Алжира А. Рессам был арестован в декабре 1999 г. при попытке взорвать аэропорт, куда он направлялся на автомобиле, начиненном взрывчаткой. Как выяснилось в ходе расследования, А. Рессам въехал в Канаду в 1994 г. по поддельному паспорту и подал заявление на получение статуса беженца. И хотя в получении статуса ему было отказано, это не помешало А. Рессаму пройти подготовку в Афганистане, а затем вновь вернуться в Канаду. В ходе расследования была доказана принадлежность А. Рессама к террористической организации, дислоцированной в Канаде. В сентябре 2003 г. канадские спецслужбы признали существование в стране около 50 международных террористических организаций [10]. Легкость, с которой террористы пересекают границу Канады, доступность взрывчатых веществ и, самое вопиющее, — наличие в стране террористических организаций, использующих Канаду в качестве базы для подготовки боевиков, вызвали возмущение как внутри страны, так и в мире.

Обострение общественного интереса к проблемам безопасности явилось катализатором политических изменений в сфере иммиграционного контроля и пересечения границ. В первую очередь изменения коснулись единственной сухопутной границы Канады. В результате действий канадских и американских властей была разработана концепция «умной границы». Как справедливо отмечает отечественный канадолог Е. Г. Комкова, «...вслед за событиями 11 сентября 2001 г. были предприняты не просто беспрецедентные и дорогостоящие меры, но и проведена концептуальная переоценка государственной границы в новых условиях» [2, с. 19]. По ее мнению, новая концепция границы предусматривает решение двух задач: укрепления безопасности и облегчения торговли.

В декабре 2001 г. США и Канада подписали Соглашение о сотрудничестве

по вопросам безопасности границы и проблемам региональной миграции. Создание безопасной и «умной» границы предусматривает совместную деятельность по четырём направлениям. Первое — безопасность людей — означает разделение потоков на те, которые содержат низкие риски (граждане двух стран), и те, которые, несут высокие риски — иммигранты и беженцы. Второе направление — безопасность товаров; третье — безопасность инфраструктуры; четвертое — координация действий и обмен информацией. В соответствии с договоренностями созданы специальные двусторонние комиссии для координации деятельности в области безопасности и предотвращения терроризма. Развитие сотрудничества двух стран включает выработку совместных критериев выдачи виз, дающих право на въезд, а также унификацию подходов к получению статуса беженца. Одновременно парламент Канады принял Антитеррористический закон, в соответствии с которым каждые два года правительством определяется список организаций, подпадающих под определение терроризма, чья деятельность запрещена на территории страны. В декабре 2003 г. в структуре Министерства общественной безопасности и чрезвычайных ситуаций было создано Агентство пограничной службы — специальное ведомство, осуществляющее функции контроля за пересечением границы и предотвращения нелегальной иммиграции. С 1978 г. в распоряжении канадского правительства находится юридический инструмент, позволяющий задерживать и высылать постоянных жителей или иностранных подданных, которых подозревают в создании угроз безопасности — «сертификат безопасности» (*security certificate*). Этот механизм был закреплен в иммиграционном законодательстве. Всего в результате применения сертификатов безопасности с 1991 г. из страны было выслано 29 чел. Закон об иммиграции и защите беженцев 2002 г. позволяет федеральному правительству и судьям использовать секретные данные на закрытых слушаниях, мотивируя тем, что ее раскрытие серьезно ограничило способность правительства защитить граждан Канады. Иными словами, обвиняемого и его адвоката можно было не знакомить с содержанием выдвинутых обвинений. Если Федеральный Суд не находил нарушений в выданном правительством сертификате безопасности, он автоматически становился ордером на высылку. В 2008 г. парламентом

был одобрен законопроект С–3, который внес изменения в Закон об иммиграции и защите беженцев. Согласно изменениям, в судопроизводстве по сертификатам безопасности будут участвовать специальные адвокаты и сами обвиняемые, допущенные к секретной информации.

Решение проблем безопасности в современных условиях невозможно без уточнения национальной позиции в отношении беженцев. Это тем более важно, если учесть мнение А. Грина, утверждающего, что «...в будущем мотивы для приема иммигрантов станут преимущественно исходить из гуманитарных и социальных оснований, чем из экономической потребности» [5, р. 43]. В продолжение реализации совместного плана действий по созданию «умной» границы Канада и США в 2002 г. подписали Соглашение о третьей безопасной стране пребывания (*Safe Third Country Agreement*). Целью соглашения, вступившего в силу в декабре 2004 г., было сокращение притока потенциальных беженцев на территорию двух стран. По условиям Соглашения претенденты на статус беженца обязаны искать защиту в той безопасной стране, в которую они сначала прибыли. В соответствии с Соглашением обе страны считают друг друга безопасными для беженцев. И, хотя Федеральный Суд Канады дважды, в ноябре 2007 г. и в январе 2008 г., приостанавливал действие Соглашения, его решения были обжалованы канадским правительством, и в настоящее время Соглашение действует. Соглашение позволило существенно сократить количество исков беженцев, подаваемых на американо-канадской границе.

В то же время некоторые исследователи скептически оценивают перспективы канадо-американского взаимодействия в области безопасности [2]. Формированию эффективной системы контроля и пресечения нелегальной миграции препятствуют факторы, имеющие внутреннюю и внешнюю природу. В Канаде и США имеются влиятельные проиммигрантские лобби, способные блокировать или значительно ослабить действия правительства по ужесточению иммиграционного законодательства. Кроме того, у политического истеблишмента двух стран экспертами отмечаются различия в ценностных установках, касающихся проблем миграции и безопасности. Американский политолог К. Рудольф, анализируя канадо-американские усилия по созданию «умной границы», отмечает, что «неравное распределение власти среди стран НАФТА, несовпадение их интересов и менталитетов делают надежды на достижение управляемости процессов в сфере миграции и приграничного контроля в Северной Америке весьма призрачными» [11, р. 76]. Тем не менее, позиция Канады все еще очень либеральна по отношению к претендентам на статус беженца. Формально в Канаде, также как и в других развитых странах, в структуре постоянной иммиграции три категории – экономические мигранты, воссоединение семей и беженцы. Однако Законом об иммиграции и защите беженцев 2002 г. правительству дано право предоставлять статус резидента лицам, не подходящим ни под одну из трех категорий, по гуманитарным и сострадательным основаниям.

Таблица 2
Структура постоянной иммиграции в Канаду 2002–2008 гг.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Воссоединение семей	62,261	63,361	70,508	66,232	65,567	65,200
Экономические мигранты	133,748	156,312	138,252	131,244	149,072	153,498
Беженцы	32,687	35,776	32,499	27,955	21,860	22,846
Гуманитарные мигранты	7,129	6,790	10,382	11,322	10,742	10,634
Всего	235,825	262,241	251,643	236,754	247,243	252,179

Источник: Facts and Figures 2009. Ottawa: Citizenship and Immigration Canada, 2010.

В 2009 г. свыше 33 тыс. чел., находясь на территории Канады, претендовали на получение статуса беженца; 58% заявлений были отклонены. 30 марта 2010 г. Министерством гражданства и иммиграции в парламент был внесен законопроект С-11, предусматривающий реформирование системы предоставления убежища. В качестве мер снижения численности лиц, ищущих убежища, предлагается: 1) сократить срок слушания с нынешних 19 месяцев до 60 дней; 2) определить список безопасных стран, заявления от граждан которых будут рассматриваться в упрощенном порядке. В случае одобрения парламентом реформа изменит и принцип формирования Комиссии по иммиграции и беженцам: политических назначенцев в ее составе заменят государственные служащие. Даже после отрицательного решения Комиссии они будут обязаны покинуть территорию страны в течение года (в настоящее время — в течение 4 лет).

В ноябре 2009 г. Британское пограничное агентство представило общественному вниманию законопроект об иммиграции (*Immigration Bill*), призванный стать основой будущего иммиграционного законодательства страны. Законопроект сопровождается документами, анализирующими имеющееся законодательство и анонсирующими план будущих изменений. Согласно плану, важнейшим направлением реформы британского иммиграционного законодательства выступает усиление пограничного контроля. Предусматривается внедрение дактилоскопических систем,

введение идентификационных карт для иностранцев, использующих биометрические параметры. Основное содержание правительственного подхода к реформе иммиграционного законодательства обозначено как «экспорт границы» (*exporting the border*). Это выражение означает вынесение средств иммиграционного контроля за пределы страны. Любой человек, въезжающий на территорию Великобритании, обязан иметь предварительно полученное разрешение. В предложенном законопроекте упрощена процедура высылки из страны. Высылке подлежат все иностранцы, находящиеся в Великобритании без разрешения.

Реализация подготовленной лейбористами реформы иммиграционного законодательства находится в компетенции коалиционного правительства консерваторов и либерал-демократов, сформированного по итогам парламентских выборов 2010 г. Обе партии в предыдущие годы критиковали правительство лейбористов, обвиняя его в утрате контроля за иммиграцией в страну. Однако единство в критике совсем не означает общности взглядов на цели, приоритеты и методы осуществления национальной иммиграционной политики.

Необходимо отметить качественные отличия в общественной реакции на проблемы, создаваемые иммиграцией, в Великобритании и Канаде. Как показали данные специального исследования Евробарометра, проведенного в 2006 г., в Великобритании проблема иммиграции была вынесена на передний план, что совсем не характерно для остальных стран Евросоюза (см. табл.).

Таблица 3
Четыре наиболее острых общественных проблемы 2006 г.

Место	Великобритания	%	Евросоюз	%
1	Иммиграция	40	Безработица	40
2	Терроризм	35	Криминал	23
3	Криминал	34	Экономическая ситуация	23
4	Здравоохранение	20	Иммиграция	21

Источник: Standard Eurobarometer. 2006. № 66. P. 6.

Следует принять во внимание, что годом ранее террористами была предпринята атака в лондонском метро. Однако не терроризм, а иммиграция была определена участниками опроса как главная социальная проблема. Среди приоритетных политических действий британцы назвали борьбу с терроризмом (46% опрошенных) и с нелегальной иммиграцией (34%). Среди граждан Евросоюза первоочередными политическими мерами были названы борьба с бедностью и социальной эксклюзией (43%) и борьба с безработицей (40%). Таким образом, иммиграция и терроризм были определены главными проблемами в восприятии британцев.

В Канаде опросы общественного мнения свидетельствуют, что у канадцев отсутствует единодушие в вопросе о том, что должно превалировать в правительственной политике относительно беженцев: гуманитарные мотивы или интересы безопасности? Проведенный в июне 2007 г. социологической службой «Ипсос Рейд» опрос показал, что 48% жителей обеспокоены возможностью незаконно получить статус беженца, в то время как 43% опрошенных заявили о недопустимости высылки потенциальных

беженцев в страны, где им угрожает опасность [12].

Таким образом, секьюритизация иммиграции имела место в обеих странах. В политических последствиях для национальных иммиграционных политик были как сходные черты, так и существенные различия. Главным объектом ужесточения иммиграционного законодательства Великобритании и Канады стали гуманитарные мигранты. Однако если в Великобритании численность беженцев резко сократилась, то в случае Канады этого не произошло. В Великобритании секьюритизация вызвала усиление рестриктивных тенденций в процессе формирования и реализации иммиграционной политики. Иммиграционной политике современной Канады в основном присущ больший баланс в сочетании национальных интересов и международных гуманитарных обязательств. Секьюритизация, становясь доминирующим императивом национальной иммиграционной политики, оказывает негативное воздействие на механизм ее формирования и существенно сокращает потенциал использования миграции в качестве источника социального развития.

1. Комкова Е.Г. Фактор границы в канадо-американских экономических отношениях [Текст] / Е.Г. Комкова // США – Канада. 2006. № 8.
2. Adelman H. Canadian Borders and Immigration Post 9/11 // International Migration Review. 2002. № 36(1).
3. Baumgartner F., Jones B. Agendas and Instability in American Politics. Chicago : University of Chicago Press. 1993.
4. Buzan B., Waever O., DeWilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder CO. : Lynne Rienner, 1998.
5. Canadian Immigration Policy for the 21st Century. Ed. by Ch. Beach, A. Green, J. Reitz. Kingston, Ontario, 2003.
6. Cobb R., Elder C. Participation in American politics: The dynamics of agenda-building. Boston : Allen and Bacon, 1972.
7. Control of immigration: statistics United Kingdom October-December 2009. 25 february 2010. P. 3. URL: <http://www.homeoffice.gov.uk/rds/pdfs10/immig409.pdf>.
8. Hampshire J. Disembedding Liberalism Immigration Politics and Security in Britain since 9/11 // Immigration Policy and Security. Ed. by T. Givens, G. Freeman, D. Leal. N.Y. : Routledge, 2008.
9. IOM. Voluntary Assisted Return and Reintegration Programme. URL: <http://world-countries.net/archives/16674>.
10. North of the Border. CBS News. 07.09.2003. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2003/09/04/60minutes/main571584.shtml?tag=contentMain;contentBody>.
11. Rudolph C. International migration and homeland security. In: Homeland security: borders and points of entry. Ed. by J. Forest. Westport, CT: Praeger Security International, 2006. Vol. 1.
12. Tibbetts J. Canadians split on refugee risks: poll // National Post. 18.06.2007.

ПРОФЕССИЯ СУДЬИ И ЮРИСТА В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 34.037

Е.А. ПОПОВ

В современных общественных отношениях как никогда велико значение профессионального юриста, который не только выполняет непосредственно свои задачи, руководствуясь нормой и духом закона, но и символизирует собой справедливое и участливое отношение государства и общества к каждому человеку и гражданину. Подобная идеализация юридической профессии еще в большей степени оттеняет сложные и противоречивые проблемы, связанные с деятельностью правоведов и их профессиональных сообществ и в конечном итоге формирует определенный образ юриста в социальной реальности. Ясно, что данный образ настолько многолик, насколько обширен тот социальный и социокультурный контекст, который, с одной стороны, воспитывает профессиональные качества, а с другой стороны, формирует личность будущего специалиста в юриспруденции.

Юридическая профессия, как собственно и любая другая, связанная с акцентированием или отстаиванием позиции государства и общества, аккумулирует в человеке те качества, которые позволяют ему решать жизненно важные для каждого из нас вопросы от имени или по разумению буквы закона. По существу, юрист является проводником человека в пространстве правовых норм и правил, а значит, он возлагает на себя обязательства по транскрипции или интерпретации этих нормативных комплексов в соответствии с устанавливаемыми государством требованиями. На этом основании отношение общества и государства к юридической профессии неоднозначно, но в то же время никто по крайней мере не ставит под сомнение острую необходимость в истинных профессионалах своего дела. А между тем современная юриспруденция как самостоятельная научная область и сфера деятельности также предъявляет к данным специалистам повышенные требования — постулирование правового государства, борьба за правовую культуру в массах, многократное усложнение системы правового знания — все это в совокупности предъявляет особые требования к подготовке специалиста-юриста сначала в учебных заведениях, а затем и в профессиональных юридических сообществах. Не секрет, что сегодня

в погоне за престижностью юридической профессии освоить программу подготовки специалиста в этом направлении стремятся тысячи и тысячи людей разных возрастов. Это в свою очередь увеличивает масштабы настоящей индустрии, связанной с формированием или «выращиванием» будущего юриста — неуклонно растет количество вузов и факультетов, осуществляющих такую профессиональную подготовку, но о качестве такого образования возникает довольно много вопросов. Совершенно неслучайно и сами профессиональные сообщества юристов выражают озабоченность по поводу качества знаний, демонстрируемых выпускниками современных юридических учебных заведений. Безусловно, от этого и от некоторых других обстоятельств во многом и зависит складывающийся образ юриста в социальной реальности. Пожалуй, наиболее отзывчивой к «живописанию» разноликих образов служащих от юриспруденции оказалась отечественная литературная классика.

В художественной литературе отношение к юридической профессии нередко высказывается достаточно критическое и даже уничижительное. Так, например, Владимир Маяковский в своем «Гимне судье» о людях, имеющих отношение к отправлению правосудия, высказывается с присущей поэту жесткостью: «Глаза у судьи — пара жестянок // мерцает в помойной яме. Попал павлин оранжево-синий // под глаз его строгий, как пост, — // и вылинял моментально павлиний // великолепный хвост!» [1, с. 60]. Известен и созданный великим Гоголем в «Ревизоре» образ судьи Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина, благодаря звучной фамилии которого и невразумительной судейской деятельности в обиходе появилась устойчивая фраза о взятках борзыми щенками: «Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело» [2, с. 278]. Не менее выразительными свойствами характера автор наделяет судью — «человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит

басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют» [2, с. 274]. В таком нелицеприятном изображении судьи угадывается всенародное неприятие чиновничества как класса, идущее из глубины столетий, но, разумеется, на этом не останавливающееся и нашедшее свое продолжение в наши дни, в современной реальности. Сегодня чиновничество стало самодостаточной ценностно-смысловой системой, которая неизменно составляет часть человеческой культуры и всякий раз подлежит народной оценке и, увы, не всегда положительной.

К суду и судьям не остается безучастным и А.П. Чехов, создавший бессмертную апологию человеческой несостоятельности. В некоторых его произведениях не совсем явно, но тем не менее вполне определенно звучат мотивы неприятия вывернутого наизнанку правосудия, отправляемого в угоду богатым и наделенным властью. «Судьи! — восклицает герой рассказа «Злоумышленник». — Помер покойник барин-генерал, царство небесное. А то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хоть и высеки, но чтоб за дело, по совести...» [3, с. 73]. По-своему, на свой лад интерпретирует дух права другой персонаж чеховского рассказа «Унтер Пришибеев»: «Ваше высококордие, господин мировой судья! Стало быть, по всем статьям закона выходит причина аттестовать всякое обстоятельство по взаимности. Виновен не я, а все прочие»; и далее — «Где это в законе написано, чтоб народу волю давать? Я не могу дозвольть-с» [3, с. 74, 75]. Ну и наконец, в нагнетаемой писателем обстановке упомощательства в «Палате № 6» как бы вскользь, по ходу дела речь идет и о возможности судебной ошибки — Чехов как будто предупреждает: в больном обществе, в обществе с «грядущим хамом» (выражение Д. С. Мережковского [4]) невозможно рассчитывать на какое-либо честное правосудие: «А судебная ошибка при теперешнем судопроизводстве очень возможна, и ничего в ней нет мудреного. Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут откоситься к своим клиентам иначе, как формально...» [3, с. 316]. Конечно, художественное слово в отечественной литературной классике, как известно, всегда было особенно внимательным к проблеме маленького человека, заостряло бескомпромиссную

борьбу людей, наделенных властью, и простых смертных, не искушенных этими привилегиями, но благодаря этому обстоятельству современный человек всегда находит аналогию несправедливому, по его мнению, вершению дел в суде с кричащими литературными образами.

Дополняет эту галерею запоминающихся образов, создаваемых при помощи ярких выразительных средств, и пословичная культура русского народа, в которую прочно вошли фольклорные обороты «Где суд, там и неправда», «В суд пойдешь — правды не найдешь», «Не бойся суда — бойся судьи» и т.д. Как видим, в рассмотренных примерах в основном фигурируют в качестве действующих лиц судьи. Причиной такого особого внимания к судейской профессии можно, по-видимому, считать их амбивалентную позицию в социальной реальности: с одной стороны, судьи находятся на вершине иерархии профессионального сообщества юристов, а следовательно, их «небожителство» всегда представляло и представляет интерес для простых людей, интригует своей закрытостью, созданной атмосферой таинственности и даже сакральности. С другой же стороны, очевидно, что суд воспринимается как вершитель людских судеб и, пожалуй, как единственное мерило справедливости, — как раз эта связь человека и судьи, являясь по сути вынужденной, необходимой в условиях решения какой-то жизненно важной для ищущего правды человека проблемы, всегда является очень зыбкой, подчас эфемерной, потому что нет единых стандартов справедливости, как нет и тех, кто бы оставался в полной мере довольным состоявшимся судебным решением. В этом смысле судьям с лихвой и досталось от цеха поэтов и писателей — они неизменно подчеркивали, специально выделяли чиновничество в этой среде, вопиющую безграмотность и леность отправляющих правосудие, создавали яркие образы судей и судилищ, неизмеримо далеких от народа и не демонстрирующих мудрости в принимаемых решениях и борьбы за их справедливый исход. Художественное слово, как оказывается, не совсем благосклонно к судейскому корпусу, а между тем юридическое сообщество никогда не ограничивалось только представителями этой одной профессии, а потому образы юристов в социокультурной реальности возникают не только на страницах прозы и поэзии, но и в повседневной жизни, идеализировать которую практически невозможно, а значит, и придавать этим образом

особый лоск, по-видимому, тоже не имеет никакого смысла.

Размышляя в свое время об образе социолога в современной реальности, мы пришли к выводу о том, что та или иная профессия не просто накладывает неизгладимый отпечаток на личность ее носителя, но и раскрывает медитативные особенности бытования человека в профессии [5, с. 77]. Они «чрезвычайно многомерны — каждая частичка мира открывает сложное переплетение разных — философских, гражданских, правовых, бытовых проблем, которые не решаются однозначно» [5, с. 77]. Человек в юдоли мира направляет свои усилия на расшифровку неких социокультурных знаков, кодов и символов, каждый из которых может иметь немаловажное значение в жизни этого человека, и в этой борьбе он приобретает новые знания, наращивает свой интеллектуальный потенциал. Но не всегда нам удастся раскрыть смыслы, стоящие за каким-нибудь кодом бытия. В этом нам помогают профессионалы — люди, более нас сведущие в тех или иных вопросах, требующих специальных знаний, определенной подготовленности. Конечно, юристы всегда были в их числе, — именно поэтому их образы оказались востребованными литературой, а их профессиональные познания — самой жизнью. Сегодня, разумеется, невозможно представить повседневный быт без правовой поддержки. Из чего же складывается образ юриста, какие символы он разгадывает сам и раскрывает их для других людей?

Если не брать в расчет те предпосылки, которые оказывают воздействие на выбор наших профессиональных предпочтений на различных стадиях жизни, и рассматривать юридическую профессию как данность, то, по нашему мнению, особую роль в формировании образа человека, принадлежащего этой профессии, выполняет формирование и развитие определенной научной среды. Наука, ее сила, актуальность в жизни, особенности концептуализации, безусловно, оказывают подчас решающее воздействие на приобщение к той или иной деятельности. В этой связи сам по себе значим и интересен с научной точки зрения образ юриспруденции — зачастую он привлекает к себе концепцией, свойственной немногим научным отраслям; суть этой концепции состоит в том, что человек, близкий юриспруденции, ощущает себя частью большого государственного механизма, основанного на праве и его нормах. Это, с одной стороны, придает особый вес такому «маштабному» знанию, но с другой стороны, как

нам кажется, несколько упрощает, нивелирует восприятие самой юриспруденции как науки. Действительно, по мысли Д. М. Азми, «основное (базовое) право» объединяет в себе «основоположения справедливости, правозаконности, гуманизма, формально-юридического равенства участников правового общения» [6, с. 10]. Такой спектр сущностных характеристик присущ не только и не столько, может быть, науке, сколько в целом жизнедеятельности общества, государства и человека, однако именно за юриспруденцией прочно закрепились эти постулаты в качестве отправных точек для научных изысканий. Кроме того, образ юриспруденции оказывается в зависимости от распространенного мнения о том, что освоение юриспруденции может быть сведено преимущественно к изучению норм: есть закон, его нормы, а следовательно, достаточно ограничиться знанием этих законов для того, чтобы стать юристом. Подобные утрированные представления, возможно, привлекают огромное число тех, кто хотел бы сделать юриспруденцию делом всей своей жизни. Тем не менее, нужно обратить внимание на тот факт, что для исследователя-юриста вполне реальной может оказаться «методологическая травма», которая лишней раз подтвердит мнение о некой ограниченности правового знания, по крайней мере в части оперирования известными методологическими принципами. В социологии, к примеру, понятие методологической травмы используется «для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [7, с. 3]. Полагаем, что подобная ситуация характерна и для исследователей в иных научных областях, в том числе и в юриспруденции. Основанием для подобного утверждения может стать, на наш взгляд, один очень показательный пример: многочисленные учебники по различным отраслям права, как известно, издаются и переиздаются каждый год, но все они по сути похожи друг на друга как близнецы-братья — следуют одной и той же схеме подачи материала, приводят ссылки на одних и тех же авторитетных в данной области ученых и т.д. Ситуация эта вполне объяснима — речь, разумеется, не о том, что кто-то позаимствовал чужую идею и выдал ее за свою собственную; дело здесь в другом — исследователь вынужден ориентироваться исключительно на изменения норм права и размышлять о встраивании

этих новелл в общую систему права и правоотношений, основанных на этих нормах. Редко, когда в новом учебном издании для студентов юридических вузов доминирует авторская рефлексия по поводу случившихся новаций, еще реже предлагается новое концептуальное переосмысление уже известных истин с учетом современных концепций развития государства, общества, человека. Очевидно, что в этом состоит определенная проблема, нуждающаяся в скорейшем разрешении. По замечанию Г.А. Аванесовой, «одна из причин, затрудняющая освоение отечественной методологии общества, культуры и человека, состоит в том, что российское пространство социогуманитарного анализа поражено вирусом парадигмальной и мировоззренческой дезориентации» [8]. Но сегодня можно, как нам кажется, утверждать и то, что если только нормативная методология по-прежнему будет задавать тон в проводимых исследованиях по юриспруденции, не оставляя места для других методологических векторов — аксиологического, социокультурного, социально-правового, герменевтического и других, то рассчитывать на избавление юристов от «методологической травмы» в ближайшем будущем не приходится [9].

Образ юриста формируется также и профессиональным сообществом. При этом профессиональное сообщество юристов представляет собой как общественное объединение специалистов в области юриспруденции, так и коллектив, организуемый в соответствии с российским законодательством. Это обстоятельство по сути выводит профессиональное сообщество юристов на институциональный уровень функционирования и взаимодействия с государством, обществом и каждым гражданином. А это в свою очередь повышает роль подобных объединений в регулировании общественных отношений. В этом смысле, если учитывать тот факт, что «глубинная причина отсутствия в стране нормальной... общественно-политической жизни — неудовлетворительное состояние политико-правовой культуры народа в целом» [10, с. 55], то цель данного профессионального сообщества в том числе видится и в повышении уровня политико-правовой культуры среди населения. Если же брать в расчет сугубо научное творчество в юриспруденции, то его зачастую связывают с законодательной деятельностью, полагая при этом, что главная задача науки о праве как раз и состоит в обеспечении должного

юридического уровня принимаемых органами власти нормативно-правовых актов. Об этом, в частности, рассуждает Ф.М. Раянов в статье «Матрица правового государства и наша юридическая наука». По оценке исследователя, «создается впечатление, что проводимые в стране многочисленные реформы не имеют отношения к правоведом, которые обособленно заняты вопросами только правовой реформы, где главный вопрос непременно сводится к выяснению проблемы правопонимания» [11, с. 46]. С этим, конечно, можно согласиться, но лишь отчасти. На самом деле научные цели перед профессиональным сообществом юристов стоят чрезвычайно важные, и они не ограничиваются исключительно установлением принципов правопонимания.

С точки зрения некоторых исследователей, «реальным субъектом научного творчества сегодня становится не отдельный человек («ученый-одиночка»), а научное сообщество как социальная группа, объединенная нормативными принципами теоретико-методологического (парадигмального) и морально-этического плана» [12, с. 18]. Разумеется, научное сообщество предъявляет совершенно особенные требования к любой деятельности, так или иначе связанной с научно-исследовательской сферой. Если иметь в виду юриспруденцию, то можно с уверенностью сказать, что помимо теоретико-методологических исканий, характерных для любой области современного научного знания, а также морально-этических принципов осуществления научной деятельности в этом направлении, она устанавливает неразрывную связь исследователя и нормы права; таким образом, генеральной линией в развитии науки о праве следует признать поиск оснований для переменчивости норм, обеспечивающих существование государства, общества и оказывающих влияние на индивидуальную и коллективную жизнедеятельность человека. Вместе с тем «реальная жизнь научного сообщества, — согласно утверждению О.Т. Коростелевой, — как коллектива ученых, безусловно, включает в себя весь сложный спектр деятельностных установок и коммуникативных мотиваций не только диалектического (ориентированного на поиск истины), но также «софистического» (направленного на убеждение противника) и «эристического» (связанного со стремлением одержать победу) типов» [12, с. 19–20]. Очевидно, что для научного сообщества в сфере юриспруденции как никакого другого особенно характерны все

три указанных типа деятельностных установок, однако стремление «одержать победу» или убедить противника в этом случае напрямую зависит от понимания самой сути преломления многообразных норм права в жизни человека и в жизни государства. Образ юриста от такой мозаики норм может показаться крайне однотипным, невыразительным. Между тем приведение правовых норм в ценностно-смысловой порядок, включение их в систему права — это, пожалуй, те ключевые задачи, которые стоят перед каждым специалистом, связанным с юридической наукой, и которые исключают правовой сервиллизм в деятельности исследователя-юриста, сводимый к выполнению обслуживающей функции для органов власти и в целом для нужд государства. И если, например, по выражению М.К. Горшкова, «социология должна уметь работать с властью, не ошарашивая ее на каждом шагу своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждая в полезности для власти социологического участия в делах государственных» (курсив автора цитаты. — Е.П.) [13, с. 24], то юридическая наука, имея огромный опыт сотрудничества с властью, должна все-таки последовательно и верно уклоняться в сторону признания социокультурной детерминации происходящих в мире правовых изменений и процессов. А эта деятельностная и одновременно коммуникативная установка на порядок сложнее, чем та, которая связана с убеждением противников и одержанием локальных побед в юридических баталиях.

Примечательно, что образ юриста в некоторых случаях специально и официально оговаривает закон. Так, закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в статье 3 прямо определяет: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности» [14, с. 58]. Отсутствие в биографии будущего мирового судьи «порочащих его поступков» как неотъемлемое условие назначения его на соответствующую должность указывается в статье 5 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [14, с. 83]. Подобные условия не могут не сказаться на формировании образа судьи, однако, как нам кажется, идеализация любой профессиональной деятельности человека и особенно такой, как судебная деятельность, всегда или

почти всегда граничит с ярчайшими случаями отклонений или протеста против данных установлений — известны примеры судебных биографий, в которых обнаруживается не единственное нарушение норм закона, устанавливающих требования к кандидатам в судьи и к уже действующим судьям. Но определено — государство в вопросах судебной власти взяло на себя заботу, связанную с формированием и функционированием профессионального сообщества судей. Речь, конечно, идет об органах судейского сообщества — на этот счет Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [14, с. 86–105] оговаривает, кто, каким образом и с какими последствиями будет выражать интересы судей как носителей судебной власти. Подобного рода профессиональные сообщества, как известно, создаются и в среде адвокатов, и для обеспечения нотариальной деятельности. Конечно, предъявляемые государством особые требования к осуществлению юридической деятельности вполне оправданны и не вызывают сомнений, но тем не менее такая институционализация по сути стирает личностные характеристики человека в профессии, делает юриста частью огромного государственного механизма и при этом не исключает, а, напротив, лишним раз убеждает нас в сервильности такого порядка.

Итак, образ юриста в социокультурной реальности многолик — в восприятии общества юридическая профессия находится в одном ряду с теми, которые традиционно привлекательны для людей, потому что сулят им денежную и статусную выгоду, некую социальную привилегированность; объективности ради следует сказать, что заботу о чистоте рядов профессиональных юристов, осуществляющих важные государственные функции, проявляет и само государство, формируя стереотип честного и справедливого специалиста. Этим же обеспокоены и профессиональные сообщества юристов и общественные организации; задача воспитать хорошего профессионала в своей области стоит и перед учебными заведениями, осуществляющими подготовку будущих специалистов юриспруденции. С другой же стороны, образ юриста зависит от специфики развития юридической науки, и прежде всего от ее ориентаций на встраивание множества правовых норм в единую эффективную и действенную систему. Пожалуй, определенный диссонанс в создание образа юриста и в большей степени образа

человека в мантии внесла художественная литература, отметившая неприятие людьми зарвавшихся чиновников, зачастую погрязших в коррупции и собственном невежестве.

Как видим, социокультурная реальность отзывчива на образы профессионалов в своей области, всякий раз добавляя в них яркие краски и выстраивая целые портретные галереи людей, связавших себя с той или иной сферой жизни человека, общества или государства. Не всегда эти образы имеют положительный характер, но по крайней мере очевидно, что юрист человеку, обществу или государству во все времена был и будет необходим.

Как нам кажется, изучение образа судьи и юриста в современной реальности крайне важно при формировании государственных программ совершенствования судебной системы и в целом профессиональной подготовки будущих специалистов в области юриспруденции. Очевидно, что несколько предвзятое отношение со стороны населения к судебному корпусу, судебной корпоративности наталкивает реформаторов на необходимость придания статусу судьи насколько возможно публичного характера, а всей российской судебной системе – открытости. Социокультурная характеристика юридической профессии может измениться в положительную сторону, если человек в мантии приблизится к обществу, но в то же время он еще более будет изолирован от возможных проявлений давления при вынесении тех или иных судебных решений.

В формировании образа судьи и юриста особое место без сомнения занимает профессиональная подготовка. И художественное слово, и современная реальность только подтверждают это обстоятельство. Сегодня, как известно, специально в высших учебных заведениях не обучают премудростям этой сложной и ответственной профессии, но тогда на самого человека возлагается обязанность такого самосовершенствования, при котором его видение судебской профессии должно соответствовать требованиям, предъявляемым со стороны государства и общества к профессии судьи. Нисколько не следует упрощать ситуацию с юриспруденцией в целом. Негативное восприятие юриста в социокультурной реальности не всегда является определяющим в формировании пути, по которому осуществляется подготовка будущего юриста; по крайней мере не подлежат пересмотру нравственные устои, которые всегда должны лежать в основе мудрствования и прикладного начала в отправлении юридической профессии. В равной степени обращение к образу судьи или юриста позволит избежать неких критических моментов во взаимодействии профессионалов с обычными людьми, которые вынуждены обращаться к ним нередко за судьбоносным решением. Этот факт, что в руках судьи или нотариуса, адвоката или следователя находится судьба человека, весьма важен в выработке определенных стандартов нравственно-психологической подготовки специалистов.

1. Аванесова Г.А. Методология анализа культуры, общества и человека в отечественном гуманитарном познании XIX–XX вв. [Текст] / Г.А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5.
2. Азми Д.М. Структурное строение системы права: теоретико-методологический анализ [Текст] / Д.М. Азми // Государство и право. 2010. № 6.
3. Гоголь Н.В. Повести; Ревизор. М., 1984.
4. Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) [Текст] / М.К. Горшков // Философские науки. 2011. № 4.
5. Коростелева О.Т. Основные аспекты ценностного измерения в социологии науки [Текст] / О.Т. Коростелева // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 3 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2011.
6. Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности [Текст] / Л.С. Мамут // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
7. Маяковский В.В. Сочинения: в 2-х томах. Т. 1 / Сост. А. Михайлова. М., 1987.
8. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Большая Россия. Л., 1991.
9. Новое в судебном законодательстве Российской Федерации [Текст]: сборник документов. М., 2005.
10. Попов Е.А. Кризис нормативного подхода в современной юридической науке [Текст] / Е.А. Попов // Право и политика. 2011. № 4.
11. Попов Е.А. Образ социолога в современной реальности [Текст] / Е.А. Попов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2.
12. Раянов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука [Текст] / Ф.М. Раянов // Государство и право. 2006. № 8.
13. Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания [Текст] / Г.Г. Татарова // Социологические исследования. 2006. № 9.
14. Чехов А.П. Рассказы. М., 1970.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОВИНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: КАНЦЕЛЯРСКИЕ СЛУЖАЩИЕ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

УДК 321 (091);34(091)

В.А. ВОРОПАНОВ

Изучение вопросов эволюции российской имперской бюрократии составляет самостоятельное направление историко-социологических исследований. Кадровая политика верховной власти Российского государства является специальным предметом исследования. В данной статье анализируются законодательные усилия верховной власти Российской империи по формированию и реализации кадровой политики с учётом потребностей государственной службы в Уральском регионе.

Итоги развития правового регулирования канцелярской службы в XVIII – первой трети XIX вв. закрепил Свод законов. Служебные функции в аппарате государственного органа – канцелярии присутственного места – исполнялись согласно численности его сотрудников. Низшие штатные делопроизводители занимали должности копиистов, подканцеляристов и канцеляристов. В старшую группу служащих входили повытчики (столоначальники), регистраторы, архивариусы. К группе высших в канцелярии относились должности переводчика, протоколиста и секретаря. Должность секретаря, руководителя канцелярии, являлась классной. Непосредственное управление кадрами канцелярской службы осуществляли губернские правление и палаты (судебные, казённая). Назначение, перевод, увольнение протоколистов и секретарей в XVIII в. санкционировал Правительствующий Сенат. В 1801–1803 гг. выбор кандидатов на должности протоколистов и секретарей был предоставлен членам коллегий присутственных мест, наделение их полномочиями – губернской администрации [18].

От качества и скорости производства дел в канцелярии во многом зависела успешная деятельность государственного органа. Государственная гражданская служба в России остро нуждалась в грамотных, квалифицированных специалистах. Между тем сословное деление подданных предопределило ограничение доступа в службу для лиц, плативших налоги, а также детей нижних воинских чинов. Правительство стремилось контролировать

приток кадров в низшее звено системы управления вопреки законодательным запретам, сдерживало карьерный рост лиц недворянского происхождения [10]. В то же время укоренившееся предубеждение дворянства против приказной работы [9] не позволяло верховной власти использовать высшее сословие в качестве исключительного источника рекрутирования кадров. Прежде всего хроническая нехватка делопроизводителей обусловила наследственный характер статуса государственных служащих. Недворянин мог получить увольнение на основании медицинского подтверждения его неспособности исполнять обязанности по состоянию здоровья [11]. Потомственным канцелярским служащим не возбранялся переход на военную службу, «праздношатающимся» лицам Екатерина II грозила взятием в воинскую службу принудительно [12].

Расширение штатов местных государственных органов сделало отступление от приоритетов, декларируемых законодателем, насущной необходимостью. В указе от 24 декабря 1778 г. Екатерина II выразила пожелание, чтобы канцелярские должности «занимаемы были по большей части таковыми людьми, которые упражнениями своими преуспевая в познании законов, и образа судопроизводства и течения дел, открыли бы путь себе к дальнейшим степеням в службе». Отбирать кадры предписывалось из числа избыточного потомства церковнослужителей и учащихся семинарий («ниже риторического класса»), а также лиц, не внесённых в списки налогоплательщиков («в подушный оклад неположных людей») [13]. Указ от 11 апреля 1784 г. не только подтвердил для представителей духовного сословия, оказавшихся за штатами священно – и церковнослужителей, право поступления на государственную гражданскую службу, но и повелел выделять выпускников семинарий, проявивших преимущественные «склонности к гражданской службе» [14]. Император Павел I устроил надзор за соблюдением правовых

ограничений, сняв с канцелярских работников из купцов, мещан и крестьян, пожелавших продолжить службу, подушные сборы. Сенат санкционировал зачисление в штаты новых лиц, плативших прямые налоги, в виде особых исключений [15].

Верховная власть заботилась о повышении уровня образованности и профессиональной подготовки лиц, вступающих в государственную службу. Екатерина II могла лишь пожелать, чтобы молодые дворяне не гнушались приказной работой и прилагали усилия к изучению законодательства и порядка судопроизводства, гарантировав им успешную карьеру [17]. Создание общегосударственной системы учебных заведений началось на основе положений Устава народных училищ 1786 г. Пройдя сложный период становления, в царствование Александра I малые училища преобразовались в уездные, главные – в гимназии, дававшие, согласно Уставу 1804 г., среднее образование. В империи неуклонно расширялась сеть образовательных учреждений, наметилась тенденция специализации учебных заведений, складывалась общегосударственная система подготовки юристов, получили развитие юридические науки, рос выпуск специальной учебной и справочной литературы [2, с. 54–58], [3, с. 83–89], [6, с. 98–108].

С начала XIX в. верховная власть повысила требования к подготовке кадров государственной службы. Именной указ от 24 января 1803 г. закрыл в перспективе доступ к должностям, требовавшим, в частности, юридических знаний, лицам, не прошедшим обучение в «общественном или частном училище» [19]. Император указал путь к карьере, социальным преимуществам и награждениям через успехи в образовании. В указе от 6 августа 1809 г. Александр I выразил неудовольствие по поводу пассивности дворян, полагавшихся в служебных поощрениях на сословные привилегии, и вновь публично заявил о чрезвычайной заинтересованности государства в образованных служащих. За выпускниками университетов и чиновниками, прошедшими экзаменационные испытания по ряду университетских курсов, указ утвердил льготы при определении к штатным местам и в продвижении по карьере [20].

Получение образования освобождало лиц от действия сословного ценза, однако выпускники университетов исключались из списков налогоплательщиков лишь после документального подтверждения их намерения вступить в государственную гражданскую службу

[21]. Указы Сената от 23 декабря 1813 г. и Святейшего Синода от 31 марта 1815 г. и 20 марта 1816 г. ограничили свободный доступ в гражданскую службу представителей духовного сословия выпускниками духовных семинарий и училищ [22]. Указ Сената от 21 августа 1818 г. разрешил приём в службу лиц, не окончивших обучения в духовных училищах, при условии одобрения их поведения и способностей [23]. В 1821 г. исключение коснулось нижних воинских чинов, отслуживших 25 лет в армии и получивших отставку. Члены их семей оставались военнообязанными [24]. Проект устава, разработанный к 1817 г., разрешавший наиболее сложные вопросы организации гражданской службы, потенциально доступной выходцам из всех слоёв населения, получившим образование, остался «лишь образцовым произведением законодательной мысли» [8, с. 29–43].

Ко второй четверти XIX в. регулирование социального состава бюрократии стало реально возможным. В правление Николая I вертикальная мобильность подданных последовательно сдерживалась в интересах устойчивости сформированной общественной структуры. Выслуга лет, получение чинов и орденов влекли приобретение служащими прав личного и потомственного дворянства. Широкое распространение привилегий оценивалось верховной властью устойчиво отрицательно. В отборе кадров правительство придавало главное значение социальному происхождению и образованию претендентов, создавая профессионально-эффективный аппарат чиновников и препятствуя интенсивному пополнению высшего сословия людьми, не обладавшими консервативно-корпоративным мировоззрением. От сословного происхождения и уровня образования зависели сроки выслуги отличий в службе [4, с. 24–46, 248–256], [34].

Для территорий с объективными проблемами рекрутирования кадров издавались специальные указы. Особое внимание в конце XVIII – начале XIX вв. уделялось проблеме нехватки канцелярских кадров в Северном Приуралье. Так, указ от 18 января 1801 г. позволил заполнить 27 штатных вакансий в Вятской губернии учащимися семинарий и грамотными детьми священно и церковнослужителей [16]. Положение от 9 июня 1842 г. «в виде особого изъятия» наделило правом поступления на службу в Вятской и Оренбургской губерниях выходцев из городских сословий и семей церковнослужителей, имевших свидетельства о среднем образовании [29].

Во второй четверти XIX в. правительство разработало комплекс специальных норм, регулировавших поощрения за службу в отдельных периферийных областях, где, в частности, предлагались повышенные денежные компенсации и земельные пожалования, действовали льготы в чинопроизводстве и при замещении классовых должностей. В 1835 г. оренбургский военный губернатор исходатайствовал льготы чиновникам, намеренным служить в крае [26]. Указ от 29 апреля 1839 г. обязал лиц, получивших «не в зачет годовое жалованье», отработать в Вятской и Оренбургской губерниях не менее трёх лет [27]. Положение от 9 июня 1842 г. подтвердило право на получение служащими, переехавшими в Вятскую и Оренбургскую губернии, особых материальных вознаграждений, сократив выплату жалованья вятским чиновникам наполовину [30].

Развитие сети школ в России не удовлетворяло кадровых потребностей гражданской службы. Благотворительные взносы позволили губернской администрации открыть на Урале в июне 1808 г. Пермскую, в ноябре 1811 г. Вятскую и в ноябре 1828 г. Уфимскую гимназии. К 1829 г. на Урале также числились 19 уездных и 10 приходских училищ. Состав их учащихся оставался стабильно всесословным. Наряду с учебными заведениями Министерства народного просвещения на Урале в первой половине XIX в. открывались школы, организованные иными министерствами и ведомствами, а также с санкции Министерства народного просвещения частные школы [1, с. 106–124], [5, с. 462–465].

В целях подготовки служащих и оказания помощи семьям малоимущих чиновников в обучении детей правительство Николая I выделило в 1828 г. 180 тыс. руб. на создание 9 специальных училищ. Два учебных заведения открылись на Урале. Вятскому специальному заведению выделили средств на бесплатное обучение 30 воспитанников, Пермскому, объединившему учащихся из Пермской и Оренбургской губерний, — 45. Закон установил строгие правила приёма кандидатов от каждого уезда. Преимуществами при поступлении пользовались сироты, выходцы из многодетных семей, дети чиновников, отмеченных отличиями, а также проходившие начальное обучение и проявившие особые способности к образованию. Отличники, выявленные аттестационными комиссиями, переводились в гимназию, особо одарённые ученики — в город с университетом, где в завершающие годы обучения посещали «лекции российского правоведения». Выпускники вступали в службу

канцеляристами низшего или высшего разряда или закреплялись сверх штата вплоть до открытия вакансий, обязуясь отработать в губернии от 6 до 8 лет, по истечении которых были вправе просить отставки [25].

Особые положения, утверждённые 19 января 1844 г. и 14 апреля 1848 г., предусматривали обучение в Оренбургской и Пермской гимназиях за счёт средств государства по 20 воспитанников, являвшихся потомственными служащими. По одному из выпускников гимназий, «отличившихся способностями, успехами и поведением», следовало ежегодно направлять для получения высшего образования по выбранной ими специальности в Казанский университет. Выпускники, прошедшие обучение бесплатно, обязались отслужить в губерниях от 6 до 8 лет [31]. В гимназиях было введено преподавание юридических дисциплин, позволявшее поощрять выпускников, приобретших «особенные и отличные познания в русском законоведении», при определении в службу чином XIV класса [32]. Преимущества и обязательства имели выпускники Оренбургского Неплюевского военного училища, вступавшие в гражданскую службу. Учащиеся его «Европейского отделения» изучали в старшем классе правила военного судопроизводства и деловой переписки [28].

В 1860 г. только в Южном Приуралье действовало 240 государственных школ всех типов, включая 5 средних учебных заведений, а также 17 частных и общественное училище с числом воспитанников до 9 тыс. чел. [7, с. 63–66]

Законодательство поддерживало специализацию государственных служащих. Высшее управление государственной гражданской службой сосредоточилось в Первом отделении Собственной Е.И.В. канцелярии (с 1846 г. — Инспекторском департаменте гражданского ведомства, преемственном Герольдии [33]). Министерство юстиции контролировало принятие на службу, переводы и увольнения чиновников, однако общие правила не распространялись на губернии Урала, не обеспеченные кадрами [35].

Итак, несмотря на то, что увеличение в конце XVIII в. числа местных государственных органов вызвало приток в канцелярские штаты лиц непривилегированных сословий, верховная власть стремилась блюсти сословные принципы, объективно снижавшие эффективность отбора кадров на государственную гражданскую службу. Хроническая нехватка канцелярских работников, их общий низкий профессиональный

уровень вынудили законодателя разрешить в 1813–1816 гг. принимать в службу выпускников средних и начальных духовных школ, в 1818 г. — лиц, не окончивших обучения в духовных училищах, в 1821 г. — нижних воинских чинов, уволенных из армии после 25 лет службы. Естественный прирост государственных служащих как обособленной социальной группы позволил верховной власти закрепить в начале второй четверти XIX в. сословное право поступления на службу. Требование сословной принадлежности существенно ослабляло получение образования. Периферийные провинции империи пользовались объективно повышенным вниманием правительства. Специальные указы издавались для уральских губерний — Вятской, населённой крестьянами, и Оренбургской, где сосредоточивались служилые сословия. Правительство решало проблему нехватки кадров на Урале путём предоставления

государственным служащим материальных и нематериальных льгот.

Развитие системы общего образования в России не удовлетворяло потребностей государственной службы. В целях совершенствования системы подготовки кадров в восточных областях в 1828 г. монарх санкционировал открытие в Вятке и Перми училищ для детей канцелярских служащих, в 1844–1848 гг. ввёл бесплатное обучение в Оренбургской и Пермской гимназиях. Преподавание в образовательных учреждениях юридических дисциплин позволяло успешным выпускникам вступать в службу с чином XIV класса. Лица, получившие образование за государственный счёт, обязались отработать в губернии, испытывавшей кадровые трудности, от 6 до 8 лет. На области Урала, не обеспеченные кадрами, в первой половине XIX в. не распространялось действие нормативно-правовых актов, поддерживавших строгую специализацию государственных служащих.

1. Дашкевич Л.А. Народная школа и народное просвещение жителей уральских городов в конце XVIII – первой половине XIX вв. [Текст] / Л.А. Дашкевич // Культура российской провинции. Памяти М.Г. Казанцевой. Екатеринбург, 2005. С. 106–124.
2. Егоров С.А. Юридическое образование в России в первой половине XIX в. // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 54–58.
3. Емельянова И.А. Юридический факультет Казанского университета в 40–50-е годы XIX века // Правоведение. 1980. № 5. С. 83–89.
4. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 289 с.
5. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1989. 608 с.
6. Кодан С.В. Становление юридического образования в России (1800–1850-е гг.) // Российский юридический журнал. 2001. № 3 (31). С. 98–108.
7. Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. 2. Екатеринбург, 2000. 82 с.
8. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–43.
9. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XI. № 8043.
10. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XII. № 9008; Т. XIX. № 13596, 13760; Т. XX. № 14831. П. 5; Т. XXXVIII. № 28930.
11. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12535.
12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14831. П. 5; РГАДА Ф. 10. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14831. П. 1–2.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15978. П. 3, 4.
15. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. № 18622; Т. XXXI. № 24258; Т. XXXII. № 25151, 25232; Т. XXXVIII. № 28930.
16. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19723.
17. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19856. П. 2.
18. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 20004. Ст. 7. П. 6; Т. XXVII. № 20608. П. 7.
19. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. № 20597. П. 24.
20. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23771.
21. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24864.
22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 25506; Т. XXXIII. № 26204.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXV. № 27498.
24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28593.
25. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 1814, 1817, 2185.
26. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 7903; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7095. Л. 1–5.
27. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIV. № 12281, 12977.
28. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XV. № 14029. § 41, 60–62, 64–66, 69.
29. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 15731. § 2–4; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1267.
30. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 15731. § 33–35; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1324, 1325, 1330.
31. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17544. § 1–10; № 22185. § 1–10.
32. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17544. § 11–12; № 22185. § 11–12.
33. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXI. № 20401.
34. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXII. № 1469. I–V; Т. III. № 1853; Т. IV. № 2626, 3331; СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1–12, 46, 95–97, 141, 596.
35. СЗ РИ. Т. III. Кн. I. Ст. 1153, 1271; ГАОрО. Ф. 580. Стол 2. Д. 322. Л. 1–12.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ НА ОСНОВЕ СЛУЖЕБНОГО КОНТРАКТА

УДК 35

Д.Б. МИННИГУЛОВА

Государственная служба и ее центральное звено — государственная гражданская служба (далее — гражданская служба), имеют определяющее значение в выполнении целей, задач и функций государства, в осуществлении государственного управления всеми сферами общественной жизни. Хорошо и эффективно отлаженный механизм функционирования государственного аппарата и осуществления государственной, в том числе гражданской, службы невозможен без наделения государственных гражданских служащих (далее — гражданских служащих) определенными правами, обязанностями, юридической ответственностью и иными правовыми возможностями, составляющими правовой статус гражданских служащих. В настоящее время происходит активное накопление и обновление нормативного материала, регулирующего гражданскую службу, центральное и определяющее место в которой отводится регулированию правового статуса гражданских служащих.

Гражданская служба, являющаяся составным и определяющим видом государственной службы, проявляется во всех трех ветвях государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной. Значительную часть гражданских служащих составляют служащие исполнительных органов государства, правовое обеспечение которых является сферой регулирования административного права. В связи с этим существует постоянная необходимость обстоятельного исследования правовых возможностей гражданских служащих, являющихся носителями государственной власти, необходимость рассмотрения сложных правовых связей, в которые вступают гражданские служащие при исполнении своих служебных обязанностей. Эти связи проявляются в двух основных направлениях: связь с государством, которая через служебное законодательство определяет их правовой статус, и связь с субъектами административно-правовых отношений, в которых реализуется предоставленные

гражданским служащим административно-правовые права и обязанности.

Реализация правового статуса гражданских служащих происходит на основе служебного контракта. Служебный контракт пришел на смену трудовому договору, ранее заключаемому с государственными служащими в соответствии с Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 31 июля 1995 года № 119-ФЗ [6]. Между служебным контрактом государственного гражданского служащего (далее — гражданский служащий) и трудовым договором работника наемного труда много общих признаков, но есть и существенные отличия.

Служебный контракт в федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ [4] (далее — Федеральный закон о гражданской службе) определяется как «соглашение между представителем нанимателя и гражданином, поступающим на гражданскую службу, или гражданским служащим о прохождении гражданской службы и замещении должности гражданской службы. Служебным контрактом устанавливаются права и обязанности сторон».

Заключение служебного контракта, в отличие от трудового договора, регулируется законодательством о труде, предусматривается не только при поступлении на государственную гражданскую службу (с гражданином, поступающим на гражданскую службу), но и с гражданским служащим о прохождении гражданской службы и при замещении должности гражданской службы.

Служебный контракт обладает рядом специфических признаков и особенностей:

- заключение служебного контракта при поступлении на гражданскую службу является обязательным как для представителя нанимателя, так и для каждого гражданина, поступающего на гражданскую службу. Организационные меры по обеспечению процедуры заключения служебного контракта и юридическая ответственность

за правильность его заключения или его отсутствие лежит на руководителе государственного органа (представителе нанимателя);

- служебный контракт является актом применения законодательства о гражданской службе, который устанавливает юридический факт поступления на гражданскую службу, регламентирует права и обязанности представителя нанимателя (руководителя государственного органа) и гражданского служащего;

- служебный контракт подтверждает добровольное поступление на гражданскую службу и ее последующее осуществление. Исключение из этого общего правила составляют два случая. Первый – принятие на гражданскую службу выпускника вуза, который в соответствии со специальным договором должен пройти гражданскую службу в течение определенного срока, установленного соглашением сторон [4, п. 3 ч. 4 ст. 24], [5]. Можно предположить, что добровольность поступления на гражданскую службу определяется заключением договора о профессиональной подготовке молодого специалиста в учебном заведении. Второй случай – перевод гражданского служащего на другую должность по служебной (производственной) необходимости, в частности для замещения временно отсутствующего гражданского служащего [4, ст. 30];

- служебный контракт является разновидностью (формой) договорных отношений, т.е. предусматривает договорное установление основных условий гражданской службы на основе добровольного соглашения, в котором стороны являются равноправными субъектами реализации законодательства о гражданской службе. Разумеется, определяющее значение в этом договорном процессе имеет мнение и реальные возможности руководителя государственного органа, а также императивные нормы законодательства о гражданской службе;

- через служебный контракт решается сложнейшая проблема «перевода» общих нормативных положений законодательства о гражданской службе в плоскость индивидуально-определенных правовых – служебных прав и обязанностей (отношений). При этом нередко возникает сложнейшая коллизия соотношения централизованного нормативного регулирования гражданской службы и конкретных персонализированных условий гражданской службы;

- содержанием служебного контракта являются конкретные права и обязанности

сторон (руководителя государственного органа и гражданина или гражданского служащего), которые в основном определяются замещаемой должностью и должностным регламентом;

- одно из общих требований, предъявляемых к служебному контракту, состоит в том, что на его основе нельзя ухудшать условия прохождения гражданской службы или ущемлять права гражданского служащего, установленные Федеральным законом о гражданской службе, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [4, п. 5 ч. 4 ст. 24].

Названные требования являются достаточно сложными как по форме, так и по содержанию. Относительно доступно можно выявить соотношение служебного контракта и нормативных условий гражданской службы, предусмотренных Федеральным законом о гражданской службе. Но достаточно сложно, а чаще почти невозможно это сделать в отношении условий службы, регулируемых другими федеральными законами, в частности, Трудовым кодексом Российской Федерации [11].

Означает ли запрещение ухудшения правового положения гражданского служащего, предусмотренное законодательством о гражданской службе [4, ст. 24.], что оно охватывает все федеральное законодательство, регулирующее труд гражданских служащих, в том числе нормативные положения трудового законодательства Российской Федерации [11], или имеется в виду только служебное (административное) законодательство о гражданской службе?

Если на поставленный вопрос ответить утвердительно (узкое понимание указанного требования), т.е. иметь в виду только законодательство о гражданской службе, то это противоречит Федеральному закону о гражданской службе, который предусматривает возможность применения трудового законодательства [4, ст. 73, 74]. Если придать рассматриваемому нормативному положению широкое понимание этого требования, в соответствии с которым условия служебного контракта не должны противоречить трудовому законодательству, то возникает вопрос о пределах его применения. Особенно остро этот вопрос возникает при наличии пробелов в законодательстве о государственной гражданской службе.

Представитель нанимателя обязуется предоставить гражданину, поступающему

на гражданскую службу, возможность прохождения гражданской службы, а также предоставить указанному гражданину или гражданскому служащему возможность замещения определенной должности гражданской службы, обеспечить прохождение гражданской службы и замещение должности гражданской службы в соответствии с законодательством о гражданской службе, своевременно и в полном объеме выплачивать гражданскому служащему денежное содержание и предоставить ему государственные социальные гарантии.

Гражданин, поступающий на гражданскую службу, при заключении служебного контракта о прохождении гражданской службы и замещении должности гражданской службы (гражданский служащий при заключении служебного контракта о замещении должности гражданской службы) обязуется исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом и соблюдать служебный распорядок государственного органа.

Запрещается одностороннее изменение условий служебного контракта, поскольку реально существенные условия служебного контракта может изменить только одна сторона — представитель нанимателя, то это означает, что это изменение может осуществляться только с согласия гражданского служащего, выраженного в письменной форме.

В публикациях, посвященных анализу соотношения и разграничения трудового договора работников по найму и контрактов государственных служащих, существуют совершенно противоположные мнения, связанные с отраслевыми подходами [9, 10, 13]. Особенно критически воспринимают сходство трудового договора и служебного контракта сторонники административно-правовой модели регулирования государственно-служебных отношений (А. А. Гришковец [1], А. В. Гусев [2, 3], М. В. Пресняков [8], С. Е. Чаннов [8, 12], А. А. Осин [7]). В лаконичной форме эта позиция изложена С. Е. Чанновым [12]. Отличия служебного контракта (контракта с государственными служащими) от трудового договора указанный автор видит в том, что:

- контрактом с государственным служащим определяется не трудовая функция, а должностные обязанности (заметим в скобках, что должностные обязанности предусматриваются и трудовым договором);

- контракт о прохождении государственной службы не является основанием

возникновения государственно-служебных отношений. Таким основанием является акт о назначении служащего на должность, сам же контракт имеет второстепенное значение. На определенных этапах государственно-служебные отношения могут существовать и не будучи урегулированы контрактом (заметим, что трудовые отношения могут также возникать не на основе трудового договора, а непосредственно);

- условия контракта о прохождении государственной службы не вырабатываются сторонами, а определены в законодательном порядке (этим недостатком в большинстве случаев страдает и трудовой договор, о котором стороны забывают сразу после его заключения).

Следует отметить, что договорные отношения как в сфере трудовых отношений, так и в сфере государственной службы (в том числе и гражданской службы), а также в иных сферах не приобрели решающего значения. В лучшем случае они выполняют регистрационную и формализованную функцию. Очевидно, это связано с низкой правовой культурой как работников найма, так и государственных служащих (в том числе гражданских служащих), а также неверием в канцелярские «бумаги».

Вместе с тем, по нашему мнению, не следует относиться негативно к реальному существованию и позитивной роли служебного контракта и к таковому его отрицательному описанию, которое дает А. А. Осин. Он пишет буквально следующее: «Анализируя статьи закона, связанные со служебным контрактом, все больше приходишь к выводу, что служебный контракт как соглашение (если под этим словом подразумевается согласие сторон на те или иные условия и свободное волеизъявление при их формулировке) является чем-то эфемерным. В законодательстве о гражданской службе так детально регламентировано содержание служебного контракта, что включение в него каких-либо иных условий просто теряет смысл. Федеральный закон о гражданской службе либо сам устанавливает нормы, обязательные для исполнения, либо отсылает к уже принятым или тем, которые будут приняты. Гражданину или гражданскому служащему просто остается соглашаться с теми условиями, которые ему предлагает Федеральный закон о гражданской службе и иные нормативные правовые акты» [7, с. 64–65].

Занимая аналогичную сугубо отрицательную позицию, А. В. Гусев не признает

позитивную роль контрактного регулирования государственно-служебных отношений. Он утверждает, что содержание служебного контракта в значительно большей степени типизировано. И хотя законодательством о гражданской службе не запрещено предусматривать в контракте дополнительные условия, не ухудшающие положение гражданского служащего, фактическая возможность их применения весьма ограничена. В этом плане вряд ли можно рассчитывать на то, что контракт с его формальным, обезличенным содержанием станет действенным средством стимулирования, повышения результативности профессиональной деятельности служащих» [3, с. 79–80]. «Таким образом, — делает вывод С.Е. Чаннов, — контракт о прохождении государственной службы призван по большей части не определять индивидуальные условия прохождения государственной службы, а зафиксировать факт добровольного двухстороннего волеизъявления о ее прохождении» [12, с. 20].

Частично соглашаясь с таким критическим высказыванием о роли и месте института служебного контракта в регулировании гражданской службы, который в настоящее время действительно не выполняет предписанное ему значение, следует учитывать, что многое зависит не только и не столько от законодателя, не от законодательной регламентации условий служебного контракта, а от сторон этого контракта, от сложившихся в реальности властных отношений на гражданской службе, в которых руководитель государственного органа (представитель нанимателя) может все, так, к примеру, минуя контракт, может установить желаемые для него условия служебной деятельности (в частности, продвинуть или «затормозить» повышение гражданского служащего по службе, представить к награждению или нет, выделить субсидию на приобретение жилья или повременить и т. п.).

Все изложенное позволяет все же отметить некоторые обобщенные позитивные стороны института служебного контракта на гражданской службе:

- во-первых, служебный контракт гарантирует на правовой основе, что гражданский служащий получит соответствующие и конкретные условия служебной деятельности;
- во-вторых, на его основе огромный массив обезличенных норм, регулирующих общие условия прохождения гражданской службы, трансформируется в субъективный фактор и на его основе происходит индивидуализация

правового статуса гражданских служащих; в-третьих, на основе служебного контракта удается отразить особенности структурного положения государственного органа в государственном аппарате, отразить его задачи и функции в государственном управлении; в-четвертых, служебный контракт является (пусть даже относительно формально) элементом либерализации гражданской службы и нового направления в установлении правового статуса гражданских служащих.

- в-пятых, важным нормативным положением, установленным Федеральным законом о гражданской службе, является защищенность гражданского служащего от произвольного изменения условий гражданской службы, в соответствии с которым служебный контракт может быть изменен только по соглашению сторон и в письменной форме. Это условие частично предотвращает произвол в регулировании правового статуса гражданского служащего, попавшего «в немилость» к руководителю государственного органа (представителю нанимателя).

Противоречия в установлении сторон служебного контракта

Одной стороной служебного контракта в соответствии со ст. 23 Федерального закона о гражданской службе является «представитель нанимателя», как правило, руководитель государственного органа, который согласно Федеральному закону о гражданской службе «осуществляет полномочия нанимателя от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации» [4, ст. 1].

Обычно договор заключается непосредственно нанимателем (работодателем или другой стороной), а представитель нанимателя выступает лишь в интересах и (или) от имени нанимателя. Поэтому нанимателем на гражданской службе является государство (т. е. Российская Федерация или субъект Российской Федерации).

Поэтому в понятии служебного контракта, даваемого в ст. 23 Федерального закона о гражданской службе, следует непосредственно указать самого нанимателя. Это связано с тем, что все как позитивные, так негативные последствия гражданской службы для гражданского служащего несет Российская Федерация или субъект Российской Федерации (далее государство), а представитель нанимателя (руководитель государственного органа) является лишь проводником (совершенно верно — «представителем») и никакой личной (прежде всего имущественной)

ответственности перед гражданским служащим не несет. Такую ответственность руководитель государственного руководителя несет перед государством, а государство — перед гражданским служащим. Разумеется, государство (соответствующие государственные структуры) в лице контролирующих и правообеспечивающих органов может привлечь представителя нанимателя (руководителя государственного органа) к дисциплинарной, административной, материальной или уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством. Однако это не означает, что за все негативные последствия гражданской службы ответственность несет руководитель государственного органа (представитель нанимателя).

В научных исследованиях обращается внимание на это несоответствие и противоречие. Обоснованно утверждается, что «права и обязанности в соответствии с заключенным служебным контрактом должны возникать не у представителя, а у представляемого, т.е. у государства» [13], [9]. Так же отмечается не соответствующая практике применения законодательства о гражданской службе то, что «ответственность за неисполнение соответствующих обязанностей также должен

нести не наниматель, а его представитель, что на практике приводит к совершенно абсурдным ситуациям. Например, при незаконном увольнении согласно буквальному толкованию Федерального закона о гражданской службе ответственность должен нести не наниматель, а представитель нанимателя. Т.е. последний должен будет оплатить время вынужденного прогула за счет своих собственных средств» [8, с. 34].

Таким образом, представляется возможным в понятии служебного контракта указать не на представителя нанимателя, (что усложняет определение стороны контракта), а непосредственно на государство как сторону служебного контракта.

Предлагается следующее определение служебного контракта: *служебный контракт гражданского служащего — это соглашение между представителем (руководителем) государственного органа Российской Федерации или субъекта Российской Федерации (нанимателем) и гражданином (гражданским служащим) о поступлении на должность гражданской службы и ее прохождении на условиях, установленных законодательством, локальными актами государственного органа и соглашением сторон.*

1. Гришковец А.А. Проблемы соотношения норм административного и трудового права при регулировании отношений в сфере государственной службы / А.А. Гришковец // Государство и право. 2002. № 12. С. 11–24.
2. Гусев А.В. Роль трудового права в регулировании государственной гражданской службы [Текст] / А.В. Гусев // Трудовое право. 2005. № 3. С. 29–31.
3. Гусев А.В. Служебный контракт на государственной гражданской службе [Текст] / А.В. Гусев // Южно-Уральский юридический вестник. Научно-практический журнал. 2006. № 6. С. 77–80.
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон № 79-ФЗ от 27.07.2004 (в ред. от 28.12.2010) // Российская газета. 2004. 31 июля.
5. О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам на обучение (вместе с «Положением о порядке заключения договора на обучение между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы»): Указ Президента Российской Федерации № 1456 от 21.12.2009 // Российская газета. 2009. 25 декабря.
6. Об основах государственной службы Российской Федерации: Федер. закон № 119-ФЗ от 31.07.1995 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 31. Ст. 2990.
7. Осин А.А. Содержание, форма и особенности заключения служебного контракта [Текст] / А.А. Осин // Трудовое право. 2007. № 5. С. 63–73.
8. Пресняков М.В. Соотношение административного и трудового законодательства в регулировании государственной гражданской службы [Текст] / М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов // Трудовое право. 2005. № 3. С. 32–37.
9. Тихомиров М.Ю. Трудовые договоры, служебные контракты: комментарии и образцы документов [Текст] / М.Ю. Тихомиров. М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2010. 159 с.
10. Трудовое право России [Текст]: учеб. / отв. ред. Ю. П. Орловский, А. Ф. Нуртдинова. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2011. 608 с.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон № 197-ФЗ от 30.12.2001 (в ред. от 29.12.2010) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
12. Чаннов С.Е. Некоторые вопросы отграничения трудового договора от контрактов с государственными и муниципальными служащими [Текст] / С.Е. Чаннов // Трудовое право. 2008. № 2. С. 18–22.
13. Чиканова Л.А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе (Теория и практика) [Текст]: дис. д-ра юрид. наук / Л.А. Чиканова. М., 2005. 312 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 343.2

Е.К. ЖАКСАЛЫКОВ

В юридической литературе неоднозначно решен вопрос о месте статьи 322 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), устанавливающей ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, в системе уголовного закона. Р.И. Идаятов считает, что данная статья должна располагаться в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» [5, с. 11]. Представляется, что это неверный подход, поскольку видовым объектом преступлений, предусмотренных в гл. 29 УК РФ, являются основы конституционного строя и безопасности государства. Основы конституционного строя регламентированы Конституцией Российской Федерации, в них отсутствует указание на порядок пересечения Государственной границы Российской Федерации. Вряд ли по смыслу Основного закона ее незаконное пересечение ставит под угрозу обеспечение целостности и неприкосновенности территории России, предусмотренное п. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации.

Это утверждение справедливо и для угрозы безопасности государства, под которой в научной литературе обычно понимаются условия, создающие опасность для основ конституционного строя, суверенитета, обороноспособности и территориальной целостности государства. Само по себе незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации не создает такой угрозы. Если это деяние совершается с целью совершить на территории России преступление, создающее угрозу основам конституционного строя или безопасности государства, то вред указанным правовым благам причиняется (создается угроза причинения) именно этим преступлением, а не незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации.

Под *непосредственным объектом* преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, большинством специалистов понимается режим Государственной границы Российской Федерации, регламентирующий порядок ее пересечения физическими лицами. Однако в научной литературе имеются иные точки зрения на этот счет, одна из них связана с описанием объекта посягательства с позиции неприкосновенности

государственной границы [2]; по мнению других авторов, объектом исследуемого состава преступления будет являться режим государственной границы вообще [4, с. 907].

Режим Государственной границы Российской Федерации включает различные правила, касающиеся ее содержания, ее пересечения лицами и транспортными средствами, перемещения через Государственную границу Российской Федерации грузов, товаров и животных, ведения на Государственной границе Российской Федерации либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной деятельности и др. (ст. 7 Закона Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации») [3]. В этой связи следует согласиться с точкой зрения М. А. Магеррамова [7, с. 137] о том, что ст. 322 УК РФ не имеет своей целью обеспечить соблюдение всех указанных правил. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с ним, подвергаящим критике мнение о возможности определения непосредственного объекта исследуемого преступления как неприкосновенности государственной границы.

Ряд авторов считают преступление, предусмотренное ст. 322 УК РФ, двубъектным. Так, Р.И. Идаятов полагает, что основным непосредственным объектом указанного преступления — общественные отношения, обеспечивающие охраняемый законом порядок функционирования Государственной границы Российской Федерации; дополнительный непосредственный объект — безопасность личности [5]. Вряд ли можно согласиться с такой позицией, поскольку само по себе незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации не несет в себе априори угрозу безопасности какой-либо личности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, выражается в незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или въезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Вопрос о порядке пересечения Государственной границы Российской Федерации имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. В соответствии со ст. 9 Закона Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730–1 «О Государственной границе Российской Федерации» пересечение Государственной границы физическими лицами на суше осуществляется на путях международного железнодорожного, автомобильного сообщения либо в иных местах, определяемых международными договорами Российской Федерации или решениями Правительства Российской Федерации.

В уголовно-правовом смысле под незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации следует понимать совершенное с нарушением установленных правил фактическое пересечение Государственной границы Российской Федерации любым способом на суше, водоемах и по воздуху без дающих на то право действительных документов или без надлежаще оформленного разрешения.

Обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, является место совершения преступления — Государственная граница Российской Федерации, под которой понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть любой вменяемый гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшее возраста 16 лет.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, характеризуется умыслом. Виновное лицо осознает, что осуществляет незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего документа, и желает этого. В диспозиции ст. 322 УК РФ не содержится прямого указания на то, что преступление может быть совершено только с прямым умыслом, однако вывод об этом следует с необходимостью из описания деяния.

В юридической литературе широко распространение получила точка зрения, в соответствии с которой состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ, признается квалифицированным по отношению к составу преступления, предусмотренного ч. 1 названной статьи. При этом в качестве квалифицирующих указываются следующие признаки:

— совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

совершение преступления с применением насилия или угрозы его применения.

Указанная точка зрения представляется весьма спорной. С одной стороны, в ч. 2 ст. 322 УК РФ было бы логично перечислить квалифицирующие признаки деяния, предусмотренного в ч. 1 названной статьи. Тем более, что такие признаки, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или угрозы его применения, традиционно используются законодателем в качестве квалифицирующих признаков (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ и др.).

С другой стороны, следует обратить пристальное внимание на юридическую технику, используемую законодателем при формулировании квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений. В подавляющем большинстве статей используется следующий прием: «то же деяние, совершенное...» (ст. 141, 175, 234 УК РФ и др.) или «то же деяние, повлекшее...» (ст. 124, 236 УК РФ и др.). В данном случае законодатель не указывает признаки основного состава преступления, а ограничивается ссылкой на термин «незаконное пересечение Государственной границы РФ».

Второй распространенный прием формулирования квалифицированного состава преступления заключается в том, что в ч. 1 статьи при изложении признаков основного состава преступления законодатель дает определение понятия. Например, «убийство, то есть...», «кража, то есть...», «мошенничество, то есть...» и т.д. Затем, при формулировании квалифицированного или особо квалифицированного состава указывается деяние, которому уже дано определение, и его квалифицирующие признаки («убийство...» (ч. 2 ст. 105 УК РФ), «кража, совершенная...» (ч. 2–4 ст. 158 УК РФ), «мошенничество, совершенное...» (ч. 2–4 ст. 159 УК РФ).

Вернемся к ст. 322 УК РФ. В ч. 1 названной статьи не содержится какой-либо дефиниции, в противном случае законодатель сформулировал бы норму так: «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, то есть...». В этой связи, обратившись к диспозиции ч. 2 ст. 322 УК РФ («Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, совершенное...»), вряд ли можно утверждать, что это квалифицированный состав преступления.

Исходя из способа изложения ч. 1 ст. 322 УК РФ, в соответствии с общепринятыми

юридико-техническими нормами, квалифицированный состав должен был быть сформулирован следующим образом: «то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или угрозы его применения».

Вышеизложенные доводы дают основание полагать, что в ч. 2 ст. 322 УК РФ приведен не квалифицированный, а иной состав преступления, который включает в себя любое незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. При этом незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации должно восприниматься в широком смысле, в отличие от части 1 ст. 322 УК РФ. Так, наличие действительных документов, дающих на право на въезд в Российскую Федерацию или выезд из нее, и надлежащего разрешения исключает уголовную ответственность по ч. 1 ст. 322 УК РФ. Однако если незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации при наличии действительных документов, дающих на право на въезд в Российскую Федерацию или выезд из нее, и надлежащего разрешения совершается группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения, то такое деяние подлежит квалификации по ч. 2 ст. 322 УК РФ.

Совершение незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации группой лиц по предварительному сговору имеет место тогда, когда такое пересечение осуществляется несколькими лицами, заранее договорившимися о совместном незаконном пересечении Государственной границы. Преступление совершается организованной группой, когда в нем участвует устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Усиление уголовной ответственности за такие преступления представляется оправданным, поскольку, как отмечалось ранее, опасность преступности мигрантов заключается в ее групповом характере. Так, приговором Верховного Суда Республики Тыва Т. и Д. были осуждены за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 322 и п. «а» и «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Судом установлено, что граждане России Т. и Д. заранее договорились о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и Республики Монголия с целью кражи скота на территории Монголии. С этой целью они вдвоем на лошадях без действительных документов на право въезда и выезда из Российской Федерации въехали на территорию Монголии, где совершили

кражу лошадей и вернулись обратно на территорию России [1].

При незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации, совершении преступления с применением насилия или угрозы его применения объект преступления приобретает более сложную структуру: наравне с основным непосредственным объектом (коим является непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ), появляется дополнительный непосредственный объект – жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность и психическая безопасность лиц, к которым применяется насилие или угроза.

Обычно в уголовном праве насилие подразделяется на не опасное и опасное для жизни или здоровья потерпевшего. Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, обычно понимаются побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) [7].

Интерес представляют случаи незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации, совершенные с применением насилия или угрозой его применения к представителю власти (например, осуществляющему пограничный контроль). Здесь возникает некая конкуренция общих и специальных норм: какая из норм (ст. 318 (ст. 317) или ч. 2 ст. 322 УК РФ) является специальной по отношению к другой норме. С одной стороны, по статусу потерпевшего ст. 317 и 318 УК РФ являются специальными нормами, с другой стороны, по месту совершения преступления и обстановке специальной нормой будет ч. 2 ст. 322 УК РФ.

Разрешая эту конкуренцию, обратимся к санкциям рассматриваемых статей. Поскольку в ч. 2 ст. 322 в отличие от ст. 318 УК РФ не проводится разделение в зависимости от вида применяемого насилия, то сравнение санкций норм значительно затрудняется. Так, санкция ч. 2 ст. 322 УК РФ, строже, чем санкция ч. 1 ст. 318 УК РФ, и мягче, чем санкции ч. 2 указанной статьи и ст. 317 УК РФ.

Поэтому при квалификации содеянного необходимо подходить дифференцированно в зависимости от вида примененного насилия. В случае незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации, совершенного с угрозой применения насилия или с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти или его близких, деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 322 УК РФ.

В случае незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации,

совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья указанных лиц, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 322 ч. 2 ст. 318 УК РФ.

Если незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации сопряжено с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, то в соответствии с общепринятой теорией уголовного права и судебной практикой деяние должно квалифицироваться по совокупности ст. 317 и ч. 2 ст. 322 УК РФ [5]. Такой подход достаточно уязвим, поскольку при квалификации по совокупности факт применения насилия учитывается дважды, однако в современных реалиях это единственный путь решения проблемы, при котором виновный может понести справедливое наказание.

Анализ статьи 322 УК РФ позволяет заключить, что ее действующая редакция представляется не совсем удачной и требует внесения изменений. Так, буквальное толкование ее содержания позволяет привлекать к уголовной ответственности как лицо, не имеющее права на пересечение Государственной границы в силу отсутствия соответствующих документов или разрешения, так и лицо, которое не имеет при себе указанных документов, хотя фактически он их получил. Например, иностранное лицо имеет визу, разрешающую ему въезд в Российскую Федерацию, однако пересекает Государственную границу Российской Федерации, не имея ее при себе.

Преступным по ч. 1 ст. 322 УК РФ, думается, следует признать незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации лицом, не имеющим надлежащего разрешения на ее пересечение, усилив при этом

санкцию за совершение указанного деяния, установив максимальное наказание за его лишение свободы на срок до трех лет. В соответствии с изменениями, внесенными в ст. 15 УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», преступления, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, являются преступлениями небольшой тяжести.

Совсем иное положение имеет иностраный гражданин или лицо без гражданства, которому на законных основаниях официально не разрешен въезд в Российскую Федерацию.

Из содержания приведенных норм становится очевидным, что незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации лицом, которому не разрешен или запрещен въезд в Россию или выезд из нее, значительно повышает общественную опасность деяния в сравнении пересечением границы без надлежащего разрешения. Полагаем, что рассматриваемое противоправное деяние должно быть квалифицированным составом преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ (ч. 2). При этом санкция за это преступление должна предусматривать наказание до 5 лет лишения свободы.

В ч. 3 ст. 322 УК РФ целесообразно предусмотреть уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой или второй ст. 322 УК РФ, если они совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения. При этом санкция за это преступление должна предусматривать наказание до 10 лет лишения свободы.

1. Архив Верховного Суда Республики Тыва (приговор в отношении Тумат О.Ч. и Дембирел К.Д. от 19.05.2011) // Документ опубликован не был.
2. Бриллиантов А.В. ст. 322. Незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации [Текст] / А.В. Бриллиантов. URL: <http://www.all-books.biz/ugolovnoe-pravo-ucheb> (дата обращения: 09.07.2012).
3. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594 // Российская газета.
4. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М., 2002. С. 907.
5. Идаятов Р.И. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (уголовно-правовые и криминологические проблемы) [Текст] / Р.И. Идаятов: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11.
6. Магеррамов М.А. Нелегальная миграция: понятие, общественная опасность, уголовно-правовое и криминологическое противодействие [Текст] / М.А. Магеррамов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 137.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // ВС РФ. 2003. № 2. С. 5. п. 21.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 343.12

Н.М. БУКАЕВ, Е.И. ВЛАСЮК

Важным условием реализации назначения уголовного судопроизводства является взаимодействие следователя в ходе предварительного расследования с органами внутренних дел, которое, по мнению В.В. Вандышева, обуславливается общностью стоящих целей и задач и специфичностью применяемых сил, средств и методов в борьбе с преступностью, а также самостоятельностью следователя [3, с. 170].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что несогласованность между следователем и различными подразделениями и службами органов внутренних дел, неурегулированность их взаимодействия на уровне уголовно-процессуального закона отражается на процессе производства по уголовному делу.

При рассмотрении процессуальных форм взаимодействия следователя с органами внутренних дел мы будем исходить из того, что под взаимодействием, как справедливо отмечает В.А. Михайлов, следует понимать одновременное (разовое) или достаточно продолжительное (длительное по времени) объединение сил, средств и методов для достижения задач выявления, быстрого и полного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, изобличения виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден [7, с. 18].

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ органы внутренних дел РФ и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции отнесены к органу дознания, на который возлагаются осуществление предусмотренных УПК РФ полномочий, что является фундаментом и исходной предпосылкой их взаимодействия со следователем.

Исходя из процессуальной самостоятельности, при взаимодействии с органами внутренних дел следователю принадлежит руководящая роль. Он вправе давать им обязательные для исполнения поручения и требовать от них содействия. При этом процессуальное взаимодействие следователя с органами внутренних дел может осуществляться только

на основе положений уголовно-процессуального закона, предопределяется их процессуальным положением и имеет различные формы.

Следует отметить, что понятие форм взаимодействия нередко смешивается с понятием его способов. Полагаем, при определении понятия формы взаимодействия следует исходить из понимания формы как связи и способа взаимодействия частей и элементов предмета и явления. Такой подход позволяет рассмотреть формы взаимодействия как способ организации и осуществления взаимодействующими органами совместной деятельности по решению стоящих перед ними задач. При этом формы организации взаимодействия показывают, каким образом одна сторона побуждает другую сторону к выполнению тех действий, которые необходимы для нее. Формы осуществления взаимодействия показывают, каким образом его участники решают стоящие перед ними задачи.

Таким образом, можно сделать вывод, что форма взаимодействия представляет собой вид связи между участниками взаимодействия и те средства, с помощью которых достигается согласованность в их деятельности. Взаимодействие следователя с органами внутренних дел осуществляется в определенных формах. Они могут быть процессуальными и непроцессуальными. И.Ф. Герасимов называет процессуальные формы основными формами взаимодействия органов следствия и дознания, так как они придают взаимодействию правовой характер. Однако они неизбежно порождают различные организационные и тактические связи и взаимоотношения, которые по своему назначению способствуют более рациональному и эффективному практическому использованию процессуальных форм. Поэтому можно считать, что организационно- тактические формы взаимодействия выполняют вспомогательную роль по отношению к процессуальным [4, с. 145]. В криминалистической и процессуальной литературе имеется несколько работ, авторы которых не выделяют отдельно непроцессуальные формы и рассматривают их вместе с процессуальными [8, с. 143]. По этому поводу И.Ф. Герасимов отметил, что «не совсем

верно уравнивать формы взаимодействия, предусмотренные законом, с формами, возникающими и сложившимися в практической деятельности, но не регулируемые нормами права» [4, с. 133]. А. Н. Балашов, аналогично И. Ф. Герасимову, в качестве основания деления форм взаимодействия следователя и органа дознания на процессуальные и непроцессуальные, рассматривает закрепление их нормами уголовно-процессуального закона. По его мнению, если в результате согласованной деятельности выполняются действия, порядок которых регламентирован процессуальными нормами, то такая форма взаимодействия является процессуальной. Если кем-либо из субъектов взаимодействия выполняются непроцессуальные действия, эту форму взаимодействия следует отнести к организационным [1, с. 31].

По нашему мнению, процессуальной формой взаимодействия следователя с органами внутренних дел является вид связи между участниками взаимодействия, закрепленный в УПК РФ. Нарушение процессуальных форм взаимодействия может привести к признанию доказательств недопустимыми, которые не будут иметь юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Процессуальное взаимодействие следователя в ходе предварительного расследования с органами внутренних дел представляет совместную согласованную деятельность следователя и их должностных лиц, направленную на успешное проведение процессуального действия под руководством следователя, принявшего дело к своему производству, при неукоснительном соблюдении установленного законом процессуального порядка расследования дела и обеспечении прав и законных интересов участников процесса.

А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский пишут, что основной процессуальной формой взаимодействия является поручение следователя (или отдельное поручение), под которым понимается письменное обращение к другому органу расследования с предписанием о производстве процессуальных или розыскных действий в связи с расследуемым уголовным делом [9, с. 120].

Анализируя рассматриваемую процессуальную форму взаимодействия, отметим, что в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ законодатель указывает виды письменных поручений следователя, которые он может давать органу дознания. К таким поручениям, в частности, относятся:

о проведении оперативно-розыскных мероприятий; о производстве отдельных следственных действий; об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получении содействия при их осуществлении.

Относительно исполнения постановлений, по этому поводу А. П. Кругликов высказывает справедливое замечание. В названном пункте, пишет автор, говорится, что следователь может поручить органу дознания исполнение постановлений об аресте, но не объяснено, что же следует понимать под арестом. В УПК РСФСР 1960 года в п. 16 ст. 34 содержалось понятие ареста: «Арест — заключение под стражу в качестве меры пресечения». В УПК РФ аналогичное понятие отсутствует. В то же время в УПК РФ есть положения, относящиеся к домашнему аресту (ст. 107), к наложению ареста на имущество (ст. 115), к наложению ареста на ценные бумаги (ст. 116) и др. [6, с. 180–181]. Полагаем, такая неопределенность формулировки на практике может привести к нарушениям процессуальных прав граждан.

В. М. Усынин, рассуждая о процессуальных формах взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, делает вывод, что важнейшей формой взаимодействия по уголовным делам выступает следственная группа, деятельность которой должна быть обеспечена оперативным сопровождением в течение всего процесса производства по уголовному делу [10, с. 6].

Однако Е. С. Безруких следственно-оперативную группу рассматривает как основную организационную форму взаимодействия, а к процессуальным она относит такие формы взаимодействия, как:

– совместное рассмотрение следователем и сотрудником оперативного подразделения материалов проверки заявлений и сообщений о готовящихся и совершенных преступлениях в целях решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ;

– принятие органом дознания розыскных и оперативно-розыскных мер по делам, переданным следователю до установления лица, совершившего преступление (ч. 4 ст. 157 УПК РФ);

– выполнение органом дознания поручений и указаний следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

– осуществление органом дознания по мотивированному постановлению следователя привода свидетеля, потерпевшего,

подозреваемого и обвиняемого (ч. 1 ст. 113 УПК РФ);

– принятие органом дознания по приостановленному уголовному делу оперативно-розыскных мер для установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ);

– розыск лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ);

– выполнение органом дознания отдельных поручений следователя в случае производства следственных или розыскных действий в другом районе (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) и др. [2, с. 36–61].

Считаем необходимым заметить, что предлагаемые процессуальные формы взаимодействия следователя с органами внутренних дел не всеми учеными-процессуалистами воспринимается однозначно. Так, в частности, Л. С. Каплан утверждает, что до возбуждения уголовного дела или до принятия его к своему производству конкретным следователем не является юридическим фактом возникновение той или иной процессуальной формы взаимодействия, так как взаимодействие предполагает сотрудничество между конкретным следователем и оперативным сотрудником, а зачастую последний, возбуждив уголовное дело, не знает, к какому следователю оно потом попадет в производство. Следователи же в ходе производства предварительного следствия достаточно часто не нуждаются в помощи сотрудников оперативных подразделений [5, с. 40–41].

Как представляется, с данным мнением нельзя согласиться, поскольку согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ орган дознания, следователь

осуществляет процессуальную деятельность по проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. При проверке сообщения о преступлении следователь вправе давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ норм УПК РФ показал, что к процессуальным формам взаимодействия следователя и органа внутренних дел относятся следующие:

– принятие, проверка сообщения о преступлении;

– представление оперативными подразделениями следователю результатов ОРД;

– выполнение письменных поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий;

– содействие следователю в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке, а также сохранении предметов и следов преступления, отборе сравнительных и контрольных образцов;

– розыск лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что следователь сам определяет процессуальную форму, характер и пределы предполагаемого взаимодействия с органами внутренних дел в ходе предварительного расследования. Основанное на строгом соблюдении закона взаимодействие следователя и органов внутренних дел является необходимым условием повышения эффективности предварительного расследования.

1. Балашов А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973.
2. Безруких Е.С. Особенности взаимодействия следователя и оперативного работника на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков [Текст] / Е.С. Безруких: дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.
3. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов [Текст] / В.В. Вандышев. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с. / СПС «КонсультантПлюс».
4. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.
5. Каплан Л.С. Взаимодействие следователя с органами дознания : дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2000.
6. Кругликов А.П. Исполнение органом дознания постановлений следователя – форма их взаимодействия [Текст] / А.П. Кругликов // Успехи современного естествознания. 2010. № 3. С. 180–181.
7. Михайлов, В.А. Основы организации раскрытия и расследования преступлений [Текст] / В.А. Михайлов // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: сб. материал. всерос. науч.-практич. конф. в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 1.
8. Онищук З.М. Следователь в советском уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1964.
9. Смирнов А.В., Калининский К.Б. Уголовный процесс: учебник [Текст] / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Усынин В.М. Процессуальные формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного процесса [Текст] / В.М. Усынин. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

УДК 331.101.3

В.Н. БЕЛКИН, Н.А. БЕЛКИНА, О.А. АНТОНОВА, И.В. БОЧКАЕВА

Обеспечение устойчивого экономического роста является приоритетной задачей современной экономической политики. В принятой стратегии развития России до 2020 года практически все внимание сконцентрировано на решении трех ключевых проблем: создание равных возможностей для людей; формирование мотивации к инновационному поведению; радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда.

Центральной фигурой при решении данных проблем является человек. Ученые уже давно используют понятие «человеческий капитал» в исследованиях коммерческих организаций. Но кроме знаний, опыта, образования работников в настоящее время для процветания и конкурентоспособности организаций необходимо учитывать способность работников создавать социальные общности, открытые к разнообразию инфраструктур общения и доверия, внутри которых формируется социальный капитал организации, способствующий увеличению добавленной стоимости.

Поведение работника организации формируется не только под воздействием личного интереса, но и моральных и нравственных ограничений, эмоций, обязательств и ожиданий, доверия, знаний. От того как работники взаимодействуют между собой, умеют ли работать в команде, могут ли доверять партнерам и коллегам, зависит не только количество, но и качество обмена знаниями, опыт, что способствует конкурентоспособности и успеху организации. В связи с этим в центре внимания многих организаций оказались проблемы социальных взаимоотношений их работников.

Понимание роли социального капитала в социально-экономической эффективности деятельности организации пришло не так давно. Однако, несмотря на всевозрастающее значение социального капитала организации, анализ экономической литературы показывает, что не исследованы и не решены многие фундаментальные теоретические проблемы социального капитала.

До сих пор считается дискуссионным само понятие «социальный капитал».

Объясняется это не только тем, что сравнительно недавно исследуется это явление, но и тем, что подходы к нему неизбежно оказываются разными в связи с тем, что социальный капитал стал предметом разных наук — социологии, психологии, политологии, экономической теории.

Анализ определений понятия «социальный капитал организации» показал, что предлагаемые в литературных источниках понятия носят в основном психологический или социологический характер. Например, социальный капитал как «естественно возникающие отношения между людьми» [6, с. 29]; социальный капитал есть «ценности и убеждения, разделяемые гражданами, которыми они руководствуются в повседневной жизни и на основе которых устанавливаются правила поведения» [9, с. 43]; «социальный капитал — система неформальных правил и механизмов, действующих внутри определенной группы людей или даже внутри целой страны» [3, 5, 8].

Многочисленность определений социального капитала показывает, что для различных ученых и наук это понятие означает разные явления. При определении понятия социального капитала одни ученые выделяют виды социального капитала [2, с. 97, с. 27], другие — свойства или источники формирования социального капитала [4, с. 26]. Кроме того, одни ученые больше внимания уделяют внутренним связям социальной группы, другие — внешним, третьи — обоим видам социальных связей.

Чтобы дать экономическое определение социальному капиталу, обратимся к понятию «капитал». Несмотря на множество его определений, все-таки всегда выделяется главное свойство капитала — приносить доход. Иначе говоря, критерием капитала является получение дохода. Исходя из этого, можно утверждать, что далеко не все социальные отношения являются социальным капиталом, а только те, что приносят доход.

В основе формирования социального капитала организации лежат социальные отношения работников. Объективной основой социальных отношений являются трудовые отношения работников и коллективов структурных подразделений организации.

Именно кооперация труда обеспечивает социальные контакты работников. Работник, не включенный в сеть трудовых отношений, выбывает из сети социальных отношений, что происходит при его увольнении.

Ежедневная работа бок о бок позволяет обмениваться работникам разнообразной информацией, опытом работы. Именно внутри таких коллективов возможно наращивание социального капитала, если отношения членов группы строятся на основе доверия, взаимопонимания, доброжелательности, соблюдения неформальных и формальных норм, традиций, нравственных и духовных ценностей.

От совпадения или несовпадения ценностей и интересов социально-профессиональных групп персонала организации зависит характер социальных отношений между работниками. Но до тех пор, пока данные отношения не приносят экономической выгоды (дохода), они являются только экономическим потенциалом социальных сетей организации. Социальный капитал представляет собой лишь ту часть

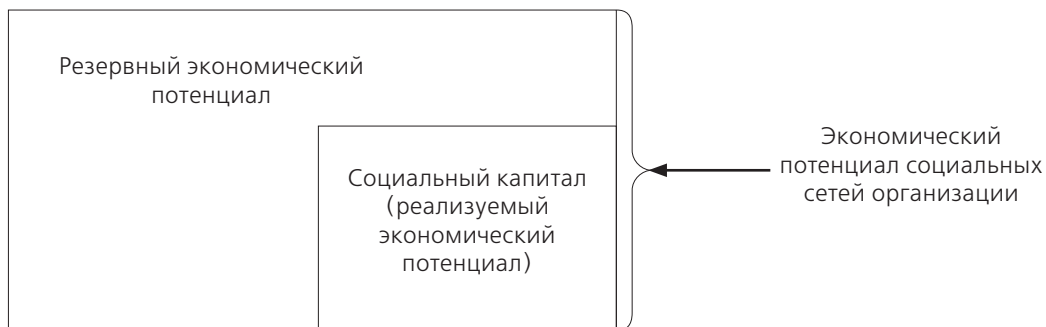
экономического потенциала сети социальных отношений в организации, которая увеличивает эффективность труда, порождает дополнительный доход в виде добавленной стоимости.

Та часть социальных отношений, которая входит в экономический потенциал, но не входит в социальный капитал, является резервами экономического потенциала социальных сетей организации. С экономической точки зрения данное понятие необходимо для соотношения части экономического потенциала социальных сетей, которая используется и трансформируется в социальный капитал, и той части, которая по каким-либо причинам не используется. Это необходимо, чтобы проанализировать эти причины и вовлечь резервный экономический потенциал социальных сетей в трудовую деятельность.

Соотношение понятий «социальный капитал», «экономический потенциал социальных сетей», «резервный экономический потенциал социальных сетей» представлено на рис. 1

Рисунок 1

Структура экономического потенциала социальных сетей организации

В связи с вышеизложенным мы считаем целесообразным ввести в научный оборот авторское определение понятия «социальный капитал организации». Социальный капитал организации — это реализуемый экономический потенциал социальных сетей, увеличивающий добавленную стоимость организации. Ввод данного понятия в теорию социального капитала позволяет определить связь экономического потенциала социальных сетей с социальным капиталом и установить критерий превращения потенциала в капитал, четко разделить потенциал социальных сетей, то есть то, что может приносить доход, и социальный капитал — то, что

приносит доход. К капиталу относится исключительно то, что приносит доход.

Анализ литературных источников по теории социального капитала показывает, что внимание исследователей приковано к определению понятия «социальный капитал», его содержанию, масштабам функционирования и так далее. Ученые сосредоточили свои усилия в основном на выявлении сущности социального капитала общества, семьи, группы людей и так далее. Главная сфера действия всех видов капитала — организация — лишь упоминается вскользь. Обращает на себя внимание также отсутствие экономического подхода к социальному

капиталу. Даже в тех работах, где упоминаются организации, социальный капитал рассматривается изолированно от их социально-экономических систем, от системы экономических трудовых отношений. В связи с этим остаются многие открытые вопросы, имеющие принципиальный характер. Среди них: все ли социальные контакты в группе, коллективе, обществе являются социальным капиталом? Если социальные сети признаются капиталом, то возникает вопрос: каков механизм влияния социального капитала на создание добавленной стоимости? Почему исследуются в основном социальные сети в обществе, семье, группе, в то время как добавленная стоимость создается только при производстве товаров и услуг? Иначе говоря, почему внимание исследователей не приковано прежде всего к организациям, предприятиям? В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы.

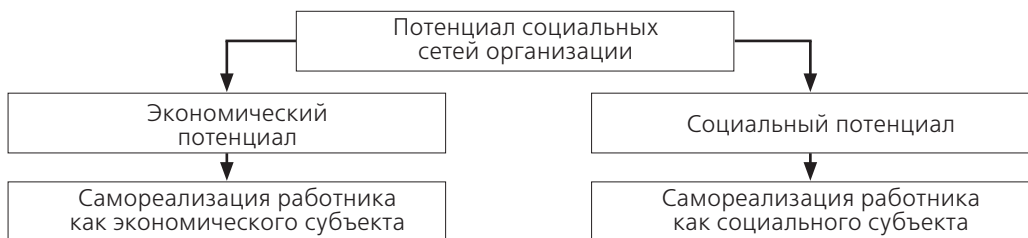
Изначально необходимо определить, что такое социальные сети и каким образом их потенциал влияет на социальный капитал. Сеть социальных отношений внутри организации весьма сложна и многообразна. В них вступают индивидуумы (работники) — это вполне конкретные люди: мужчины и женщины, молодые и старые, опытные и неопытные, имеющие разные цели в жизни, разный уровень образования, разные нравственные ценности, характеры и т.д. Вступают они в отношения не только по поводу труда, но и в отношения любви, дружбы, взаимопомощи, зависти и т.д. Социальные отношения складываются между работниками, занимающимися спортом, туризмом, охотой, рыбалкой, разными видами художественной самодетельности, искусством. В них вступают работники во время корпоративных мероприятий, праздников и т.д.

В социальных сетях сконцентрированы осознанные и неосознанные, необходимые и случайные, устойчивые и спонтанные

межличностные контакты людей, обусловленные человеческой деятельностью, не обязательно трудовой. Кроме того, социальные сети включают совокупность отношений и взаимодействий, которые могут способствовать совместной деятельности работников и коллективов, не обязательно связанной с работой в организации [1]. Социальная сеть организации — это система социальных отношений работников, основанная на взаимно разделяемых социальных ценностях, нормах, доверии, обязательствах.

В содержание потенциала социальных сетей мы включаем возможности социальных связей к формированию отношений доверия, солидарности, готовности к кооперации и поддержке, умению общаться в группе, команде. Потенциал социальных сетей организации также включает уровень развития коммуникаций, навыков эффективного взаимодействия работников, что дает возможность быстро и эффективно координировать деятельность людей, мобилизовывать их на достижение целей, обеспечивая оперативность передачи информации. С экономической позиции реализация данного потенциала в организации может позволить снизить частоту проявлений отклоняющегося поведения, случаев нарушения трудовой дисциплины, недобросовестного отношения к труду, упрощает текущий внешний контроль за персоналом, что снижает транзакционные издержки, увеличивает производительность труда, человеческий капитал, что в свою очередь положительно влияет на производство добавленной стоимости организации. Следовательно, потенциал социальных сетей можно разделить на экономический, который может способствовать увеличению добавленной стоимости и самореализации человека как экономического субъекта, и социальный потенциал, который может способствовать самореализации работника как человека социального (рис. 2).

Рисунок 2
Виды потенциала социальных сетей организации

Экономический потенциал социальных сетей — это способность системы социальных отношений работников влиять на производство добавленной стоимости организации. Социальные отношения между работниками организации, которые знают друг друга, свободно общаются между собой независимо от статуса, должности, профессии на основе доверия, солидарности, выступают факторами экономического развития и повышения конкурентоспособности организации.

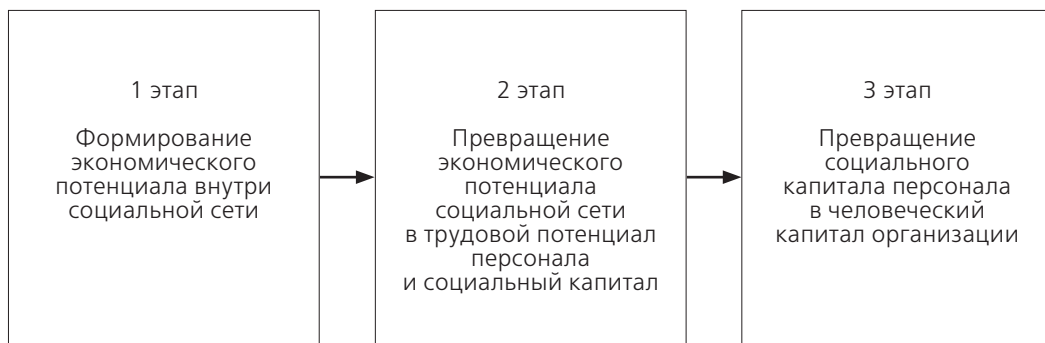
Основой наращивания социального капитала является совпадение экономических интересов персонала и организации. Это тот фундамент, на котором формируется экономический потенциал социальных сетей организации. Реализация данного потенциала

направлена на увеличение человеческого капитала.

Так как социальный капитал формируется благодаря социальным отношениям работников, то чем разнообразнее и интенсивнее социальные отношения, тем больше экономический потенциал социальных сетей, который можно реализовать. Интенсивные и постоянные социальные отношения позволяют работнику получать новые знания о работе, режиме труда, трудовых приемах и т.д., что повышает его профессиональный уровень, делает его работу более продуктивной. Таким путем социальный капитал конвертируется в человеческий капитал работника.

Рассмотрим более подробно, каким образом социальные сети могут повлиять на формирование человеческого капитала (рис. 3).

Рисунок 3
Механизм влияния социального капитала на человеческий капитал

1 этап — формирование экономического потенциала внутри социальной сети. В социальной сети происходит накопление такой информации, которая может быть использована работниками в труде.

2 этап — превращение части экономического потенциала социальной сети в трудовой потенциал работника и социальный капитал. На данном этапе происходит обмен экономически ценной информацией между работниками, что приводит к повышению трудового потенциала организации, его реализация образует социальный капитал.

3 этап — превращение социального капитала персонала в человеческий капитал. Повышение профессиональных знаний, трудовых навыков, улучшение отношения к труду увеличивают человеческий капитал персонала организации.

Теория человеческого капитала рассматривает работников как активы организации и показывает, что вложение в них средств приносит организации доход — добавленную

стоимость. Следовательно, экономический потенциал социальных сетей становится социальным капиталом только в том случае, если он приводит к росту добавленной стоимости. Используя выше описанный механизм влияния социального капитала на человеческий капитал, определим механизм влияния социального капитала на добавленную стоимость.

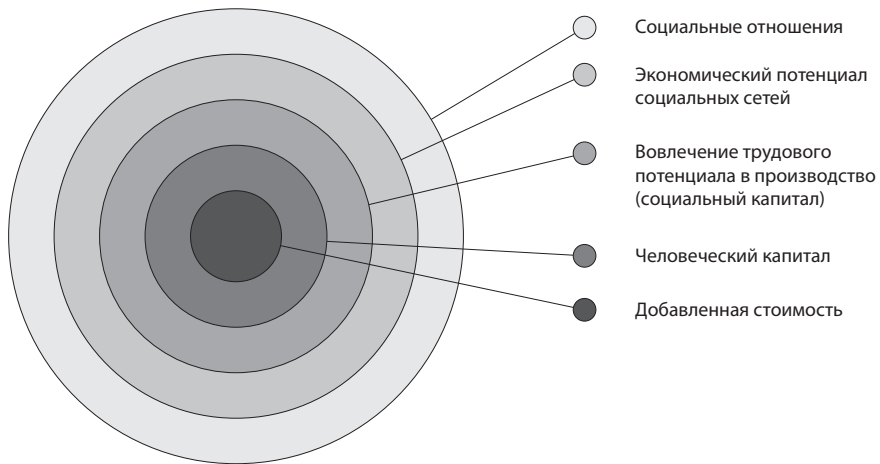
Социальные отношения работников → экономический потенциал социальных сетей → информация, увеличивающая трудовой потенциал персонала → вовлечение добавленного трудового потенциала в процесс труда (социальный капитал) → увеличение человеческого капитала → прирост добавленной стоимости. Так функционирует социальный капитал (рис. 4).

Еще одним источником влияния социального капитала на добавленную стоимость является доверие. Доверие является продуктом тех моральных норм и ценностей, которые сложились и функционируют

в социальной сети с учетом культурной специфики в организации. Понятие доверия включает такие качественные показатели как надежность, ответственность, предсказуемость, справедливость, соответствие устремлений результату прилагаемых усилий, уверенность в том, что действия экономических субъектов будут осуществляться в рамках разделяемой корпоративной культуры. Доверие выступает в качестве фактора социального капитала не как экономическое

явление, оно описывает психологическое состояние человека и те действия, которые основаны на этом состоянии. Но экономическую науку интересует не само по себе доверие, а влияние его на экономическое поведение работника. К доверию применимо определение фактора – «причина, движущая сила, ресурс какого-либо процесса, явление, определяющее характер или отдельные черты этого процесса» [4, с. 229].

Рисунок 4
Механизм влияния социального капитала на человеческий капитал и добавленную стоимость

Результатом формирования доверия внутри социальных сетей становятся эффективные отношения, которые отличаются следующими характеристиками:

- осведомленность о том, какими знаниями владеют люди, к которым можно обратиться с вопросами (знание);
- возможность своевременно получить доступ к этому работнику (доступность);
- желание носителя знаний принять участие в решении проблемы, а не просто «загрузить информацией» (участие);
- свобода взаимоотношений, способствующая обучению и творчеству (свобода).

Высокий уровень доверия позволяет возникать самым разнообразным типам социальных контактов, и это способствует созданию и внедрению новых форм организации трудовых отношений. И наоборот, работники, не доверяющие друг другу, смогут сотрудничать лишь в рамках формальных правил и регламентаций, требующих контролирующего аппарата. Другими словами, недоверие налагает на экономическую

деятельность организации что-то вроде дополнительной пошлины в виде транзакционных издержек – затрат, связанных с подготовкой и заключением соглашений, а также обеспечением их соблюдения.

Современным способом преодоления оппортунизма и информационной асимметрии могут быть социальные сети, которые благодаря развитию социальных отношений и доверия способствуют уменьшению транзакционных издержек, облегчая доступ к информации и ресурсам, снижая расходы на контроль, позволяя получить от коллег и партнеров дополнительные услуги. Тем самым повышается эффективность и конкурентоспособность организации за счет снижения издержек и роста добавленной стоимости. Доверие в организации – это нравственная составляющая социальных отношений субъектов организации, способствующая росту добавленной стоимости.

Следовательно, механизм влияния доверия, как фактора социального капитала, на рост добавленной стоимости следующий:

социальные отношения работников → доверие между работниками → доступ к информации и снижение оппортунизма → снижение транзакционных издержек (социальный капитал) → прирост добавленной стоимости.

Таким образом, социальный капитал организации становится экономическим явлением только в том случае, если экономический потенциал социальных сетей аорганизации целесообразно используется в трудовой деятельности, увеличивая человеческий капитал и снижая транзакционные издержки, способствуя росту производительности труда и эффективности производства, тем самым увеличивая добавленную стоимость организации.

Причем важно заметить, что социальный капитал приносит доход не немедленно. Это не новый станок или инструмент. Социальный капитал «работает» опосредованно через сознательные «действия» работников. Так, информация, полученная в социальных контактах об эффективности нового внутрисменного режима труда и отдыха, станет социальным капиталом лишь при внедрении этого режима на практике и получении в результате этого дополнительного дохода.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что социальный капитал — это явление, глубокое изучение которого позволяет лучше определить факторы, увеличивающие трудовой потенциал работников, их инновационную и трудовую активность, что приводит к росту эффективности труда персонала и добавленной стоимости организации.

Одним из способов изучения социального капитала является проведение систематических социологических опросов в организациях по определению экономического потенциала социальных сетей, развитию социальной среды организации. С помощью таких опросов можно проводить комплексные исследования и выявлять проблемы, тормозящие наращивание социального капитала. Насколько это сложный и многогранный процесс, мы рассмотрели на опыте работы трех организаций: ОАО «Шадринский автоагрегатный завод», ОАО «Уралэлектромедь», ООО «Ойлпамп Сервис».

Каждая из организаций отличается проведением социальноориентированной экономической политики. Большое внимание уделяется созданию благоприятных условий труда и отдыха работников, заботе о ветеранах и детях, развитию культуры и спорта. Например, на ОАО «ШААЗ» созданы условия

для обучения и повышения квалификации на базе учебного центра. Успешно работают Совет ветеранов, Союз молодежи, Совет мастеров. Каждый работник завода имеет возможность взять ссуду на свое обучение или обучение ребенка, оформить кредит, вступить в кассу взаимопомощи.

Используя результаты социологических исследований в данных организациях, мы построили модель социальных сетей данной организации, которую можно использовать для более глубокого анализа наличия и реализации потенциала социальных сетей организации. В нашем понимании модель социальных сетей организации отражает сложившуюся социальную атмосферу в коллективе организации благодаря социальным сетям, корпоративной культуре, стилю управления и так далее, которая может обеспечивать или тормозить развитие социального и человеческого капитала.

Мы выделили условно три подсистемы, которые, на наш взгляд, наиболее точно отражают наличие и характер социальных отношений внутри организации и могут повлиять на экономические результаты организации: приверженность и идентификация с организацией, социальная мотивация труда, социально-психологический климат в коллективе. Если работники в полной мере информированы о положении дел в организации, о перспективах решения значимых для них проблем, видят единство собственных целей и целей организации, гордятся работой в данной организации, считают справедливой оценку своего труда со стороны предприятия, то формируется более высокий уровень уважения к себе и доверия к другим, увеличивается количество социальных взаимодействий.

Каждую из подсистем характеризуют семь наиболее подходящих, на наш взгляд, параметров.

Подсистема 1. Приверженность и идентификация с организацией.

1. Труд в организации считается престижным.

2. Работники испытывают чувство гордости за работу в организации.

3. В сознании возникают позитивные эмоции, когда работники думают об организации.

4. Работники с интересом относятся к своей работе.

5. Работникам свойственен фирменный патриотизм (отношение приверженности к организации как к дому, семье).

6. На работу работники идут с хорошим настроением, ожидают получить удовлетворение от работы.

7. Работник чувствует себя важным действующим лицом в организации

Подсистема 2. Социальная мотивация труда.

8. Организация предоставляет работникам достаточные социальные льготы.

9. Повышается трудовая дисциплина в организации.

10. Организация предоставляет возможность работникам заниматься спортом, лечением, отдыхом.

11. Организация постоянно проявляет заботу о молодых работниках.

12. Организация проявляет заботу о работниках предпенсионного возраста и вышедших на пенсию ветеранах труда.

13. Организация заинтересована в улучшении условий труда работников.

14. Организация заинтересована в повышении квалификации работников

Подсистема 3. Социально-психологический климат.

15. Социально-психологическая атмосфера в коллективе настраивает работников на эффективный труд, проявление инициативы.

16. Работники удовлетворены взаимоотношениями с непосредственным руководителем.

17. В коллективе имеются отношения доброжелательности, взаимопомощи.

18. Можно открыто высказывать свое мнение в присутствии руководителя, если оно не совпадает с его мнением.

19. Соблюдаются нравственные принципы в отношении коллег.

20. Неформальная, позитивная атмосфера на корпоративных праздниках.

21. Не бывает ситуаций, когда работников ставят в унижительное положение, унижают их достоинство.

Методика расчета для построения модели социальных сетей основана на оценке 21 параметра, по каждому из которых считается количество работников, ответивших положительно (ответ «ДА»). Затем находится отношение числа ответов «ДА» к общему количеству опрошенных (в процентах).

Анализ социальных сетей в указанных организациях позволил сделать вывод о том, что в них присутствует сравнительно высокий «нравственный дух», приверженность организации, фирменный патриотизм,

благоприятный социально-психологический климат. Подавляющее большинство работников являются патриотами своего завода. Более 2/3 руководителей гордятся своей организацией, что говорит о должном уровне приверженности.

65% опрошенных считают, что их труд является престижным на заводе, 63% работников чувствуют себя важными действующими лицами на заводе, 74% респондентов считают, что в отношениях коллег преобладают доброжелательность, взаимопомощь, сотрудничество. Вместе с тем, 44% респондентов указали, что бывают ситуации, когда работников ставят в унижительное положение, унижают их достоинство.

На основе полученных результатов опроса по трем подсистемам можно оценить социальные сети на основе балльной оценки. Каждому ответу присваиваются баллы. Затем баллы суммируются и делятся на количество ответивших респондентов по каждой подсистеме. Получается средняя оценка, которая сравнивается с минимальным и максимальным возможным значением. Так как показатели исчисляются в баллах, то чем ближе к 5 баллам, тем выше уровень развития трех подсистем социальных сетей организации (табл. 1).

На основе полученных средних оценок может быть рассчитан уровень развития социальных сетей организации:

$$Y_{pcc} = (P_n + P_{cmt} + P_{cпк})/3, (1)$$

где Y_{pcc} – уровень развития социальных сетей организации;

P_n – показатель приверженности организации;

P_{cmt} – показатель социальной мотивации труда;

$P_{cпк}$ – показатель социально-психологического климата.

Чем ближе уровень развития к 5 баллам, тем больше возможностей для наращивания объема социального капитала и увеличения добавленной стоимости.

Сравнительный анализ итогов опроса, представленный в таблице 1, позволяет сделать выводы по поводу развития социальных сетей в трех организациях. Самые высокие оценки по всем подсистемам социальных сетей у ОАО «Уралэлектромедь». Для работников данной организации, судя по итогам опроса, характерны высокие показатели уровня развития приверженности, социальной мотивации труда, социально-психологического климата.

Таблица 1
Оценка уровня развития социальных сетей организаций, в баллах

Подсистемы социальных сетей	ОАО «ШААЗ»	ОАО «Уралэлектромедь»	ООО «Ойлпамп Сервис»
Приверженность	4,01	4,53	3,78
Социальная мотивация труда	4,28	4,39	3,63
Социально-психологический климат	4,10	4,15	3,99
Общая оценка	4,13	4,36	3,97

ОАО «ШААЗ» занимает среднее положение среди трех организаций. Работники не вполне удовлетворены взаимоотношениями с непосредственным руководителем, в том числе не могут открыто высказывать свое мнение в присутствии руководителя, если оно не совпадает с его мнением.

Самые низкие оценки среди трех организаций характеризуют социальные сети ООО «Ойлпамп Сервис». Итоги опроса показывают низкий уровень социального стимулирования труда работников, особенно в части предоставления социальных льгот и проявления заботы о молодых работниках, что отрицательно сказывается на уровне мотивации труда.

Оценка уровня развития социальных сетей показывает, что в данных организациях имеется значительный экономический потенциал социальных сетей. Наиболее развиты социальные сети в ОАО «Уралэлектромедь», хотя и у данной организации есть значительные резервы для увеличения экономического потенциала социальных сетей.

Таким образом, сложившиеся в организациях социальные сети в целом обеспечивают необходимые социально-психологические условия для труда, высокий уровень доверия к руководителям, дают возможность почувствовать ценность каждого работника, что положительно влияет на уровень реализации экономического потенциала социальных сетей.

1. Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе. Сборник статей [Текст] / под ред. Е.В. Поносовой. Пермь : АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2011. 556 с.
2. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 97; Бобкова Е.В. Интеллектуальный капитал вуза [Текст] / Е.В. Бобкова // Экономика региона. 2007. № 18. С. 27.
3. Гуриев С. Уроки экономики: капитализм на доверии [Электронный ресурс] / С. Гуриев // Ведомости. 2004. № 227(1267). URL: <http://www.day.kiev.ua/170573/> (дата обращения: 15.07.2012).
4. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие [Текст] / А.Т. Коньков. М. : Изд-во РУДН, 2006. 252 с.; Как превратить знания в стоимость: решения от IBM Institute for Business Value [Текст] / Составители: Эрик Лессер, Лоренс Прусак; пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. 320 с.
5. Ланцман А.В. Социальный капитал как фактор повышения эффективности управленческой деятельности [Текст] / А.В. Ланцман: автореф. дис. канд. эконом. наук. Москва, 2007. 26 с.
6. Мачеринскене И. Социальный капитал организации: методология исследования [Текст] / И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон, Ж. Симанавичене // Социологические исследования. 2006. №3. С. 29–39.
7. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. М. : Экономика, 1999. 658 с.
8. Loury G.A. Dynamic Theory of Racial Income Differences // Women, Minorities, and Employment Discrimination, Lexington, 1998.
9. Maskell P. Social capital, innovation and competitiveness // Social capital. Critical Perspectives / Eds. S. Baron, J. Field, T. Schuller. Oxford : Oxford University Press, 2000. P.111.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОВОКУПНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

УДК 519.8:681.518

А.В. ИВАНОВ, Р.И. КАНТОР

Стратегической задачей развития Российской Федерации является смена экономической модели страны с сырьевой на инновационную, повышение эффективности работы органов власти и улучшение качества жизни россиян. Новые целевые установки, определенные в данной стратегии, ориентация как на качественные, так и на количественные результаты развития требуют нового взгляда на оценку эффективности функционирования и развития экономики всех уровней: федерального, регионального, уровня предприятия.

Анализ состава ресурсов, затрат и результатов (рис. 1), проводимый на уровне региона

и предприятия на основе системы национальных (региональных) счетов со стороны региона и нормативов бухгалтерского учета со стороны предприятия позволил выявить идентичность механизма формирования первичных финансовых результатов (выпуска товаров, продукции, услуг на уровне региона и выручки от продаж на уровне предприятия), а также схожесть механизма формирования промежуточного финансового результата (ВРП – на уровне региона и маржинального дохода – на уровне предприятия). Более того, схожесть элементов затрат региона и предприятия обуславливает идентичность механизма формирования конечного финансового результата – прибыли.

Рисунок 1
Механизм формирования финансовых результатов региона и предприятия [2]

Уровень субъекта хозяйствования	Ресурсы	Затраты	Результаты
Регион	Природные ресурсы. Трудовые ресурсы. Территориальные и фондовые ресурсы	Выпуск товаров – Материальные затраты = ВРП – – Амортизация = ЧРП – – Косвенные налоги = Региональный доход	
Предприятие	Оборотные фонды. Трудовые ресурсы. Основные фонды	Выручка без НДС – Материальные затраты = = Маржинальный доход – (Затраты на оплату труда + Отчисления + Амортизация + Прочие) = Прибыль	

При этом анализ абсолютных величин показателей выпуска продукции и выручки от реализации по совокупности предприятий Челябинской области позволил сделать вывод, что данные величины являются величинами

одного порядка (табл. 1). Отклонения показателей составляет от 8,9% в 2007 году; 1,4% в 2008 году; 4,6% в 2009 году и вызваны, по нашему мнению, различными источниками формирования статистической информации.

Таблица 1
Анализ финансовых результатов региона и совокупности предприятий на примере Челябинской области

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.
1. Выпуск товаров и услуг, млн руб.	1214546,0	1553078,0	1088268,6
2. Выручка от реализации по совокупности предприятий, млн руб.	1332910,6	1574421,3	1140674,9

На основании идентичности механизма формирования финансовых результатов делаем заключение о возможности использования

в целях оценки уровня функционирования и развития региональной экономики данных по совокупности предприятий региона.

При этом комплексная оценка эффективности функционирования и развития экономики региона должна включать изучение многоаспектных процессов формирования и использования ресурсного потенциала региона и совокупности его предприятий.

Исследование эффективности использования ресурсов и результатов функционирования предприятий региона подразумевает и анализ финансовых потоков по текущей деятельности, связанных с финансированием производства и реализации продукции, товаров, услуг, выпускаемых предприятиями региона, по инвестиционной деятельности, определяющих потенциал развития производственных мощностей предприятий, по финансовой деятельности, раскрывающий источники финансирования предприятий региона и уровень их финансовой независимости и безопасности [3]. Оценка финансовой независимости предприятий является одной из основ экономической устойчивости и безопасности региона.

В настоящее время все чаще устойчивое развитие субъекта хозяйствования (и предприятия, и региона) ставится в зависимость от уровня его экономической безопасности.

Экономическая безопасность является производной от понятия национальная безопасность, которая, в свою очередь, есть защищенность жизненно важных интересов личностей (граждан), общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе (политических, военных, экономических, информационных, экологических и др.).

В структуре национальной безопасности экономическая занимает особое место. Это обусловлено тем, что ни один вид безопасности не может быть реализован без экономического обеспечения.

В литературе существует несколько имеющих право на существование взглядов на экономическую безопасность. Так, Л.И. Абалкин трактует понятие «экономическая безопасность» как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию [1].

В.И. Орехов и соавторы предлагают собственное определение, в соответствии с которым экономическая безопасность – это способность экономики страны обеспечивать существующих статус государства, политического и социально-экономического развития,

независимого от внешнего давления, а также поддерживать уровень легальных доходов, обеспечивающий абсолютному большинству населения уровень благосостояния, соответствующий стандартам цивилизованных стран [4].

В своей монографии Цуканов В.Х. приводит еще одно определение понятия экономической безопасности региона, авторами которого являются екатеринбургские ученые-экономисты: «...приемлемый уровень коммерческой состоятельности и независимости в рыночной среде территории, отрицательно не влияющий на состояние и условия жизни местного населения» [5].

Е.А. Олейников и соавторы трактуют экономическую безопасность региона как «...совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории, определенной независимости и интеграции с экономикой Федерации» [6].

Проблема оценки и мониторинга уровня экономической безопасности заключается не в отсутствии достаточного числа подходов и концепций, а в том, что существует большое число предложенных моделей в рамках различных аспектов функционирования современной экономики. В самом общем виде мониторинг экономической безопасности можно построить либо на основе комплексной оценки, либо отдав приоритет какой-либо из составляющих экономической безопасности, рассмотреть ее более детально.

В своем научном исследовании А.В. Иванов придерживается мнения о том, что уровень экономической безопасности конкретного региона зависит одновременно от:

- 1) стабильности функционирования и развития региона;
- 2) стабильности функционирования и развития регионального рынка капитала и страхования;
- 3) уровня экономической безопасности и устойчивости совокупности предприятий, функционирующих на территории региона;
- 4) уровня экономической безопасности совокупности индивидуумов, проживающих на данной территории.

При этом только гарантия устойчивого развития всех элементов данной системы позволяет судить об уровне экономической безопасности региона.

Показатели системы оценки экономической безопасности, предложенной А.В. Ивановым, и критерии их балльной оценки представлены в таблице 2.

Выбор критериев балльной оценки показателей основан на исследовании их влияния на уровень экономической безопасности региона. Положительное влияние (улучшение показателя, в том числе по сравнению с нормативными значениями (например, для показателя 3.1, 3.4) оценено в 3 балла, отрицательное влияние (ухудшение показателя

или его несоответствие нормативам) оценено в 1 балл, нейтральное влияние (стабильность показателя или соответствие нормативам) оценено в 1 балл. Критерии четвертого блока показателей основаны на сравнении параметров конкретного региона со средне-российскими значениями показателей в статике и динамике.

Таблица 2
Показатели системы оценки экономической безопасности, предложенной А. В. Ивановым, и критерии их балльной оценки

№	Показатели	Критерии оценки		
		1 балл	2 балла	3 балла
1	2	3	4	5
1. Общерегionalные показатели				
1.1.	ИВРП /Промышленного производства	<1	≈1	>1
1.2.	Индекс степени износа основных фондов	>1	≈1	<1
1.3.	Соотношение экспорта и импорта в совокупности со странами ближнего зарубежья и СНГ	<1	≈1	>1 и →max
1.4.	Индекс промышленного производства, в долях единицы	<1	≈1	>1
1.5.	Индексы производства продукции сельского хозяйства	<1	≈1	>1
1.6.	Динамика оборота розничной торговли на душу населения, в долях единицы	<1	≈1	>1
1.7.	Динамика числа организаций, выполнявших научные исследования и разработки	<1	≈1	>1
1.8.	Выбросы к улавливанию загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников	>1	≈1	<1, → min
1.9.	Объем оборотной и последовательно используемой воды к объему использования свежей воды	<1	≈1	>1 и → max
1.10.	Объем сбора загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к объему использования свежей воды	<1	≈1	>1 и → max
1.11.	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств в ВРП региона	>1	<1	≈1
1.12.	Валовое накопление основного капитала к ВРП	x	x	x
	Индекс роста отношения валового накопления основного капитала к ВРП	<1	≈1	>1
2. Региональный рынок капитала и страхования				
2.1.	Кредитные организации региона/ Кредитные организации РФ	x	x	x
	Индекс роста отношения кредитных организаций региона к кредитным организациям РФ	<1	≈1	>1
2.2.	Филиалы КО в регионе/ Филиалы КО в РФ	x	x	x
	Индекс роста отношения филиалок КО в регионе к филиалам КО в РФ	<1	≈1	>1
2.3.	Кредиты/депозит в рублях по физ. лицам	x	x	x
	Индекс отношения кредитов к депозитам в рублях по физ. лицам	>1	≈1	<1
2.4.	Кредиты/депозиты в рублях по юр. лицам	x	x	x
	Индекс отношения кредитов к депозитам в рублях по юр. лицам	<1	≈1	>1
2.5.	Кредит/депозит в валюте по физ. лицам	x	x	x
	Индекс отношения кредитов к депозитам в валюте по физ. лицам	>1	≈1	<1

№	Показатели	Критерии оценки		
		1 балл	2 балла	3 балла
1	2	3	4	5
2.6.	Кредиты/депозиты в валюте по юр. лицам	x	x	x
	Индекс отношения кредитов к депозитам в валюте по юр. лицам	<1	≈1	>1
2.7.	Выплаты по договорам страхования/страховые премии	>1	≈1	<1
2.8.	Доходы/Расходы консолидированных бюджетов региона	<1	≈1	>1
3. Совокупность предприятий региона				
3.1.	Коэффициент автономии, %	<40	40-50	>50
3.1.1	Индекс роста коэффициента автономии	<1	≈1	>1
3.2.	Коэффициент обеспеченности собственными материальными оборотными средствами, %	<0	0	>0
3.2.1	Индекс роста коэффициента обеспеченности собственными материальными оборотными средствами	<1 (<0 с + на -)	≈1	>1 или <0 (с - на +)
3.3.	Рентабельность активов, %	<СР	≈Ст. Реф.	>СР
3.3.1	Индекс роста рентабельности активов	<1	≈1	>1
3.4.	Коэффициент текущей ликвидности	<1	1-1,2	>1,2
3.4.1	Индекс роста коэффициента текущей ликвидности	<1	≈1	>1
3.5.	Рентабельность оборота (проданных товаров), %	<тинф	≈тинф	>тинф
3.5.1	Индекс роста рентабельности оборота	<1	≈1	>1
3.6.	Коэффициент самокупаемости	<1	≈1	>1
3.6.1	Индекс роста коэффициента самокупаемости	<1	≈1	>1
3.7.	Коэффициент деловой активности (выручка/капитал)	x	x	x
3.7.1	Индекс роста коэффициента деловой активности	<1	≈1	>1
3.8.	Норма прибыли (чистая прибыль/выручка), %	<0	0	>0
3.8.1	Индекс роста нормы прибыли	<1	≈1	>1
3.9.	Реинвестиции к приросту (снижению) капитала	<1	≈1	>1 (<0 при -ΔП700)
3.9.1	Индекс роста отношения реинвестиций к приросту капитала	<1 (<0 с - на + при сокращении показателя)	≈1	>1 (<0 с - на +)
3.10.	Соотношение дебиторской задолженности/кредиторской задолженности	<1	≈1	>1
3.10.1	Индекс роста соотношения дебиторской и кредиторской задолженностей	<1	≈1	>1
3.11.	По ОТРАСЛИ специализации: индекс производства	<100	≈100	>100
4. Региональный рынок труда (население)				
4.1.	Индекс роста отношения численности населения к площади	<1	>1	≈1
4.2.	Соотношение мужчин и женщин	>РФ	≈РФ	< РФ
4.3.	Экономически активное население/население	>РФ	≈РФ	< РФ
4.4.	Численность занятых в экономике/экономическое и активное население	<РФ	≈РФ	>РФ
4.5.	Уровень безработицы, в %	>РФ	≈РФ	< РФ
4.6.	Динамика среднедушевых доходов населения	<РФ	≈РФ	>РФ
4.7.	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	>РФ	≈РФ	< РФ
4.8.	Соотношение среднедушевых денежных доходов к потребительским расходам (на душу населения)	<РФ	≈РФ	>РФ
4.9.	Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения (9.1)	>РФ	≈РФ	< РФ

Апробация методики проведена на примере Челябинской области за 2005–2009 гг. Сводные результаты оценки экономической

безопасности Челябинской области по блокам показателей представлены в таблице 3.

Таблица 3
Сводная оценка уровня экономической безопасности Челябинской области

Блоки показателей	Вес блока, %	Оценка, балл					
		2005	2006	2007	2008	2009	2010
1. Общерегionalные показатели	25	2,167	2,417	2,417	2,333	2,083	1,917
2. Региональный рынок капитала и страхования	25	1,875	2,000	2,000	2,000	2,250	2,375
3. Совокупность предприятий региона	25	2,182	2,591	1,955	1,955	1,864	2,227
4. Региональный рынок труда (население)	25	2,333	2,333	2,222	2,333	2,000	1,778
Итого оценка уровня экономической безопасности Челябинской области	100	2,139	2,335	2,148	2,155	2,049	2,074

Результаты анализа формирования финансовых потоков совокупности предприятий Челябинской области за сопоставимый период представлены в таблице 4.

Если интерпретировать результаты оценки финансовых потоков из шестибальной шкалы (от +3 до -3 баллов) в трехбалльную (от 1 до

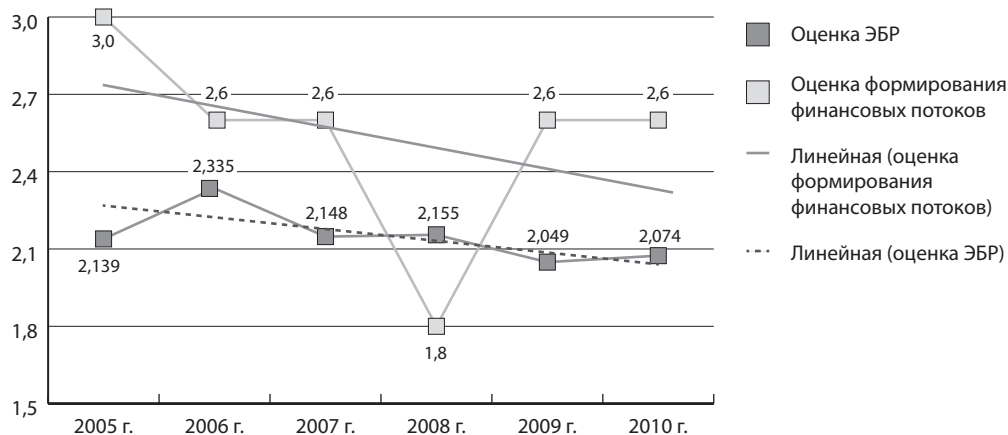
3 баллов), то оценка приобретает вид: +3 = 3 балла, +2 = 2,6 балла, +1 = 2,2 балла, -1 = 1,8 балла, -2 = 1,4 балла, -3 = 1 балл.

Динамика и тренды оценок экономической безопасности и формирования финансовых потоков совокупности предприятий Челябинской области представлены на рис. 2.

Таблица 4
Результаты анализа формирования финансовых потоков совокупности предприятий Челябинской области, млрд руб.

Регион	Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Челябинская область	ЧДПО	63,6	56,4	3,5	-3,3	41,3	34,6
	ЧДПИ	-11,7	-60,9	-173,0	-104,7	-78,1	-98,3
	ЧДПФ	-48,4	9,5	177,8	118,8	23,05	65,9
	ЧДП	3,4	5,1	8,3	10,8	-13,9	2,2
	ВДД	ОД	ОД, ФД	ОД, ФД	ФД	ОД, ФД	ОД, ФД
	ВДР	ИД, ФД	ИД	ИД	ОД, ИД	ИД	ИД
	Тип региона	А	Б	Б	Г	Б	Б
	Оценка по шкале от +3 до -3 баллов	+3	+2	+2	-1	+2	+2
	Оценка по 3-балльной шкале	3	2,6	2,6	1,8	2,6	2,6

Рисунок 2
Динамика и тренды оценок экономической безопасности и формирования финансовых потоков совокупности предприятий Челябинской области

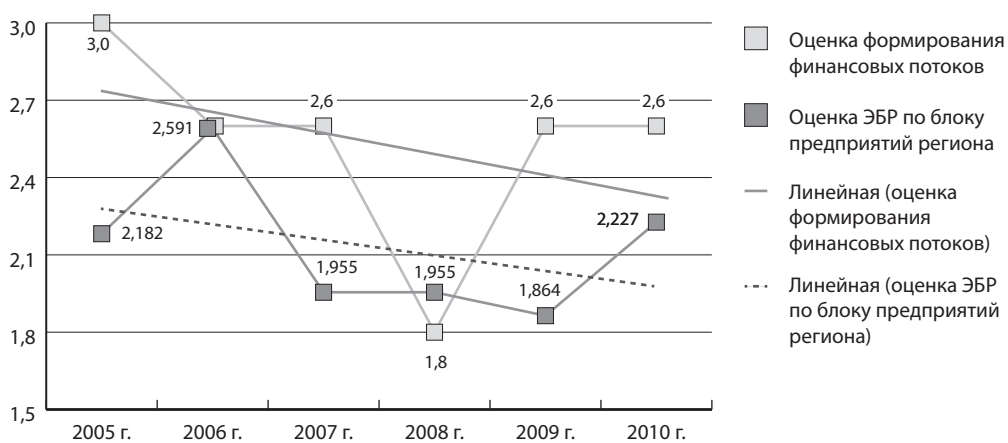

Несмотря на разнонаправленные результаты оценок экономической безопасности и формирования финансовых потоков совокупности предприятий, необходимо отметить общий тренд ухудшения ситуации. При этом снижение экономической безопасности региона менее выраженное, поскольку на формирование данной оценки оказывают влияние, помимо показателей совокупности предприятий региона, показатели

общерегиональные, показатели регионального рынка капитала и страхования и регионального рынка труда (население).

Если вычленить из оценки экономической безопасности региона только составляющую совокупности предприятий и сравнить ее с оценкой формирования финансовых потоков, тренды ухудшения ситуации становятся практически идентичными (рис. 3).

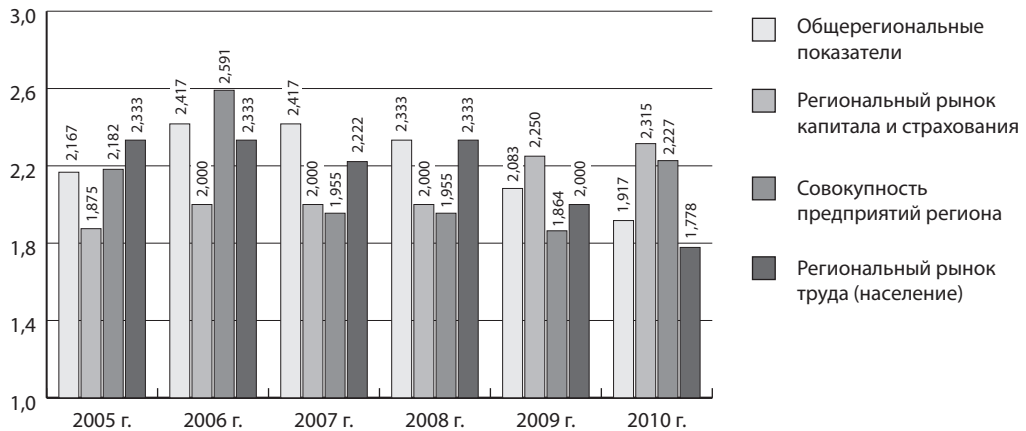
Рисунок 3
Динамика и тренды оценок ЭБР по блоку предприятий региона и формирования финансовых потоков совокупности предприятий Челябинской области

Изучение влияния составляющих оценки экономической безопасности региона (рис. 4) позволило выявить ряд тенденций, важных

для корректировки в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона:

Рисунок 4
Динамика оценок показателей по составляющим
оценки экономической безопасности региона

1) в период с 2005 по 2006 гг. наблюдается рост оценки всех составляющих, что происходит благодаря стабильным макроэкономическим тенденциям в экономике в данный период;

2) тенденция роста оценки отмечается только по составляющей рынка капитала и страхования;

3) с 2006 по 2010 гг. строго отрицательная динамика наблюдается по блоку общерегиональных показателей и показателей совокупности предприятий региона (до 2010 года), а также (как следствие)

по блоку показателей регионального рынка труда (то есть населения).

Отсюда следует вывод: от благополучия работы предприятий региона в первую очередь зависит благополучие населения региона, а также общерегиональный уровень социально-экономического и экологического развития.

Реализация мер поддержки реального сектора экономики со стороны органов управления субъекта Федерации окажет благотворное влияние как на уровень жизни населения региона, так и на уровень развития социально-экономической системы региона в целом.

- Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–14.
- Кантор Р. И. Механизм влияния экономического состояния совокупности предприятий региона на уровень социально-экономического развития региона // Социально-экономические и гуманитарные приоритеты развития России: материалы XXVIII междунар. науч.-практ. конф. / Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. Челябинск, 2011. Ч. I. С. 165–171.
- Кантор Р. И. Оценка эффективности региональной экономики на основе результатов анализа финансовых потоков совокупности предприятий региона / Р. И. Кантор, А. Н. Артемова // Социум и власть. 2012. № 2.
- Орехов В. И. Антикризисное управление: учеб. пособие / В. И. Орехов, К. В. Балдин, Т. Р. Орехова. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 33–34.
- Цуканов В. Х. Экономическая безопасность: сущность, факторы влияния и методы обеспечения: монография / В. Х. Цуканов. Челябинск, 2007. С. 38.
- Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М.: Экзамен, 2005. С. 122.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЯМИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

УДК 330.338.23:621

В.В. ПОБЕДОНОСЦЕВА, Г.М. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Для модернизации российской экономики необходимо добиться её роста за счет таких факторов как повышение производительности труда, производительности капитала, увеличение отдачи от каждой используемой единицы энергии (энергоэффективность), поскольку энергоёмкость российского валового национального продукта (ВНП) более чем в два раза превышает аналогичный показатель развитых стран.

Инвестиции определяют темпы экономического роста, поэтому анализ условий, влияющих на инвестиционные решения, позволяет сформировать предложения по реализации экономической политики инвестиционного процесса, в том числе с позиций инвестиционной, экологической и энергетической безопасности, а также с учетом решения социальных задач (макроуровень). Под инвестиционной безопасностью понимается способность национальной хозяйственной системы поддерживать инвестиционный процесс на уровне, обеспечивающем достижения стратегической конкурентоспособности национальной экономики [5]. В свою очередь, принимая инвестиционное решение, предприятие оптимизирует свою деятельность с позиций эффективности использования капитала, то есть максимизации рыночной стоимости или прибыли предприятия (микроуровень).

Противоречия между этими позициями проявляются как противоречия между потенциальными выгодоприобретателями (производителем и потребителем, заказчиком и инвестором) и обуславливают возрастающую роль организационно-экономических механизмов управления инвестиционным процессом.

Современной стратегией должны гарантироваться не только экономический рост, но и его качество, то есть реализация принципа устойчивого развития. Финансовый кризис показал, что устойчивость экономической системы, основанной на производстве продукции с низкой добавленной стоимостью и высокой энергоёмкостью, ориентированной на внешний рынок, крайне низка [10]. Мировая цена на сырьевые товары устанавливается на неконкурентном рынке и определяется в основном спросом, который

предъявляют транснациональные корпорации (ТНК), производящие товары с высокой добавленной стоимостью.

Развитие арктических территорий делает возможным обеспечить удачный «симбиоз» двух инвестиционных стратегий: основанной на традиционных конкурентных преимуществах России в энергоносителях и модернизационной, основанной на развитии предприятий, выпускающих высокотехнологическую и наукоёмкую продукцию, а также на проведении активной политики энергосбережения. Реализация масштабных арктических проектов может стимулировать инновационное развитие не только в самой Арктике, но и в российской экономике в целом. Учитывая, что современные технологии рентабельны только при существенном масштабе производства и ориентированности на высокий спрос [1], развитие нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) и обеспечение их качественным сырьём в достаточном количестве может рассматриваться как элемент модернизационной стратегии в условиях предстоящего вступления России в ВТО.

Для реализации масштабных арктических проектов предпочтительными являются прямые иностранные инвестиции (ПИИ), поскольку они характеризуются не только «длинными деньгами» и меньшей стоимостью капитала, но и привнесением современных технических и технологических решений. Отсюда следует необходимость расширения международного сотрудничества на основе взаимной выгоды и допустимых компромиссов. Иностранные инвесторы очень чувствительны к инвестиционным рискам. Общим тормозом модернизации экономики России является плохой деловой климат, обусловленный прежде всего опережающим инфляцию темпом роста производственных (тарифы и кредитные ставки) и непроизводственных (коррупция) издержек. В Арктике к этому добавляются повышенные технологические (технология не успевает за потребностью освоения труднодоступных месторождений углеводородов) и экологические (участившиеся в последние годы аварии на нефтегазовых месторождениях) риски.

В условиях глобализации экономическая взаимозависимость и место в мировом разделении труда определяется технологической дифференциацией стран, а максимизация прибыли ТНК обеспечивается переливом капитала с учётом межгосударственных различий и монопольным эффектом от внедрения новых продуктов и технологий. В связи с этим для России важно обеспечить инвестиционную безопасность, чтобы избежать консервации своей технологической отсталости. Повышение уровня инновационного наполнения инвестиций может быть обеспечено прежде всего за счет изменений в налоговой политике, если применять более гибкие методы. Учитывая низкую рентабельность большинства проектов разработки шельфовых месторождений Арктики, представляется целесообразным на период освоения территории освободить компании от налога на землю и на имущество (логично считать кадастровую цену недвижимости неосвоенных участков равной нулю). А также освободить от НДС и таможенных пошлин ввозимое высокотехнологичное оборудование, а налоги на прибыль и добычу полезных ископаемых (НДПИ) дифференцировать по каждому крупному проекту в зависимости от сложности его реализации, тем самым выравнивая норму доходности на инвестированный капитал.

Высокая энергоёмкость валового внутреннего продукта (ВВП) в России обусловлена не только технологическим отставанием и расточительностью, но и объективными факторами, такими как сложившаяся энергоёмкая структура экономики, протяженные транспортные коммуникации, холодный климат в большей части территории. По данным Международного энергетического агентства (МЭА) 2008 года, в России в сравнении с развитыми странами затраты энергии на производство стали выше в 1,4 раза, цемента – в 1,3, аммиака – в 1,05, алюминия – в 1,2, электроэнергии на тепловых электростанциях – в 1,1. В целом по всей совокупности производств можно оценить, что энергоёмкость производства однотипной продукции в России на 10–15% выше в сравнении с развитыми странами. Исходя из этого, Государственной программой энергосбережения и повышения энергетической эффективности [2] прогнозируется снижение энергоёмкости ВВП на 26,5% за счет структурных преобразований в экономике и на 13,5% за счет организационно-технических мероприятий по энергосбережению, что в сумме даст к 2020 году снижение энергоёмкости ВВП на 40% по сравнению с 2007 годом.

Заявления президента и председателя Правительства РФ о необоснованности роста

цен на электроэнергию в 2011 году снизили заинтересованность инвесторов, а также поставили под сомнение лежащий в основе договоров предоставления мощности (ДПМ) принцип «take or pay» («бери или плати»), в том числе как не способствующий энергосбережению потребителей. Кроме увеличения инвестиционной составляющей, рост цен на электроэнергию обусловлен также сохранением газовой ориентации российских генерирующих компаний и переходом на RAB-тарифы (Regulatory Asset Base – регулируемая база активов) сетевых организаций. Вместе с тем вполне рыночными механизмами достижения сбалансированности интересов выгодоприобретателей по ДПМ являются ограничение доходности на вложенный капитал (утверждается постановлением Правительства РФ) его стоимостью, учитывая, что в процессе реформирования (приватизации) РАО «ЕЭС России» потенциальные инвесторы приобретали недооцененные активы генерирующих предприятий. А также засчет высвобождающихся в результате проводимых мероприятий по энергосбережению мощностей как частичную реализацию инвестиционных программ генерирующих компаний, прибыль которых может быть обеспечена за счет эффекта масштаба.

При реформировании единой системы энергетики и установлении новых рыночных правил не в полной мере учитывался пространственный аспект российской экономики. Например, энергетический комплекс Мурманской области отличается, с одной стороны, наличием резервных мощностей в условиях относительной изоляции от центрального (единого) рынка страны, и повышенными требованиями к снижению удельного энергопотребления, с другой стороны. Несмотря на избыточность энергосистемы Мурманская область ввозит большое количество топочного мазута. Основными инвестиционными рисками реализации проектов повышения энергоэффективности являются: высокая структурная энергоёмкость региональной промышленности; дисбаланс в расходах на топливо и доходах от продажи тепловой энергии; снижение её потребления в промышленном секторе; задолженность (текущая и накопленная) потребителей в размере более 5 млрд рублей, задолженность теплоснабжающих организаций за поставленную электроэнергию – 4 млрд рублей, в том числе 3 млрд рублей в секторе жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Многие специалисты по аналогии с инвестиционными механизмами в «большой» электроэнергетике настаивали на скорейшем утверждении следующих принципов

ценообразования в теплоэнергетике: установление двухставочных тарифов (мощность и энергия); снижение нагрузки перекрёстного субсидирования на промышленных потребителей; распространение на теплоснабжение метода тарифного регулирования RAB. В то же время их оппонентами под сомнение ставилась сама возможность привлечения частных инвестиций в строительство или модернизацию источников тепла при разделенной собственности на сетевые объекты и генерацию, значительной и постоянно возрастающей задолженности потребителей в ЖКХ. Основными причинами последней являются: задолженность управляющих компаний (УК), обусловленная в основном задолженностью потребителей коммунальных услуг (населения); разница между объемом потребления, рассчитанным как среднемесячный объём потребления за предыдущий год в многоквартирном жилом доме (МКД) при отсутствии в нем прибора учета тепловой энергии, и объемом фактического потребления, определенного ресурсоснабжающей организацией (PCO); нецелевое расходование «тепловых» денег УК.

По нашему мнению, недостатком российской жилищно-коммунальной системы является то, что она выстраивается исключительно на рыночных отношениях, тогда как эта сфера в значительной степени социальная, поскольку крыша над головой, вода и тепло (особенно в северных условиях), относятся к основным потребностям человека. При этом в процессе приватизации жилых помещений была выбрана самая неэффективная форма собственности на жильё [4].

Федеральным законом [6] предусмотрена возможность финансирования инвестиционных проектов организаций коммунального комплекса (ОКК) с использованием утверждённой представительным органом местного самоуправления программы комплексного развития коммунальной инфраструктуры (ПКР) следующими методами: доходность инвестированного капитала — RAB (с 01.01.2012), включение инвестиционной составляющей в тариф (или надбавка к тарифу) и плата за подключение. Во всех случаях инвестиционные затраты оплачиваются конечными потребителями. Уровень противоречий между потенциальными выгодоприобретателями (производителем и потребителем, заказчиком и инвестором) определяется выбором метода финансирования инвестиционных программ, а оптимальность принимаемого инвестиционного решения обуславливается имущественными отношениями, обоснованностью тарифа и задолженностью

потребителей. Механизмом финансирования инвестиционных проектов энергосбережения является контракт на энергосервис [7,8].

В городе Апатиты еще в конце 90-х годов прошлого века начали разрабатываться проекты по энергосбережению. Ученые КНЦ РАН, городская администрация и муниципальные теплоснабжающие предприятия провели детальное энергетическое обследование целого микрорайона «Северный» и предложили варианты масштабного энергосбережения на территории города [11]. Исследование подтвердило возможность успешного осуществления «проекта реконструкции системы теплоснабжения» микрорайона «Северный» с сокращением общих потерь почти на 50% от суммарного теплоснабжения этого микрорайона. Наибольшую экономию предполагалось получить за счет утепления зданий, строительства микрорайонной котельной с целью снижения потерь при транспортировке и сглаживания «пиковых» нагрузок, обновления внутридомовых систем отопления и горячего водоснабжения, установки средств регулирования и учета расходуемой энергии. Также предполагалось получить экономию за счет проведения наладочных работ по стабилизации теплогидравлических режимов в системе теплоснабжения и обновления тепловых сетей. Отсутствие интереса у потенциальных инвесторов не позволило реализовать этот проект.

В СССР энергосберегающая политика строилась на расчетах физических (натуральных) показателей экономии энергетических ресурсов, поскольку был один бенефициар — государство, а в условиях рыночных отношений ключевыми являются финансовые показатели потенциальных выгодоприобретателей, иногда имеющих разнонаправленные векторы интересов. Например, теплоснабжение муниципального образования осуществляется от единственного в городе источника иной формы собственности — Апатитской ТЭЦ филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1» (АТЭЦ). Основным и резервным видом топлива является уголь. В 2009 году объем производства тепловой энергии на АТЭЦ составил 1083 тыс. Гкал, при этом потребление жилищно-коммунального сектора города составило 674 тыс. Гкал (62,2%), а на нужды промышленности отпущено 409 тыс. Гкал (37,8%). Ситуация усугубляется и тем, что за прошедшие годы от сетей предприятий теплоснабжения в массовом порядке, вследствие структурной перестройки экономики, отключились ранее присоединенные к ним производственные мощности. Наиболее значительный спад потребления электроэнергии произошел в промышленном секторе — 18%,

в то время как в жилом фонде – 11% и нежилом – 10,6%. Потенциал энергосбережения по тепловой энергии составляет 14,7% [3]. Очевидно, что при таком избытке мощности масштабное энергосбережение в муниципальном образовании может привести к ухудшению структуры себестоимости продукции АТЭЦ и, как следствие, к росту тарифа на теплоэнергию, который устанавливается методом экономически обоснованных расходов («затраты+»). В некоторой степени острота этой проблемы в зоне хозяйственной деятельности генерирующей компании может демпфироваться синхронизацией двух процессов – энергосбережением и расширением круга потребителей энергии.

Реализация проектов в части энергосбережения МКД осуществляется на принципах государственно-частного партнерства с использованием энергосервисных контрактов и софинансирования потребителями, чтобы повысить заинтересованность всех участников процесса. Да и законодательство, в частности Жилищный кодекс РФ, требует при принятии решения на проведение работ в МКД согласия собственников. Соинвестором может выступить федеральный бюджет, возможно, используя Резервный фонд, поскольку он пополняется как раз за счет экспорта первичных ресурсов. При этом для реализации принципа софинансирования может быть использована модель,

аналогичная апробированной модели Федерального закона № 185-ФЗ [9], с ежегодно увеличивавшейся долей участия собственников – потребителей энергоресурсов.

Выводы. Полагаем, что организационно-экономические методы управления инвестициями в энергетическом комплексе должны быть ориентированы на реализацию общенациональной задачи – повышение энергоэффективности ВВП, для чего при формировании благоприятной институциональной и правовой среды для инвестиций по каждому из видов деятельности:

во-первых, должен быть определен потенциальный стратегический инвестор (выгодоприобретатель);

во-вторых, соответствующим образом сформирована законодательная база налогообложения, экспортных и импортных пошлин и т.п.;

в-третьих, программы (проекты), в которых инвестором (соинвестором) выступает государство, должны быть ориентированы на изменение структуры производства в России с целью увеличения производства товаров конечного потребления с высокой добавленной стоимостью, снижения экспорта товаров с низкой добавленной стоимостью и высокой энергоёмкостью и увеличения их потребления на внутреннем рынке.

1. Выступление президента России Д.А.Медведева на пленарном заседании Санкт-Петербургского международного экономического форума 5 июня 2009 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/06/> (дата обращения: 13.06.2012).
2. Государственная программа энергосбережения и повышения энергетической эффективности на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. № 2446-р) // Российская газета. 2011. 25 января.
3. Долгосрочная целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в муниципальном образовании город Апатиты с подведомственной территорией» на 2011-2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apatity-city.ru/laws/7520/> (дата обращения: 13.06.2012).
4. Найден С.Н. Общественные блага и коммунальные услуги / С.Н. Найден / отв. ред. П.А. Минакир, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. М. : Экономика, 2004. 176 с.
5. Нарышкин С.Е. Иностранные инвестиции и развитие экономики России / С.Е. Нарышкин : автореф. дис. д-ра эконом. наук. Санкт-Петербург, 2010.
6. Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса: Федеральный закон от 30.12.2004 № 210-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 декабря. Федеральный выпуск № 3669.
7. Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ // Российская газета. 2009. 27 ноября. Федеральный выпуск № 5050.
8. О требованиях к условиям контракта на энергосервис и об особенностях определения начальной (максимальной) цены контракта (цены лота) на энергосервис: Постановление Правительства РФ от 18.08.2010 № 636 // Собрание законодательства РФ. 23.08.2010. № 34. Ст. 4488.
9. О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон РФ от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Российская газета. 2007. 27 июля. Федеральный выпуск № 4425.
10. Славянов А. Инвестиционная стратегия выхода в условиях финансовой нестабильности / А. Славянов // Инвестиции в России. 2009. № 9. С.35–38.
11. Технично-экономическое обоснование проекта реконструкции системы теплоснабжения микрорайона «Северный» г. Апатиты с целью повышения эффективности энергоиспользования: отчет (научный руководитель д.т.н. Л.Д. Криворучкий), ИФТПЭС КНЦ РАН. Апатиты, 1998. 115 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

УДК 65

А.В. БРЕУСОВ, В.В. РЕЙМЕР, В.А. ЧИРКОВ

Современные организации, особенно высокотехнологичные, осваивают виртуальную бизнес-среду (ВБС), применяя новейшие информационно-телекоммуникационные системы и технологии (ИКСТ) не только для осуществления бизнес-процессов и взаимодействия с потенциальными клиентами (поставщиками, потребителями), инвесторами, другими партнерами, но также и для управления персоналом. Эти вопросы очень актуальны для эффективной деятельности таких предприятий в условиях ВБС.

Ценность различных видов нематериальных ресурсов, используемых в ВБС, определяется прежде всего содержащимися в них знаниями, носителями которых являются участники всех основных и вспомогательных производственных и управленческих процессов. В связи с этим ресурс «знание», являющийся результатом восприятия и интерпретации человеком релевантной информации, становится приоритетным, и человечество идет по пути создания на современном этапе развития так называемого «глобального общества знаний» [1].

Поэтому, применительно к условиям рассматриваемой бизнес-среды, особую актуальность приобретают вопросы управления персоналом организаций, осуществляющих свою деятельность в условиях ВБС, учитывая при этом следующие особенности:

- использования соответствующих основ методологии менеджмента;
- человеко-компьютерного взаимодействия;
- винфоком-менеджмента как концепции управления организациями и персоналом в условиях виртуальной среды.

В последние годы наблюдается бурный рост числа виртуальных офисов, режимов «телеработы», основанных на взаимодействии сотрудников виртуальных организаций посредством опосредованных коммуникаций – с телевзаимодействиями. Причиной таких явлений можно считать

значительное увеличение числа пользователей сети Интернет и реализации схемы ведения бизнеса – «Инtranет-Интернет-Экстранет».

В ходе обсуждения позитивных результатов такой деятельности в качестве неоспоримых положительных моментов среди многих других доводов, на наш взгляд, можно признать и такие актуальные факторы, как:

- частичная ликвидация автомобильных пробок в деловых центрах крупных городов;
- уменьшение времени, необходимого сотрудникам на дорогу к месту работы и домой;
- соответствующая экономия горюче-смазочных материалов;
- улучшение экологической обстановки из-за снижения уровня загрязнения воздуха за счет уменьшения числа поездок на работу;
- улучшение качества жизни работников за счет более удобного и гибкого графика работы непосредственно на дому и другие факторы.

Хорошо известно, что наиболее восприимчивым к новым возможностям, возникающим в ВБС и связанным с использованием «электронной коммерции», является бизнес, представителем которого можно считать высокотехнологичные организации, функционирующие в различных отраслях. Этим и объясняется появление целого ряда его направлений, обусловленных открывающимися перспективами взаимосвязанного развития процессов технико-технологического, социально-экономического и организационно-управленческого характера. Несмотря на специфику такой среды, обусловленную ее «природой», на современный глобальный финансово-экономический кризис и на серьезные убытки, которые пока несут интернет-компании, их капитализация непрерывно возрастает.

Все это – результат доверия и больших ожиданий в будущем конкретных

преимуществ от интеллектуально-креативной практики эффективного освоения данного нового «виртуального бытия» бизнеса и его участников. Залогом тому является стремительный рост стоимости акций таких компаний на фондовом рынке.

Бурный рост числа виртуальных рабочих мест и бизнес-компаний в условиях ВБС имеет целый ряд позитивных моментов:

- снижение или даже ликвидация значительных затрат на аренду и содержание офисных и торговых площадей;

- комфорт и удобства работы в режимах телевзаимодействий сотрудников, партнеров, поставщиков, потребителей друг с другом и между собой даже в условиях их географического рассредоточения и нахождения в разных часовых поясах;

- возможности интеракций в режиме реального времени;

- возможности значительной диверсификации персонала;

- формирование интернациональных коллективов;

- успешное преодоление всей гаммы кросс-культурных «барьеров» и интеграции адекватного разнообразия для достижения совместных плодотворных результатов;

- возможность одновременной работы с несколькими коллегами и партнерами;

- реализация «сетевого создания стоимости» (в отличие от ставшей традиционной «цепи создания стоимости»).

Вот почему вопросы управления персоналом в условиях ВБС приобретают первостепенное значение. Связанные с этим особенности менеджмента не только основными и вспомогательными рабочими и управленческими процессами, но, прежде всего, участниками всех этих процессов требуют учета целого ряда существенных моментов и аспектов этой актуальной проблематики [2]. Отметим некоторые из них, именно те, которые, на наш взгляд, стоят в центре внимания:

- это так называемая «объективность» информации;

- это степень жесткости процедур, анализа, обработки и форм представления информации;

- это понимание специфики и неоднозначности термина «информация», так как, по определению и Винера, и Шеннона, «информация – это не вещество и не энергия, это – просто информация», а по современным представлениям «информация – это систематизация данных», «информация – это

всеобщий атрибут материи», «информация – это знания для управления и самоуправления» и многие другие определения того, что такое информация, – оттеняют те или иные стороны данного вида нематериального ресурса.

Все это усложняет практику менеджмента в условиях ВБС, вынужденного применять подходы к разрешению проблем достижения эффективного управления персоналом, учитывающие при этом такие взаимосвязанные особенности как:

- когнитивные механизмы восприятия и интерпретации информации в знание;

- «плоские», «системно-сетевые» структуры виртуальных организаций;

- режимы телеработы, телевоздействия, телесодействия и телевзаимодействия их сотрудников в ходе достижения общих целей;

- компетентность выбора и эффективность использования современных информационно-телекоммуникационных систем и технологий.

Внедрение данных принципов в практику работы более, чем 30 крупных организаций города Москвы и ряда областных центров Российской Федерации, позволило существенно и достоверно повысить такие значимые показатели, как удовлетворенность персонала работой (на 57,9%, $r_{xy} = 0,65$; $p < 0,05$) и морально-психологическим климатом в коллективах (на 52,1%, $r_{xy} = 0,77$; $p < 0,05$). В связи с вышеизложенным считаем целесообразным выделить следующие базовые предложения для формирования системы принципов, содержащих концептуальные черты основных положений рассматриваемой проблемы:

- 1) С учетом нашего подхода к разрешению проблем управления персоналом в условиях ВБС можно рассматривать информацию как своеобразное «сырье» для формирования ресурса «знания». Именно этот ресурс в настоящее время все чаще рассматривается не только как фактор и потенциал, но и как актив, продукт, товар, капитал, использование которого порождает новшества, новации, инновации. Это требует должных компетенций по управлению знаниями сотрудников и управлению ресурсом «знания организации» в целом.

- 2) Приоритетное значение ресурса «знание» в условиях ВБС ни в коем случае не умаляет значения ресурса «информация». Уже достаточно хорошо изученный

и потому становящийся в этом смысле традиционно-рутинным ресурс «информация» как бы уступает свой приоритет ресурсу «знание». Их значения соотносятся так же, как оперативно-тактический и стратегический ресурсы соответственно.

3) По нашему мнению, следует считать, что информация остается видом нематериального ресурса, играющим важнейшую роль именно для управления персоналом в ходе коммуникативных процессов с учетом процессов восприятия информации и ее интерпретации в знания. Не случайно мировое сообщество менеджеров упорно прорабатывает вопросы управления знаниями, так называемого «знаниевого менеджмента».

4) По мере мультимедийного развития современной организационно-управленческой техники и технологии, базирующейся на применении информационно-коммуникационных систем, опосредованные коммуникации в ВБС будут по всё большему ряду соответствующих параметров приближаться к непосредственным контактам людей, происходящим при их личных встречах, со всеми вытекающими отсюда последствиями для их

учета в экономико-управленческих и коммуникативных процессах [3].

5) При необходимой трансформации концептуальных основ управления персоналом с доведением их до требуемой методической проработки для практики менеджмента применительно к условиям ВБС менеджерам следует учитывать играющий все большую роль «человеческий фактор», современные императивы постоянного повышения уровня образования сотрудников и те теоретико-методологические аспекты менеджмента и управления персоналом, которые отражены в работах различных авторов.

В заключение необходимо отметить, что подобная концептуальная система принципов должна содержать не только методы управления персоналом, связанные с методологическими и внутриорганизационными особенностями менеджмента высокотехнологичных организаций, осуществляющих деятельность в ВБС, но и подметоды, учитывающие функционирование, развитие таких организаций в данной среде и аспекты их взаимовлияния.

-
1. Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами [Текст] / М. Армстронг / пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 2002. 216 с.
 2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации [Текст] / А.Я. Кибанов. М. : Дело, 2006. 247 с.
 3. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство [Текст] / Э.Х. Шейн / пер. с англ. СПб. : Питер, 2009. 194 с.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНО-МАССОВЫМ ЯВЛЕНИЯМ

УДК 111.6

Г.Ю. ЧЕРНОВ

С учетом растущей популярности и многочисленных попыток применения синергетической теории в современном социально-философском знании возникает вопрос о возможностях и пределах использования теоретических положений и концептов современной синергетики к исследованию социально-массовых явлений (СМЯ) и формированию концептуальной системы знаний о СМЯ.

Собственно говоря, сам статус синергетической теории в отношении социального знания в целом и становящейся теории СМЯ в частности остается на данный момент открытым, неопределенным. Что это: один из возможных исследовательских подходов, либо новая парадигма социального знания, в рамках которой только и возможно подлинно современное познание массовых явлений в обществе, либо же это не более чем новый язык (формат) описания СМЯ, имеющий право на существование наряду с другими, более привычными, символически-семиотическими средствами науки? Что может дать синергетика для исследования и научного толкования СМЯ такого, чего не могут дать другие научные направления, исследовательские подходы к СМЯ? Ответы на эти вопросы представляются нам крайне важными для формирования системной теории СМЯ, особенно ее методологической и теоретико-познавательной составляющих.

Считается, что у синергетики по крайней мере два отца-основателя — немецкий физик и философ Герман Хакен и бельгийский ученый российского происхождения Илья Романович Пригожин. Термин «синергетика», обозначающий новое направление междисциплинарных исследований в науке, «учение о взаимодействии» Г. Хакен впервые ввел в своих лекциях в университете г. Штутгарта в 1969 году [11, с. 351–352].

В современной науке синергетика выступает, как полагают многие исследователи, в нескольких ипостасях. Так, В.П. Прытков предлагает различать по крайней мере три различных «плоскости» бытования синергетики: а) как физико-математической дисциплины; б) как направления

междисциплинарных исследований процессов самоорганизации в природных, социальных, когнитивных системах определенного вида (по Г. Хакену); в) как «концептуальной основы становящейся картины становящегося мира» [9, с. 147].

Зародившись в естествознании, синергетика сегодня активно внедряется в социальные и гуманитарные науки, претендуя на роль принципиально нового мировидения, системы принципов понимания и познания социальных систем. С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева выделяют несколько значимых аспектов новизны такого «мировидения»:

1) понимание характера развития сложноорганизованных систем как самоуправляемого, отказ от навязывания им путей развития, концентрация усилий на изучении собственных тенденций изменения системы и выводу ее на эти пути;

2) видение хаоса как созидающего начала (а не как досадной неприятности, которую необходимо преодолеть), поскольку из хаоса своими силами может развиваться новая организация;

3) альтернативность, нелинейность путей развития системы в точке бифуркации (ветвления) системы. При этом настоящее состояние системы определяется не только ее прошлым, историей, но и формируется в соответствии с грядущим порядком, из будущего («будущее времени настоящее»);

4) представления о том, что новое системное целое является качественно иным по отношению к системе-«прародителю» и появляются новые принципы согласования частей в целое, устанавливается общий темп развития частей;

5) в теории управления системами: тезисы о том, что главное — не сила, а правильная «топологическая конфигурация», «архитектура» воздействия на саморазвивающуюся систему, что наибольшей эффективностью обладают малые, но правильно организованные резонансные воздействия (в духе даосизма: «слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое» и т.п.);

6) важнейшим направлением становится исследование лавинообразных процессов в жизни систем, проблемы потенциального

распада сложных структур вблизи моментов их максимального развития (например, империй, крупных социальных систем);

7) теория флуктуаций по-новому ставит вопрос о соотношении закономерности и случайности в историческом процессе, а в связи с этим и о роли личности в истории: в условиях неустойчивости социальной среды в период бифуркации деятельность каждого отдельного человека может влиять на социальные процессы, стать решающей флуктуацией, определяющей аттрактор, на который выходит система [3, с. 4–5].

Синергетика выступает, предположительно, не столько как опровержение и ниспровержение детерминизма, сколько как существенная поправка к нему. Желательной моделью эволюции научного сообщества поэтому представляется не образование замкнутых и взаимно глухих к доводам оппонентов групп «синергетиков» и «детерминистов», а рациональная взаимообогащающая дискуссия сторонников разных парадигм, или «концептуальных каркасов», по К. Попперу. При этом «концептуальные каркасы, подобно языкам, выступают как барьеры; но чужой концептуальный каркас, так же, как чужой язык, не является абсолютным барьером» [7, с. 592].

Еще более эта гносеологическая неоднозначность характерна для исследования таких сложных, «многокомпонентных» систем как социум, культура. Академик М. С. Каган говорит о необходимости придерживаться боровского принципа комплементарности походов: в одних познавательных ситуациях большей объяснительной силой обладает детерминистская модель, в других синергетическая [2, с. 329].

Рассмотрим главные предпосылки подобной исследовательской позиции в области социальной философии, социально-гуманитарных наук и базирующихся на них прикладных социально-управленческих усилий. Весьма значимым представляется нам следующее суждение И. Р. Пригожина: «Искусственное может быть детерминированным и обратимым... Естественное же непременно содержит элементы случайности и необратимости» [8, с. 50]. Общество, культура, в отличие от природы, могут рассматриваться, по нашему мнению, как искусственные системы со встроеными элементами и свойствами «естественности». Это прежде всего результаты целеполагающей, проективной деятельности человека, развертывающейся в материальной практике. Представляется верной позиция

И. И. Малышко, согласно которой с возникновением общества самоорганизация перестает быть спонтанным фактором развития сложных систем, а эволюция социальных систем является результатом взаимодействия самоорганизации и организации общества, поскольку самоорганизация дополняется сознательной организацией людей для осуществления своих целей [4, с. 24]. При этом в разных сферах бытия общества соотношение искусственного и естественного, организации и самоорганизации оказывается различным. Например, в экономике, связанной с реализацией базовых (естественных) потребностей людей, роль процессов самоорганизации будет заведомо выше, чем в культуре – искусственной среде, важнейшей функцией которой является сохранение преемственности и стабильности общества.

Для нас представляет большой интерес один из первых опытов применения принципов и положений синергетической теории к исследованию социально-массовых явлений (а именно массового сознания поп-аудиторий) в работе П. В. Разина, датированной 1990-м годом. Автор отмечает, что в отличие от исследования социальных систем, которые можно характеризовать как простые детерминированные (наподобие воинского подразделения) и в которых хаос может выполнять скорее деструктивную функцию, в большинстве массовых социокультурных процессов, стихийных образований этот хаотический элемент принципиально неустрашим и играет существенную роль в их жизнедеятельности. Поэтому и представляется невозможным сколько-нибудь полное описание подобных явлений и процессов без применения достижений синергетики [10, с. 13]. Согласно П. В. Разину, поп-культура порождает некое самодостаточное образование – аудиторное пространство, представляющее собой динамический континуум жизнедеятельности более или менее широких масс людей в сфере поп-культуры и специфического типа сознания, продуцируемого в процессе этой жизнедеятельности. Поп-культура – это прежде всего взаимодействие людей, и общее количество участвующих в этом взаимодействии образует аудиторное пространство, динамическую массовую совокупность, время от времени сгущающуюся в массовые аудитории отдельных исполнителей. Появляется аудиторное пространство под «знаком» данного певца (шомена), причем реальный певец перестает быть значимым фактором порождения популярности, а выполняет

роль катализатора процесса взаимодействия индивидов на двух уровнях — объективном и информационном. Ключевым фактором, информационным «ядром» интеграции аудитории становится миф о певце, основа для поклонения ему. Соотношение стабильности и неравновесности (изменчивости) в содержании такого мифа порождает различные тенденции в развитии популярности исполнителя. Показателем устойчивости популярности выступает, по П. В. Разину, равновесие между стабильной «генеральной» версией мифа и новообразованиями; отсутствие последних при доминировании «генерального» мифа говорит о превращении мифа в жесткую неравновесную систему, группы поклонников — в устойчивую закрытую группу, что означает недолговечность будущего существования и мифа, и группы; преобладание новообразований, неравновесности над устойчивым ядром мифа есть свидетельство неустойчивости популярности, ее способности к трансформации в свою противоположность [10, с. 14, 23] (либо, как мы предполагаем, в другой «генеральный» миф). Таким образом, оптимальным вариантом системы популярности шоу-персонажа оказывается система, в которой существует гармоническое равновесие между относительно «жестким» ядром и открытой, способной к изменениям и инновациям «периферией», т.е. открытая саморазвивающаяся система. Рост популярности зависит не от личности шоу-персонажа, а от мифа о нем и соответствующего имиджа; оптимальная популярность достигается соблюдением меры между относительно консервативным «ядром» и подвижной, диверсифицированной «периферией» мифа (слухи, локальные мифы искусственного происхождения), позволяющие расширить аудиторию поклонников за счет представителей самых различных страт, идейных направлений и вкусовых ориентаций. Следует заметить, что здесь речь идет об искусственном выращивании (поддержании оптимума) системы с учетом положений синергетики (хотя в работе П. В. Разина, на наш взгляд, использование арсенала синергетических принципов только намечается, что, в общем-то, закономерно для раннего этапа разработки положений самой синергетики).

При исследовании синергетичности массовых антропосоциокультурных процессов и структур, следует иметь в виду две основные разновидности массы: толпу, как ограниченную во времени, нестабильную, стохастическую, «ad hoc» форму омассовления

индивидов, социальных агрегатов или групп, и более стабильную, конституирующую современное массовое общество «одинокую толпу» — сообщество деиндивидуализированных, манипулируемых через масс-медиа «нормальных потребителей».

В зарождении и функционировании толпы действительно можно обнаружить многочисленные события и эффекты, которые либо носят синергетический характер, либо могут быть описаны с применением концептуального аппарата и языка синергетики.

Толпа являет собой пример чередования динамического социального хаоса и порядка, в течение быстрого времени, часто лавинообразно (опять через мгновения «хаоса»), способного менять свои параметры и свойства (имеется в виду свойство *изменяемости* толпы, перехода от одного ее вида к другому, например, толпы конвенциональной, собравшейся намеренно с общей целью, в толпу стихийную, а затем паническую, как это было во время знаменитой «Ходынки»). Индивиды внутри толпы переживают эволюцию, ведущую к ситуации, когда их когнитивные и деятельностные характеристики унифицируются, приходят в унисон, и когда сами эти индивиды и вновь обретенные члены толпы могут быть описаны как своеобразные фракталы. Механизм подобной унификации индивидов в толпе с современных позиций может быть описан на основе предложенного С. Милграмом концепта «перегрузки», когда чрезмерное обилие и плотность социальных контактов ведет к превышению объема поступающей в когнитивную систему индивида информации над возможностями ее обработки, и часть нагрузки по принятию решений перекладывается на другого участника (участников) взаимодействия либо лидера [5, с. 33–34].

Особенно это касается случаев появления и многообразных трансформаций неконвенциональных (окаzionaliальных, возникших по случаю, на почве любопытства и т.п.) и панических толп. Само формирование толпы вокруг некоего события, которое может рассматриваться как флуктуация либо аттрактор толпы, предстает как лавинообразное возникновение ритмически и стилистически однородного людского «массива», краткосрочно существующей диссипативной системы, в которой все ее элементы действуют и «мыслят» единообразно, «синергично», кооперативно.

На начальном этапе формирования толпы панической можно выделить момент, который А. П. Назаретян характеризует как «оторопь»,

когда реакция на резонансное событие еще не последовала и толпа как бы на короткое время замирает в бездействии. Этот момент можно сравнить с точкой бифуркации, так как при определенном воздействии на толпу (шоковое событие – выстрел, неожиданная команда лидера, другое резонансное событие) вектор поведения толпы может быть изменен, паника предотвращена, удастся избежать колоссального материального ущерба и человеческих жертв [6]. Подобную практику можно рассматривать как применение т.н. «социальной акупунктуры», т.е. слабого правильно организованного воздействия в определенной точке социального пространства, ведущего к позитивному макроэффекту, чему учит современная социосинергетика.

Таким образом, теоретический инструментарий социосинергетики оказывается вполне применим как для анализа трансформаций социальных агрегатов в толпу, так и трансформаций одних видов последней в другие, а правильно организованные «акупунктурные» воздействия в точках бифуркации толпы могут вести к положительным макроэффектам, снижению социальных издержек. В этой связи можно говорить и об элементах интеграции *синергетического подхода* к анализу развития социума и ряда положений *социально-психологического подхода* к социально-массовым явлениям.

Рассматривая место и роль толп в историческом процессе уже не в качестве случайных, спонтанно возникающих локусов, сгущений людской массы, а как сознательно образующихся «революционных толп», мы вновь сталкиваемся с возможностью, а может быть, и необходимостью использования концептуального аппарата и языка синергетики. Ведь

революционная толпа в канун разрушения старого социального порядка может рассматриваться как фермент социального хаоса, как решающая флуктуация, через которую (благодаря которой) утверждается новый социальный порядок, формируются новые параметры социальной системы (прежде всего – политической подсистемы). Лавинообразные процессы разрушения старых политических режимов на Востоке (Тунис, Египет, 2011 г.) отправной точкой и зоной вхождения в аттрактор «невозврата» к старому состоянию политических систем имели как раз возникновение и попытки институционализации революционных («повстанческих») толп. Впрочем, это справедливо для большинства политических революций в истории человечества.

Положения современной синергетической теории наводят на размышления о современной массе как хаотическом состоянии социума, которое не только является предвестником конца старого порядка, но и служит источником рождения нового «порядка из хаоса» (И.Р. Пригожин); хотя при нынешнем состоянии дел велик риск того, что это будет уже сугубо природный «порядок», без человека и его социума. Так или иначе, в контексте синергетических представлений онтологический статус массы и социально-массовых явлений меняется: из ранга явления маргинального, периферийного масса возводится либо в ранг синергетического «хаоса», чреватого новым порядком, социальностью нового типа; либо же активность масс (толпы, великие буржуазные, пролетарские, «тюльпановые» и т.п. революции) рассматривается как мощная флуктуация, решающим образом выводящая развитие социальной системы на новый аттрактор.

1. Губин В.Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических ученых» [Текст] / В.Б. Губин // Философские науки. 2003. № 2. С. 121–155.
2. Каган М.С. Философия культуры [Текст]. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным [Текст] // Вопросы философии. 1992. № 12. С.3–20.
4. Малышко И.И. Синергетический подход к изучению социальных систем: аргументы «за» и «против» [Текст] // Полигнозис. 2002. № 3. С. 23–38.
5. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии [Текст] / Стэнли Милграм / пер. с англ. Н. Вахтина и др. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
6. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании [Текст]. 2-е изд., перераб. / А.П. Назаретян. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 160 с.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы [Текст]. Пер. с англ. М. : Прогресс, 1983. 605 с.
8. Пригожин И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой [Текст] / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
9. Прытков В.П. Оправдание синергетики [Текст] // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 146–149.
10. Разин П.В. Феномен популярности в массовом сознании: дис... канд. социол. наук [Текст]. М., 1990. 159 с.
11. Синергетика: 30-летнее дитя и его родители. Интервью с Г. Хакеном, проведенное Е. Н. Князевой в сентябре 1998 г. [Текст] // Князева Е.Н., Курдюмов, С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. С. 351–363.

КУЛЬТУРА УСЫНОВЛЕНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИНДИКАТОРЫ, ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

УДК 316.7+13

С. С. СОКОВИКОВ, О. Н. ЗАЙКОВА

Современная ситуация в российском обществе достаточно противоречива, налицо множество признаков кризисного состояния культуры. Это проявляется и в обострении демографической ситуации, и в резком расщеплении общества, и в постоянных колебаниях в шкале ценностей. Эти изменения влияют на функционирование института семьи, на ее возможности выполнения основных функций: воспроизводства населения, социализации, заботы и защиты, помощи в социальном определении подрастающего поколения. Дети оказываются «лишними», причем это касается не только маргинально-люмпенизированной прослойки российского общества, но и вполне финансово благополучных семей. Растет число детей, родители которых самоустраиваются от воспитания по различным причинам, отстраняются судом от выполнения родительских обязанностей. Сиротство в физическом и социальном смысле в современной России достигло небывалых масштабов, приобрело черты социальной болезни. Согласно статистическим данным, в России в домах ребенка, детских домах и интернатах в настоящее время находится около 800 тысяч детей. Количество беспризорных детей установить не представляется возможным — в одних источниках называется цифра от 1 до 3 млн, в других — до 5 млн человек.

Одним из оптимальных выходов из сложившейся ситуации может стать развитие института усыновления как особого социокультурного механизма, решающего не только проблемы сиротства, но и способствующего гармонизации социокультурной среды и общества. При этом необходимо рассматривать усыновление не только как социокультурный институт, но и как регулярную социокультурную практику, которая бы сочетала личную инициативу, деятельность государственных и общественных институтов.

Долгое время многие вопросы, связанные с усыновлением, в российской культуре оставались в пространстве частной жизни отдельного человека или семьи. Охраняемая законом тайна усыновления ограничивала доступ к информации, не давала возможности изучать его развитие в российской

культуре. Сравнительно недавно тема усыновления из пространства частной жизни переместилась в публичное пространство, стала предметом общественной дискуссии и научных исследований. В последнее время ставятся вопросы о том, что необходимо управлять процессом усыновления, вести поиск форм его стимулирования, повышения его культурной репутации [см., например, 4]. В последние десятилетия во многих европейских странах, в том числе и в России, усыновление нередко оказывается одним из инструментов разрушения биологических семей в руках ювенальной юстиции и международного усыновления; с этим связано значительное число скандалов, процессов и разбирательств в области нарушений прав ребенка, злоупотреблений и коррупции в этой сфере.

Несмотря на происходящие изменения в российской культуре, значительная часть вопросов, связанных с усыновлением, продолжает оставаться табуированными, на что обращают внимание авторы социальных телевизионных и радиопроектов, специализирующихся на вопросах усыновления. На этом фоне достаточно развитую и законченную форму имеет усыновление в США, что выделяет культуру этой страны из всего остального мира. По оценкам специалистов ООН, ежегодно в мире усыновляется примерно 260 тысяч детей. Значительная часть усыновлений приходится на небольшую группу стран, причем половина — на США (в 2001 году — 127 тысяч усыновлений) [см. 6]. В настоящее время усыновление является достоянием и нормой жизни в американском обществе и его культуре. Согласно статистическим данным, в США в приемных семьях живет около одного миллиона детей. Детей усыновляют от 2 до 4 процентов американских семей [8, р. 33–34]. Выбор культуры усыновления, в США в качестве одного из предметов исследования обусловлен тем, что за последние сто лет в этой стране проделана значительная работа, направленная на ресоциализацию детей-сирот и поиск мер по профилактике сиротства. Усыновление является одним из важнейших аспектов

социально-культурной жизни. Усыновленные дети являются неотъемлемой частью американского общества, многие из них играют лидирующие роли в своем окружении. После окончания Второй мировой войны многие американцы обращаются к системе международного усыновления, когда они хотят создать семьи и лучшие условия жизни для сирот и брошенных детей во всем мире. Эти семьи столь же разнообразны, как и сама Америка. Среди них существуют расширенные семьи, и супружеские пары, и семьи с разнообразием культур, и семьи, где есть всего один родитель [5, с. 74]. В последние десятилетия в США коренным образом изменилась ментальность усыновителей. Это проявляется в том, что кандидаты в усыновители осознают необходимость сохранения происхождения ребенка, его языка и культуры. Это зафиксировано в оформлении движений под названием «открытое усыновление», «культура рождения», «культурная компетентность», в формировании «позитивного языка», определяющих основные направления развития современной культуры усыновления.

Как пишут представители американских общественных организаций, в 1990 году по линии международного усыновления они приняли в семьи 7093 ребенка, в 1998 году — 15744 ребенка. Большая часть этих детей прибыла из азиатских стран, в первую очередь из Кореи. С 1955 только из Южной Кореи было усыновлено более 98 тысяч детей. За пять лет, с 1976 по 1981 гг., американцы усыновили более 5 тыс. южно-американских детей, причем почти 80% прибыли из Колумбии. В начале 1990-х было усыновлено большое число детей из восточноевропейских стран. Начиная с 1992 г. более 15 тысяч детей прибыли из России, 3900 — из Гватемалы, 11500 — из Китая [5, с. 74]. По данным члена исполнительного комитета проекта по созданию международных программ усыновления Children in families Рене Уоллиса, в США ежегодно выявляют 70–80 тысяч новых сирот, а в очереди на усыновление стоят 150 тысяч желающих усыновить ребенка. При этом в год американцы усыновляют до 80 тысяч «своих» сирот и 20 тысяч детей из других стран [5, с. 74].

Усыновление — вездесущее социокультурное явление в американском обществе [см. 7, с. 1]. Тема усыновления постоянно присутствует в СМИ. К этому следует добавить многочисленные рассказы и дискуссии в сети Интернет. В истории культуры страны усыновление является одновременно уникальным

и универсальным явлением. Представления об «идеальном усыновлении» в этой стране менялись не раз. Государственные органы власти, отдельные лица, профессионалы в области медицины, педиатрии, психологии и педагогики вносили свой вклад в создание института усыновления и формирование особой культуры усыновления в стране. Менялось восприятие усыновления, отношение к нему, появлялись и изменялись законы, позволяющие сделать усыновление безопасным, а процесс усыновления — успешным. Выступая в качестве одной из форм культуры в США, усыновление постоянно увеличивало свой потенциал в течение XIX–XX столетий. В культурном пространстве страны это явление постепенно переходило с периферии в центр, что говорит о его высоком культурном потенциале, который, безусловно, воздействует на все культурные формы и современную жизнь в обществе, на страны, с которыми связана культура американцев, в том числе и с помощью международного усыновления.

Особую актуальность для современной России обретает тема культуры усыновления как особой системы ценностей, норм и правил, способствующих решению значительного числа социокультурных проблем, поэтому недостаточно обращать внимание и исследовать только акт усыновления. Необходимо формирование культуры усыновления — как особой, динамично развивающейся системы, как совокупности целого набора различных аспектов. Несмотря на то, что термин «культура усыновления» довольно часто используется, его значение в науке пока не определено. Это проявляется в существовании множества точек зрения, различных подходов к пониманию термина. Перечислим их:

- достаточно высокий уровень качества проведения процедуры усыновления и успешная социализация ребенка в новой семье;
- совокупность регулярно проводимых после усыновления мероприятий с приемной семьей;
- положительное отношение в обществе к приемным семьям и усыновленным детям;
- широко распространенное и постоянно обсуждаемое явление, влияющее на другие культурные формы, существующие в обществе;
- открытое усыновление, когда ребенок продолжает контактировать с биологическим родственниками и приемные родители это приветствуют;

– прямое усыновление (когда ребенок прямо в роддоме от биологической матери передается в руки приемным родителям и не имеет опыта институционализации, негативно влияющей на его развитие);

– сложившаяся система, удовлетворяющая потребности людей в семье и детях, тем самым гармонизирующая социокультурную среду.

Исходя из ценностно-нормативного подхода к культуре, сторонниками которого являются В. М. Межуев, Л. Н. Коган [см. 2], Н. С. Злобин, а также нормативного подхода, выделяемого Л. Г. Иониным, В. Давидовичем и Ю. Ждановым [см. 1], мы определяем «культуру усыновления» как оптимальное восполнение системы семейных отношений с помощью усыновления (удочерения) ребенка (детей) в соответствии с ведущими нормами, ценностями и традициями конкретной культуры. И, что чрезвычайно важно, внутрисемейными традициями, субкультурными ценностями и особым, свойственным каждой конкретной семье, проективным образом своего оптимального состава и состояния [см. подробнее о проективности З, с. 45–53]. При этом отмечаем, что культура усыновления – социально-антропологическое явление, включающее процесс вращения человека в семью, представленное в каждом обществе в различных модификациях, имеющее богатую историю и длительную традицию. Введение в научный оборот данного определения позволяет увидеть, зафиксировать спектр проблем, особенности формирования

усыновления в различных типах культур, спрогнозировать варианты развития явления.

При рассмотрении американского и российского опыта усыновления нами выделен ряд критериев (культурных индикаторов), с помощью которых проведен сопоставительный анализ культуры усыновления в России и США. Среди основных индикаторов необходимо выделить:

– происходящие изменения в обществе, касающиеся представлений об идеальном образе семьи и ее структуры;

– изменения в подходах к удовлетворению потребностей людей в достаточной полноте структуры семьи;

– динамика социокультурных факторов, приводящих к процедуре усыновления (традиции, социально-правовые механизмы, изменения, происходящие в обществе по отношению к усыновлению);

– основные подходы, касающиеся требований к приемным родителям.

Исходя из предложенной дефиниции, учитывая набор индикаторов, можно говорить, что нами выделены существенные компоненты культуры усыновления, находящиеся в динамическом соотношении друг с другом, которые можно представить в форме модели.

Фундаментальными основаниями культуры усыновления являются важнейшие универсалии культуры «Дом», «Семья» («Родство») и «Общество», функционирование которых определяется системой ценностей конкретного общества.

Под влиянием системы ценностей в обществе формируется оптимальный образ структуры семьи и ее функций.

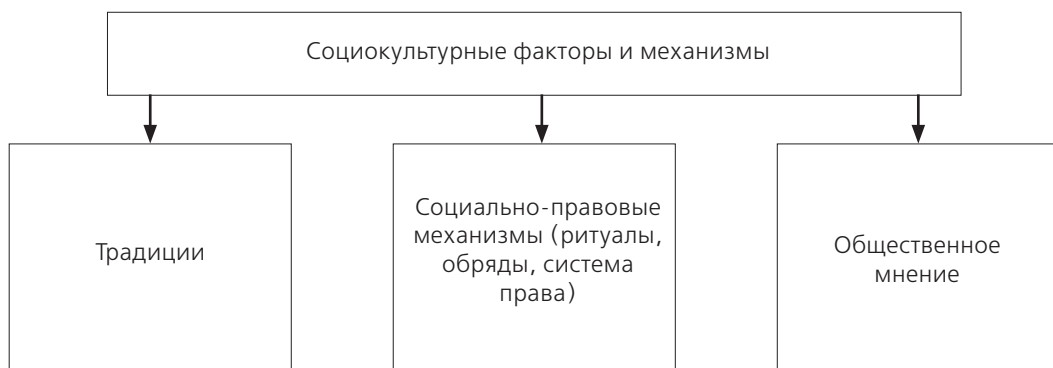
Исходя из особенностей оптимального образа структуры и функций семьи в обществе оформляются социокультурные потребности трех субъектов культуры (детей-сирот, нуждающихся в семье, семей, стремящихся

к оптимизации своей структуры и общества, заинтересованного в самосовершенствовании, а значит, и совершенствовании семейной культуры).

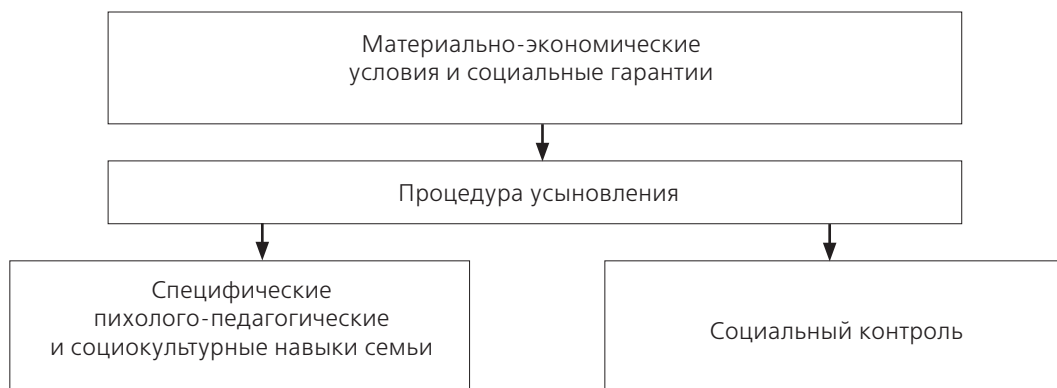
Потребности указанных субъектов могут быть удовлетворены при наличии определенных социокультурных факторов и механизмов, приводящих к процедуре усыновления. Среди различных факторов особое значение

обращают традиции, социально-правовые механизмы (ритуалы и обряды, система правовых норм). В современных обществах растет значимость третьего фактора – системы общественного мнения.

Вероятность осуществления процедуры усыновления зависит от материально-экономических условий и социальных гарантий, предоставляемых профессиональными коллективами, работодателями, обществом и государством. Успешная реализация процесса усыновления зависит от наличия у семьи особых психолого-педагогических и социокультурных навыков и существующих в обществе способов социального контроля. Развитие культуры усыновления предполагает проведение работы с семьей, направленной не только

на психолого-педагогическое, но и языковое, социокультурное (в широком смысле) сопровождение. Это могут быть различные формы знакомства с историей, культурой, образом жизни и др. Особое внимание уделяется контролю за жизнью приемной семьи. Он осуществляется не только в виде отчетов, представления фотографий, переписки с семьей и посещений, но и в организации различных мероприятий, а также консультаций и других форм помощи семьям, оказавшимся в сложных ситуациях.

Культура усыновления существует и формируется не изолированно, она родственна другим типам культур по функциям, объектам и форме, отличаясь по структуре и особенностям функционирования. Перечислим основные типы культуры, с которыми связана культура усыновления. Первый тип — культура полной семьи. Проблемы, возникающие в семье, не связаны с усыновлением. Второй тип — культура общественно-государственного призрения. Ее основные задачи — разработка норм и реализация опеки над осиротевшими детьми, институционализация сирот. Это реализуется в работе системы детских домов и домов ребенка, приютов и пр. В этой культуре личностный фактор не имеет особого значения, культура в значительной степени формализована и обезличена. Третий тип — различные субкультуры, занимающиеся спонтанной саморегуляцией проблем детей — сирот и детей, находящихся вне семьи. Это различные субкультуры беспризорных, безнадзорных и бездомных людей. Они лишены институциональных форм и существуют как субституты — неполноценные, нередко уродливые имитации семьи и семейных отношений. При этом стоит сказать, что первый тип является, как правило, самодостаточным. Второй и третий тип — компенсируют проблемы неполноты семьи, однако это удается им недостаточно эффективно; указанные типы культуры, в том числе и культура усыновления, направляют внимание на формирование идеальной семьи. В развитии третьего типа культуры довольно часто возникают деструктивные варианты развития событий. Только культура усыновления может способствовать формированию полноценной семьи.

При этом следует сказать, что представленная нами модель, несмотря на схематичность,

вполне соответствует социокультурному циклу явления и представляет феномен в системной полноте с включением всех механизмов в оптимальном варианте. Даже представленная в таком виде модель может помочь в исследовании различных ситуаций, ее использование позволяет делать прогнозы, сверять планируемые изменения в сфере усыновления.

Сравнение культуры усыновления в США и России позволяет говорить о том, что она имеет разный социокультурный базис и представляет собой разнонаправленные движения. Российский опыт строится на основе тайны усыновления, в результате отличается закрытостью, переходит в определенные социальные ниши — в юридическую практику, в практику работы судебных органов, органов опеки и попечительства. Закрытость процесса усыновления во многом обусловила появление и развитие неподконтрольных ситуаций, практику создания «серых» схем, различного рода нарушений и злоупотреблений, сложностей в управлении и контроле. Сосредоточение внимания на юридической стороне вопроса не позволяет предвидеть все сложности и риски усыновления. Кроме того, культура усыновления в США отличается целостностью, определенной степенью законченности и сформированности. Российская практика в сфере усыновления, напротив, фрагментарна, в ней недостаточно проработаны многие этапы процесса создания и сопровождения семьи.

В США культура усыновления характеризуется общественной прозрачностью (транспарентностью), что обеспечивает эффективный контроль и помогает формировать положительный образ этого процесса в обществе. Возраст детей, проблемы

со здоровьем и в развитии не являются препятствием на пути к созданию приемной семьи, потому что родители точно знают, что при возникновении сложных ситуаций они всегда могут рассчитывать на помощь в их решении значительным числом способов.

Для российской социокультурной ситуации пока важнейшей задачей остается определение основных направлений работы и путей по оптимизации культуры усыновления в современных условиях. Необходимо понимать, что она является элементом семейной культуры и ее изменения связаны с изменениями культурных установок, стереотипов, формирующихся в течение нескольких поколений людей. Невозможно быстро сформировать и внедрить новую социокультурную модель, изменить отношение в обществе к приемным семьям и сформировать новые представления в отношении детей, лишившихся семьи. Невозможно переносить инокультурный опыт в этой сфере без учета особенностей и богатства российской истории и культуры.

Если рассматривать всю историю культуры усыновления в российском государстве, то явно прослеживается тенденция сведения усыновления к правовой культуре. То есть на уровне общественного сознания присутствует установка: решение проблемы раз и навсегда обеспечит принятие определенных законов. Видимо, такая установка связана с основной духовной ориентацией русской культуры, которую исследователи обозначают как фетишизация государственной власти, убеждение в зависимости всей жизни граждан от нее. Фетишизация власти, таким

образом, продолжает оставаться культурным фоном российской действительности.

В начале XXI в. происходят изменения в российской культуре усыновления, но пока все же усыновление отличается инертностью, менее упорядочено, описано и исследовано, чем в культуре европейских стран и стран Америки. Оно не влияет на центральные культурные формы. Это положение дает нам основания характеризовать усыновление в России пока как периферийную форму культуры. Скорее всего, с этим связано и то, что усыновление в отечественной науке рассматривается как прикладная тема, как способ решения различных проблем, возможно, с этим связано отсутствие серьезных специальных его исследований.

В силу наличия значительного числа социальных движений, истинные цели и интересы которых не вполне ясны и не прозрачны, отношение к усыновлению в настоящее время в российской культуре достаточно противоречиво — от положительного и нейтрального до резко отрицательного, что зависит от обсуждаемого аспекта. Отсутствие четкой и целостной идеи развития российского государства приводит к отсутствию четко действующей системы усыновления, которая бы, во-первых, объединяла усилия государства, общественных институтов и рядовых граждан, во-вторых, способствовала бы превращению тезиса об усыновлении как «наиболее оптимальной и предпочтительной форме устройства детей, оставшихся без попечения родителей» из декларации в естественный процесс, в норму культуры и внутреннюю потребность людей.

1. Ионин Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 1998. 278 с.
2. Коган Л.Н. Социология культуры: учебное пособие; рец. Б.С. Павлов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 120 с.
3. Сокоиков С.С. Проективность в социокультурных практиках: опыт культурологического очерка [Текст] / С. С. Сокоиков // Вестник Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2008. № 3. С. 45–53.
4. Топоркова Е. П. Формирование мотивации к адопции средствами тематических телепередач: управленческий аспект [Текст]: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / Топоркова Е. П. Чит. гос. ун-т. Чита, 2011. 190 с.
5. Хардинг Т. Гаагская конвенция 1993 года по защите детей и сотрудничеству в вопросах международного усыновления // Международное усыновление: проблемы правового, психолого-педагогического сопровождения детей — граждан Российской Федерации в семьях иностранных граждан: материалы 2-й конф. по международному усыновлению (май 2001 г., г. Сочи). М.: МЦНОВ, 2001. С. 72–80.
6. Щербакова Е. Усыновление: мировые тенденции [Электронный ресурс] / URL: <http://madan.org.il/node/1095/edit> (дата обращения: 13.06.2012).
7. Adoption in America. Historical perspectives [Текст] / edited by Wayne Carp. US.: University of Michigan Press, 2007. 257 p.
8. Kathy S. Stolley Statistics on Adoption in the United States, Future of Children 3(spring 1993) [Текст] / S. Kathy. US.: University of Michigan Press, 2008. P. 33–34.

ВЛАСТЬ ОБРАЗОВ ЭЛЕКТРОННЫХ МЕДИА

УДК 001.1:316-101.1:316

Е.Г. ПРИЛУКОВА

Человек всегда мечтал о совершенном или универсальном языке. Мартин Хайдеггер подчеркивал тотальность языка как первичной философской данности. Однако мы не рассматриваем его положение как отказ от других средств передачи сообщения, их достаточно много сформировалось в процессе развития человека. Более того, каждый новый способ передачи сообщений позволял человеку выйти вовне – в социальный мир. Благодаря чему «формируется новое отношение соотношения всех чувств» [7, с. 61].

Поэтому все средства передачи сообщения есть специфический язык – язык как система знаков. Обратим внимание, что в философском плане язык есть некоторое пространство мысли (идеального), где осуществляется согласование всех сфер сущего. Именно в нем закрепляются и фиксируются смыслы, конституирующие бытие, потому что язык, репрезентируя собой фрагмент бытия, дает ему возможность существовать в человеческом мире. Только означенное бытие начинает раскрываться для человека, а он для бытия.

Развитие средств массовой коммуникации и информации в небывалых ранее масштабах, обусловленное внедрением достижений компьютерной революции ведет к формированию глобальной «электронной деревни». Эти изменения постепенно происходят в различных странах мира независимо от уровня их социально-экономического и социально-политического развития. Сами средства коммуникации превращаются в стимул потребления информации и дальнейшего развития коммуникационных технологий. В результате формируется многомерное медиaprостранство, которое по своей природе виртуальное: «Ничто не отражается в своем истинном виде ни в зеркале, ни в пропасти, которая являет собой ни что иное, как раздвоение сознания к бесконечности» [3, с. 9]. Однако его проявление в обществе носит далеко не виртуальный характер, так как оно становится не только каналом трансляции духовных ценностей, но и средством, задающим их.

В медиaprостранстве неизбежно встречаются различные культуры, устанавливается общение. Одновременно формируется мозаичная картина мира и система духовных ценностей и ориентаций. Рождается «индустрия смыслов и ценностей» в виде различных «фабрик грез», представленных различными государственными, политическими и социальными институтами.

В виртуальном пространстве массмедиа возникает глубоко содержательный текст, включающий комбинации многочисленных знаков и символов. Теперь «все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются ни на что реальное (причем друг на друга они так хорошо, так безупречно обмениваются) именно постольку, поскольку не обмениваются ни на что реальное. Эмансипация знака: избавившись от «архаической» обязанности обозначать нечто, он, наконец, освобождается для структурной, то есть комбинаторной игры по правилу полной неразличимости и недетерминированности, сменяющему собой прежнее правило детерминированной эквивалентности» [4, с. 52].

Следует обратить особое внимание на специфику языка текста – это язык образов-симулякров, что достаточно полно представлено в функционировании каналов телевидения и сети Интернет. Все тексты содержательны и наполнены смыслами, формирующими общественное и индивидуальное сознание – они заключают в себе определенные идеи-смыслы, что в социальном аспекте можно охарактеризовать как отражение внешнего мира.

На основе формирующего образа в головах людей в процессе восприятия симулякров складывается ценностный образ. Данная особенность восприятия хорошо известна создателям образов, что привлекает внимание к их производству со стороны власти. Если на начальном этапе своего развития электронные медиа считались проявлением свободы и условием развития демократии, то сегодня их деятельность создает благоприятные условия для формирования общества. Таким образом, в руках медиа концентрируется огромная власть. Содержательная

наполненность образов массмедиа определяется интересами тех, на чьи средства они функционируют.

В современной социокультурной ситуации с помощью образов электронных медиа формулируются и тиражируются все ценности общества и индивида, что позволяет сформироваться новой социальной общности, которую научное сообщество определяет как общество Сети. Основой этой общности являются не духовные ценности, а схожесть повседневных проблем. Образы под прикрытием «нейтральной» позиции формулируют и тиражируют представления о значимости того или иного события в данный момент в данном обществе, создавая смысловое содержание, где господствуют интерпретация и переинтерпретация событий в русле преобладающих взглядов о «здоровом смысле» и современных духовно-ценностных представлениях.

Появляется огромное количество программ, построенных по правилам шоу и телесериалов, где все и всё узнаваемо, властвующая элита с удовольствием и активно в них принимает участие. Мир политического предстает в виде некоего внутреннего ее дела. Определенный подбор кадров и ракурс в демонстрации событий задает упрощенный взгляд на общество. Мнения обозревателей-аналитиков воспроизводят мнение тех, кто обладает государственной и экономической властью. Крайне редко предполагается включение альтернативных мнений и оценок со стороны большого числа экспертов. Благодаря механизмам «стереотипизации» массового сознания распространяется идеология властвующих и зритель вовлекается в процесс, где замыслы поступков героев экрана четко внушаются обществу.

Содержание образов, демонстрируя образцы ценностей и смыслов, не просто описывает реальность, но и задает способы объяснения и разрешения проблем. Непосредственное человеческое взаимодействие «умирает» — оно подменяется высокими технологиями.

Человек оказывается в знаково-символическом мире, где знаки и символы как идеальные заменители — образы реальности — подменяют собой реальный мир и «ведут» его в мир виртуальный. В формирующейся виртуальной реальности «вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения,

они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [3, с. 12].

Идеи осмысления своей жизнедеятельности позволяют человеку ориентироваться в окружающей социальной действительности и решать проблемы ее регуляции, они приобретают главенствующий характер в наполнении пространства медиа. Неслучайно в последнее время «возрастает» интерес к историческим событиям в образах-симулякрах на телевидении и в Интернете. В качестве яркого примера можно назвать цикл передач «Поединок» и «К барьеру!», где не просто даются оценки истории, но и задается ее видение. В них постоянно звучит призыв к чертам национального характера, менталитета, традициям, которые позволяют личности найти ориентиры среди других людей.

Наиболее актуальной для современного глобального информационного пространства становится универсальная общечеловеческая объединяющая идея, в первооснове своей обращенная к религиозной составляющей ценностей и смыслов жизнедеятельности человека.

Политические и социально-экономические преобразования в современной России привели к тому, что в стране произошла смена жизненных смыслов: от тоталитарного коммунизма к либеральной демократии. Образы благополучия и сиюминутного успеха предоставили гражданам картину новой реальности посткоммунистической России. Однако эти образы не имели ничего общего с самой реальностью, они были всего лишь подобием американского благополучия. Смена названий улиц (отказ от имен героев советской эпохи), магазинов (супермаркет, бутик), должностей (губернатор, мэр), властных структур (парламент, президент) и т. п. сама не приводила к построению общества благополучия в России. Эйфория победы демократии и «праздник свободы» сменились повседневными буднями, которые требуют от человека постоянной работы над собой — не образ и слова о красивой жизни, а построение этой жизни. Человек, привыкший

в Советском Союзе жить по четко заданному ритму и правилам распределения, оказался один на один с формирующимися рыночными отношениями, зарождающимся капитализмом и самим собой. Попытку решить проблемы человека в этих условиях взяло на себя телевидение, а затем и Интернет: они предлагают, советуют, рекомендуют, обучают, воспитывают, помогают, успокаивают и т. п.

Сеть и экран стали надежными и верными «помощниками» человека в новой социально-политической и экономической реальности. В его сознание «проникли» образы, которые постепенно приобрели свою власть над ним. Фактически знаки и символы стали реальностью, в которой пребывает человек – нереальное становится реальным в пространстве медиа – «сообщение важнее события, знание первично, тела и вещи вторичны» [6, с. 140]. Происходящие события оцениваются не с точки зрения рациональности, а с позиций эмоциональности и зрелищности. Об этом писал Ж. Бодрийяр, что образ взял верх над реальностью [2]. Произошел «переворот» миров благодаря симулякрам. Человеку стало достаточно трудно ориентироваться в мире реальном, прежде всего он обращается к образам медиа, которые когда-то так или иначе демонстрировали реальность. Он начинает жить по правилам, заданным образами экранных массмедиа: событие было таковым, ели об этом сообщили средства массовой информации. На улицах больших городов и малых населенных пунктов, в государственных учреждениях жизнь замирала во время трансляции «оздоровительных» сеансов народного целителя А. Чумака и психотерапевта А. Кашпировского. Никто даже не пытался услышать и задуматься об отчаянном крике врачей скорой помощи, что число их вызовов резко возрастало после этих «чудодейственных» сеансов-зрелищ. Так образ квалифицированных медицинских услуг заменил сами услуги. В средствах массовой информации, которые регулярно «лечили» население страны, разгорелись дискуссии о пользе и вреде его, соответственно общество разделилось на три большие социальные группы: сторонники, оппозиция и нейтральные. Таким образом формировалась новая социальная общность – телевизионная.

С появлением Интернета, дальнейшим развитием техники массовой коммуникации и применения различных

высоких технологий воздействия на аудиторию число дисциплинарных практик значительно возросло. Экранные сообщения буквально «захватили» человека, поглотили его и погрузили в мир ярких образов. Грань между вымыслом и реально существующим исчезла. Образы оказались более правдивыми и привлекательными – истина и ложь стали неразличимы. Довольно трудно определить, где в студии «Прямого эфира» М. Зеленского на канале «Россия 1» эфир прямой. Представления о профессиях стали задаваться образами кино- и телегероев, на что указывают многочисленные социологические исследования.

В современном российском обществе возникают устойчивые социальные сети, в которых преодолевается персонализированный характер традиционных отношений между людьми, формируются новые социальные группы на основе коллективной интенции и наличия общего интереса [5].

Пространство симулякров – территория, открытая для человеческого взаимодействия, где, с одной стороны, расширяются границы его личного мира и ее возможностей и, с другой, ему навязывается образ мира и образ личности, задается портрет «героя нашего времени».

Хорошо известно, что человек приходит в мир культуры, где рождается особый текст – формирующаяся личность, которая являет собой место порождения и проявления значений, дающих начало и смысл культуре. В основе личности заложено «изначальное влечение» «Я» человека к смыслу, которое оно находит в сублимированных формах – формах культуры. Вместе с Я существуют Другие. Взаимодействие Я и Других осуществляется с помощью языка, потому что «пользуясь языком, мы обречены как бы «разыгрывать» собственные эмоции на языковой сцене: в известном смысле можно сказать, что не мы пользуемся языком, а язык пользуется нами, подчиняя какому-то таинственному, но властному сценарию. «Тайна», впрочем, давно раскрыта, и заключается она в том, что никакая непосредственность посредством языка невозможна в принципе потому, что по самой своей природе язык всегда играет опосредующую роль: он вообще не способен «выражать» чего бы то ни было («выразить» боль или радость можно только инстинктивным криком или междометием),

он способен *называть, именовать*. Специфика языковой номинации в том, что любой индивидуальный предмет (вещь, мысль, эмоция) подводится *под общие категории*, а последние вообще не умеют улавливать и удерживать «интимное», «неповторимое» и т. п. Будучи названа, любая реальность превращается в знак этой реальности, в условную этикетку, под которую подходят все явления данного рода: номинация не «выражает», а как бы «изображает» свой предмет. Язык выполняет двойственную функцию: с одной стороны, среди всех семиотических систем он является наиболее развитым средством общения, контакта с «другим»; только язык дает индивиду полноценную возможность объективировать свою субъективность и сообщить о ней партнерам по коммуникации; с другой стороны, язык *предшествует* индивиду, *преднаходится* им; до и независимо от индивида он уже определенным образом организует, классифицирует действительность и предлагает нам готовые формы, в которые с неизбежностью отливаются всякая субъективность. Парадоксальным образом, не вынеся одиночества

и решившись доверить «другим» свои, быть может, самые сокровенные «мысли и чувства», мы *тем самым* отдаем себя во власть системы языковых «общих мест», «топосов» — начиная микротопосами фонетического или лексического порядка и кончая так называемыми «типами дискурса». Мы становимся добровольными пленниками этих топосов, которые в прямом смысле слова делают утопичной (атопичной) всякую надежду личности прорваться к «своей» эмоции, к «своему» предмету, к «своей» экспрессии («...экспрессивность — это миф; экспрессивность на деле — это всего лишь условный образ экспрессивности»)» [1, с. 341].

В условиях виртуальной реальности Я и Другой постоянно множатся и просто поглощаются ею в цифровом формате. Все ценности превращаются в образы ценностей, что использует власть в своей деятельности, конструируя реальность, преподнося события в том свете, который отвечает интересам тех или иных групп власти. Поэтому возрастает значимость самого человека, а не его образов, так как сам человек создает образы.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 816 с.
2. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. Искусство кино, 1992. № 10. С. 64–70.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 2-е изд. [Текст] / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2006. 258 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2006. 399 с.
5. Духовная культура современного российского общества: мнение населения и экспертов [Текст] // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. № 1, 2005. М.: Изд-во РАГС, 2005. 204 с.
6. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры [Текст] / М. Маклюэн. Киев: Ника-Центр, 2003. 432 с.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ: АПОКАЛИПСИС КАК ДИАГНОЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 629.76(571.12)(093)

С.С. ЗАГРЕБИН

Мировая и российская культурная и научная общественность в 2012 году отмечает 80-летие великого режиссёра XX века Андрея Тарковского (1932–1986). Художественное наследие режиссёра: фильмы, книги, публичные выступления и интервью рассматриваются сегодня как единое философское послание, как диалог со временем и с человеком нашего времени. Тарковский обладал удивительным талантом художественного общения со зрителем, вступая с каждым в интимный диалог, не со всеми зрителями сразу, а именно с каждым персонально, побуждая к сотворчеству и самопознанию. При этом бывали моменты, когда Тарковский обращался к человечеству в целом, это происходило тогда, когда режиссёр говорил об Апокалипсисе как диагнозе нашего времени.

Признаки надвигающейся катастрофы Тарковский видел в утрате духовности и нравственных принципов, как отдельным человеком, так и обществом в целом. Режиссёр не связывал этот процесс с определённой идеологией или политической системой. Тарковский всегда дистанцировался от советской диссидентствующей интеллигенции, понимая миссию художника не в политическом протесте, а в пробуждении у людей лучших человеческих качеств, в побуждении каждого человека к опыту нравственного самопознания. Вынужденная эмиграция не изменила принципов жизни и творчества режиссёра. На Западе Тарковский увидел те же признаки духовного кризиса, о которых говорил в своих фильмах, снятых в Советском Союзе. В дневнике режиссёра есть запись: «Материализм поразил западную жизнь и парализует её. Здесь материализм — действительно в действии. В России же не материализм, а антиидеализм. Что то же, что идеализм, но наизнанку» [4, с. 505]. Этот «идеализм наизнанку» всё же оставлял человеку шанс переосмыслить собственную жизнь, нравственным усилием обрести истинные ценности, которые режиссёр воспринимал через христианские духовные традиции. Тарковский не был публицистом или проповедником, он всегда остался художником и выражал свои идеи средствами киноискусства.

В фильмах режиссёра часто звучит тема «личного апокалипсиса», то есть духовного кризиса личности, осмысленного в опыте

экзистенциального переживания. Эта тема была заявлена в первом полнометражном фильме режиссёра «Иваново детство» и визуализирована образами гравюры «Четыре всадника Апокалипсиса». Камера вместе со зрителем пристально рассматривала шедевр Альбрехта Дюрера, запечатлевшего слова Откровения: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей... И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откр. б. 1–8).

В фильме «Андрей Рублёв» данная тема разрабатывается в контексте трагичных страниц русской истории: междоусобных распрей и иноземного владычества. Причём глобальные исторические события показаны режиссёром как своеобразные следствия духовного кризиса отдельного человека. Властолюбие, стяжательство, предательство и иные человеческие пороки губят не только отдельную душу, но и несут страдания целым народам. Альтернативой может стать исключительно **Любовь как нравственный выбор личности.** Одним из кульминационных эпизодов фильма является момент обретения Андреем Рублёвым глубинной истины, запечатлённой в простых и гениальных словах из Первого послания апостола Павла Коринфянам. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять,

а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» (1 Кор. 13. 1–8).

В фильме «Солярис» главный герой астронавт Крис Кельвин обретает эту истину, лишь оказавшись в глубинах галактики. Соприкоснувшись с непознанным, пережив терзания разбуженной совести, Крис Кельвин формулирует смысл и назначение научно-технического прогресса и человеческой жизни в целом: *«До сегодняшнего дня Человечество, Земля были попросту недоступны для любви... А может быть, мы вообще здесь для того, чтобы впервые ощутить людей как повод для любви. А? ... Стыд — вот чувство, которое спасёт Человечество...»* Другой персонаж фильма Снаут говорит об этом проще и безысходнее: *«...Должен вам сказать, что мы вовсе не хотим завоёвывать никакой Космос. Мы хотим расширить Землю до его границ. Мы не знаем, что делать с другими мирами. Нам не нужно других миров. Нам нужно зеркало...»* Человек должен прежде всего понять самого себя, ощутить в себе собственное предназначение, определить смысл собственной жизни.

В фильме «Зеркало» главный герой не появляется на экране, его внутренний голос звучит за кадром. Этот почти литературный приём, когда лирический герой вроде бы отсутствует, но его мысли и чувства передаются читателю. В фильме «Зеркало» взгляд камеры идентифицирован со взглядом главного героя — Автора. И мы, зрители, начинаем воспринимать всю ткань фильма как бы изнутри, идентифицируя уже самих себя с Автором. Исповедальный монолог Автора становится поводом к самопознанию зрителя. Тарковский замыслил образ Автора как человека, лишённого веры в Бога и страдающего этим неверием. В этой безвыходности Автор стремится обратить внутренний взор в своё прошлое, в детство, где пытается найти что-то самое важное, ценное, некую духовную опору. В фильме Автор вернулся во времени к самому себе, прозрел всю свою жизнь и принёс покаяние, однако покаяние, не обращённое к Богу, стало не спасением, а явилось приговором. Пройдя тяжкий путь осмысления собственной жизни, главный

герой погибает, оставляя зрителю шанс обрести себя в опыте нравственного самопознания.

Тарковский ставит своих героев в ситуацию экзистенциального выбора, проявляющего сущностную природу человека, способствующего началу процесса самопознания. В фильме «Сталкер» три человека устремляются в некую Зону — особо охраняемую область, где, по преданию, исполняются желания. Сталкер — проводник в Зону — ведёт за собой Писателя и Профессора как олицетворение двух способов миропонимания — эмоционального и рационального. Путь в Зону становится процессом обретения человеком самого себя в условиях смертельной опасности. Глубинная цель Сталкера состоит в пробуждении веры в потерянных и разочарованных душах. Главные идеи фильма спрятаны в ткань повествования. Тарковский был категорическим противником дидактизма в искусстве. Мысль должна быть не сформулирована, а прочувствована. **Вера должна стать фактом духовного опыта каждого конкретного человека.** Собственно, религиозность для Тарковского являлась не какой-либо абстрактной темой в искусстве, а единственно возможным способом существования художника.

Тема Апокалипсиса особенно остро звучит в двух последних фильмах режиссёра, сделанных на Западе: «Ностальгия» и «Жертвоприношение». На встречах с европейскими зрителями Тарковский подчёркивал: «Я всячески приветствую западную демократию, но должен вам сказать, что она отняла у человека необходимость ощущать свою духовность... Мы утратили нашу духовность, мы перестали в ней нуждаться... Под духовностью я прежде всего имею в виду интерес человека к тому, что называется смыслом жизни... Для чего мы живём? Каков смысл нашего присутствия на этой планете?» [6, с. 98–100]. И ещё: «Мы живём в очень тяжелое время, и сложности его усиливаются с каждым годом... Мы можем вспомнить, что уже не раз говорилось о приближении апокалиптических времен... Это может случиться завтра, это может случиться через тысячелетие. В том-то и смысл такого духовного состояния человека, который должен ощущать ответственность перед собственной жизнью... Мы живем в ошибочном мире... Мы не развиваемся гармонически, наше духовное развитие настолько отстало, что мы уже являемся жертвами лавинного процесса технологического роста... Личность не имеет никакого значения... Мы теряем то, что нам было дано с самого начала, — свободу выбора, свободу воли. Вот почему я считаю нашу цивилизацию ошибочной».

Главные герои «Ностальгии» и «Жертвоприношения» в художественной форме выражают идеи Тарковского. В фильме «Ностальгия» тема Апокалипсиса звучит особенно остро. Один из центральных персонажей фильма, Доменико, предпринимает отчаянную попытку актом самосожжения донести до людей осознание гибельности бездуховного существования. Свою горькую проповедь Доменико совершает, взобравшись на конную статью Марка Аврелия на Капитолийском холме в Риме. Примечательно, что по древней легенде именно здесь должна прозвучать весть о конце света.

В речи Доменико, в нагромождении чувств и слов, переполняющих его разум и душу, прорываются самые важные, базовые постулаты Веры. Слова Доменико о простоте жизни фактически несут истину о простоте Создателя жизни — о простоте Бога. Где простота есть целостность, причём целостность Абсолюта. Человек, терзаемый страстями, — «сложен», его мысли и чувства постоянно устремляются к разным предметам, разрывая его существо, как говорит Доменико: «Я не могу примирить мои мысли с моим телом. Вот почему я не могу быть всегда одним и тем же. В единый миг я могу ощущать бесконечное множество явлений». Между тем, есть только один центр притяжения, достойный внимания, — Создатель жизни и человека — Бог. В словах Доменико есть ещё один важный тезис: «Мы должны вслушиваться в голоса, которые лишь кажутся нам бесполезными». Бог, будучи Абсолютом, всегда открыт человеку, всегда сообщает ему о Своем присутствии множеством способов, и нужно лишь открыть свою душу для того, чтобы услышать, ощутить присутствие Бога. Ибо Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2, 4). И призыв к людям вернуться туда, где они «вступили на ложный путь», означает побуждение мысленно возвратиться к первопричине всех человеческих страданий — греху, постигшего первого человека, осознать свою ответственность в преодолении катастрофических для всего человечества последствий грехопадения. «И стараться не замутить воду», что означает постоянное деятельное противоборство страстям и беззакониям человеческим. Как сказано было преподобным Макарием Египетским: «Источник изливает чистую воду; но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину, — весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, срастворится с пороком» [1]. Человечество должно обратиться «к истокам жизни», что значит к Истине — к Богу.

«Доменико чувствует свою действительную ответственность перед жизнью, если берёт

на себя смелость совершить такой поступок», — писал Тарковский, подчёркивая, что Доменико «решается на самосожжение, чтобы этим крайним, чудовищно атрактивным поступком продемонстрировать людям своё бескорыстие в безумной надежде, что они прислушаются к его последнему крику предостережения» [3, с. 326–327]. Необходимо отметить, что поступок Доменико не следует трактовать как самоубийство, это не сознательный и продуманный уход из жизни, а своеобразный «крик души», обращённый к людям.

В фильме «Жертвоприношение» главный герой Александр, ощущая ужас надвигающегося Апокалипсиса ядерной войны, отрекается от всего самого дорогого в жизни — сына, семьи, дома во имя спасения мира. В начале картины звучит очень важный диалог — разговор отца с сыном о судьбах мира. Александр изливает перед сыном всё выстраданное и передуманное многократно, говорит о глобальном кризисе современной технократической цивилизации, пренебрегшей ценностями духовными: «Видишь ли, сынок, мы заблудились. Люди — все люди, человечество идёт по какому-то ошибочному, страшно опасному пути... Мы пришли к ужасной дисгармонии, несоответствию, то есть — между развитием материальным и духовным. Наша культура, вернее, цивилизация в корне ошибочна, сынок. Ты скажешь, что можно изучить проблему и сообща искать выход. Может быть. Если бы не было так поздно. Слишком поздно...» Выход из тупика стараются найти Доменико и Горчаков в «Ностальгии», как и Александр в «Жертвоприношении», постепенно обретая убеждённость, что лишь **Любовь и Вера способны спасти отдельного человека и всё человечество. Любовь жертвенная и Вера самоотверженная.**

В 1984 году в рамках Сент-Джеймского фестиваля в Лондоне была организована ретроспектива фильмов режиссёра, прошли встречи со зрителями. В одной из лондонских церквей Тарковский произнес «Слово об Апокалипсисе», в котором сказал: «Апокалипсис — самое великое поэтическое произведение, созданное на земле. Это феномен, который по существу выражает все законы, поставленные перед человеком свыше... Что такое Апокалипсис? Как я уже сказал, на мой взгляд, — это образ человеческой души с её ответственностью и обязанностями... Каждый человек переживает то, что явилось темой Откровения святого Иоанна. То есть не может не переживать. И в конечном счёте поэтому, именно поэтому мы можем говорить, что смерть и страдание по существу

равнозначны, если страдает и умирает личность или заканчивается цикл истории, и умирают и страдают миллионы». Тем самым Тарковский заявляет о равнозначности и равноценности жизни одного человека и жизни человечества, о равновеликости микрокосма и макрокосма. Тарковский подчёркивал: «...неверно было бы думать, что Апокалипсис несёт в себе только концепцию наказания. Может быть, главное, что он несёт, — это надежда» [5, с. 97, 98]. В понимании Тарковского — **Апокалипсис не только диагноз бездуховного состояния человечества, но это и надежда, вера в грядущее торжество вселенской справедливости.**

Подобное понимание Апокалипсиса было выражено Тарковским в фильме «Андрей Рублёв». В одной из новелл показаны творческие терзания иконописца, обдумывающего роспись «Страшный Суд» в Успенском соборе во Владимире. В христианской традиции Страшный Суд всегда трактовался весьма сурово. Так, преподобный Ефрем Сирийский пишет: «Христололюбивые братие мои, послушайте о втором и страшном пришествии Владыки нашего Иисуса Христа. Вспомнил я об этом часе и вострепетал от великого страха, помышляя, что тогда откроется. Кто опишет это? Какой язык выразит? Какой слух вместит в себе слышимое? ...Когда помышляю о сем, страхом объемлются члены мои, и весь изнемогаю, глаза мои источают слезы, голос исчезает, уста смыкаются, язык цепенеет и помыслы научаются молчанию...» [2]. В фильме убедительно показано, что Андрей Рублёв осознаёт тему Страшного Суда как вселенский праздник, как великую радость встречи со Спасителем, как торжество справедливости, как воздаяние обидчикам и угнетателям. Как в Библии сказано: «Да ликуют вместе все деревья дубравные пред лицом Господа, ибо Он идет судить землю» (1 Пар. 16, 33).

Подобная надежда звучит и в фильме «Сталкер». В одном из эпизодов фоном проступает детский шёпот, читающий Апокалипсис: «...и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна

сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысячацальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» (Откр. 6 12–15). И слышен тихий смех... Как смех радости, радости от торжества вселенской справедливости. В этот момент камера останавливается на обрывке репродукции с образом Иоанна Крестителя из Деисусного чина Гентского алтаря работы братьев ван Эйков... Сразу же вспоминается вся алтарная композиция: в середине нижнего яруса которой — разворачивается сюжет поклонения Агнцу... Так визуальные и вербальные образы фильма выразили глубинную мысль режиссёра понимающего Апокалипсис как момент единения человека с Создателем.

Андрей Тарковский выразил своё понимание Апокалипсиса как диагноз нашего времени, как апофеоз безверия и бездуховности, как гибель технократической прагматической цивилизации. Причём вселенский Апокалипсис сопоставлялся режиссёром с «личным апокалипсисом», соизмеряя микро- и макрокосм, уравнивая две вселенные в духовном развитии мироздания. Главным же видится осознание режиссёром Апокалипсиса как итога жизни человека и человечества, как преодоление человеком «ветхого бытия» в соединении с Создателем. Многообразие творческого наследия Андрея Тарковского позволяет выявлять многие темы и сюжеты, анализировать образы и смыслы, запечатлённые режиссёром в своих фильмах. При этом тема Апокалипсиса всегда будет «сквозной» темой, позволяющей глубже понять как творчество режиссёра, так и реалии современного мира.

1. Духовные беседы преподобного отца нашего Макария Египетского. Беседа 16. О том, что духовные люди подлежат искушениям и скорбям, проистекающим от первого греха [Электронный ресурс]. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=592#16> (дата обращения: 08.07.2011).
2. Преподобный Ефрем Сирийский. Слово на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthlib.ru/Efrem/mch.html> (дата обращения: 24.02.2011).
3. Тарковский А. Запечатленное время // Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания. М., 2002. С. 326–327.
4. Тарковский А. Мартиролог. Дневники 1970–1986. Флоренция, 2008. С. 505.
5. Тарковский А. Слово об Апокалипсисе // Искусство кино. 1989. № 2. С. 97, 98.
6. Тарковский А. XX век и художник // Искусство кино. 1989. № 4. С. 98–100.

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1985–1987 гг.

УДК 94 (470.4)

Л.А. КОРОЛЕВА, А.А. КОРОЛЕВ, О.В. МЕЛЬНИЧЕНКО

На начальном этапе «перестройки» — 1985–1987 гг. — «религиозный вопрос» рассматривался как нечто второстепенное, тем не менее, происходят постепенные изменения организационно-управленческой структурной модели советского типа во взаимоотношениях между властью и религиозными объединениями, появляется частичное осознание значимости роли конфессий в жизни общества.

Цель работы состоит в том, чтобы исследовать и проанализировать взаимодействие советских властных структур и РПЦ, исторический опыт, специфику, мировоззренческие основы генезиса православных религиозных общин и их деятельности на начальном этапе «перестройки» 1985–1987 гг. путем решения следующих задач:

- охарактеризовать механизмы, формы и методы реализации и особенности государственно-церковной политики в отношении православия;

- раскрыть условия, в которых протекала деятельность православных религиозных объединений в исследуемый период, факторы влияния на нее;

- изучить эволюцию, направления и специфику функционирования православных конфессиональных объединений в исследуемый период.

По мнению М. И. Одинцова, «в середине 80-х годов XX столетия все — и власть, и нарождавшаяся оппозиция — отчетливо осознавали, что «просыпающееся» общество и, прежде всего, его огромная верующая часть, заставит привести в реальное соответствие с ее потребностями параметры всех видов религиозных объединений. С точки зрения разрешения данной проблемы политическими средствами это означало, что в выигрыше окажутся те политические силы, которые, во-первых, быстрее осознают значимость «религиозного вопроса» в новых условиях и, во-вторых, точнее сформулируют и предложат практические механизмы удовлетворения религиозных потребностей верующих граждан» [10, с. 140]. И руководство, и оппозиционные силы начинали понимать, что необходимо формировать

новую политику в сфере свободы совести, т. е. в отношении «граждан, имеющих различные мировоззренческие ориентации; религиозных организаций; церковей как социальных институтов; зарождавшихся конфессионально ориентированных партий; религиозного и нерелигиозного (атеистического) мировоззрения» [9, с. 35].

Преобразования в государственно-церковных отношениях должны были базироваться на принципиально новых оценках роли и позиции православия в обществе и, как следствие, основ взаимоотношений с Русской Православной Церковью, совершенствовании уже существовавшей нормативно-правовой базы конфессиональной политики государства, в том числе — принятии закона о свободе совести и религиозных организациях, и кардинальной реструктуризации системы органов, через которые осуществлялось взаимодействие власти и РПЦ. Но переломить устоявшиеся традиционные принципы государственно-конфессиональных отношений было очень сложно. Именно поэтому религиозная политика советского государства на начальном этапе «перестройки» 1985–1987 гг. характеризовалась противоречивостью: реальность требовала расширения сложившихся рамок государственно-церковной практики, но власть продолжала прежнюю линию.

Курс М. С. Горбачева на «перестройку» не означал отказа от фундаментальных основ развития советского общества, в том числе и по отношению к религии. Государственно-конфессиональная политика в основном продолжала тенденции периода Л. И. Брежнева и последующих руководителей СССР.

Предпринимаемые со стороны Русской Православной Церкви попытки поставить вопрос о необходимости коренных изменений в сфере государственно-церковных отношений не находили понимания у руководителей государства. 17 декабря 1985 г. в адрес М. С. Горбачева было направлено письмо управляющего делами Московской Патриархии Таллинского митрополита Алексея

с предложением о пересмотре устаревшего религиозного законодательства. В ответ на это обращение Совет по делам религий при Совете Министров СССР не рекомендовал затрагивать подобного рода вопросы. В феврале 1986 г. в записке председателя КГБ СССР В. М. Чебрикова в ЦК КПСС «О результатах проверки анонимного письма в адрес ЦК КПСС о злоупотреблениях священника Боброва и других служителей церкви» предлагалось поручить Совету по делам религий при Совете Министров СССР совместно с Министерством финансов СССР разработать дополнительные меры по усилению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью исполнительных органов религиозных общин [19, д. 97, л. 3].

Хотя в 1985 г. отменили обязательную регистрацию паспортных данных при крещении, погребении и церковном бракосочетании, некоторые периферийные уполномоченные Совета по делам религий еще несколько лет требовали исполнения данных норм священнослужителями [12, с. 7]. Так, члены комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при Кузнецком горисполкоме Пензенской области «проводили выборочную проверку паспортов и квитанций на предмет подлинности подписей, проводили беседы с супружескими парами, совершившими обряд» [3, д. 123, л. 136–137].

В ответ на развернутую в западных странах кампанию по защите свободы совести в СССР ЦК КПСС в марте 1986 г. принял постановление «О мерах по противодействию клеветнической клерикальной зарубежной пропаганде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции», в котором указывалось на необходимость тщательного контроля за деятельностью религиозных организаций и усиления борьбы с антикоммунизмом в его религиозном виде. В свою очередь, главы и представители Церквей в СССР в обращении к религиозным деятелям и пастве по поводу 70-летия Октябрьской революции отмечали, что «процесс перестройки оказывал положительное влияние также и на развитие жизни Церквей... Исключительно важное направление в нашей деятельности – служить углублению вовлеченности верующих в процесс перестройки» [20, с. 214–215].

Но отдельные сдвиги в сторону либерализации отношения к религии все же прослеживались. После апрельского 1985 г. пленума ЦК КПСС был ускорен механизм регистрации религиозных объединений, религиозные

общины получили право на строительство и приобретение зданий для своих нужд, снят запрет на церковный колокольный звон и т. д. В 1987 г. в общем русле демократизации в СССР произошло освобождение многих «узников совести», что «положительно было воспринято в США» [16, д. 303, л. 3].

В контексте ротации партийно-государственного аппарата на пост председателя Совета по делам религий назначают К. М. Харчева (1984 г.). К. М. Харчев характеризовал сущность своей работы как «проведение в жизнь новой политики государства в отношении Церкви. Перед нами не стояла цель реформировать Церковь – это не дело государства, от лица которого выступал Совет. Просто мы пытались сформировать и реализовать новую государственную политику в отношении религиозных организаций» [21].

В 1986 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР подготовил записку совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС о проведенном общем совещании «Современные тенденции в идеологии и деятельности Русской Православной Церкви. Проблемы контроля за соблюдением законодательства о культах». В совещании принимали участие уполномоченные Совета, научные работники, специализировавшиеся по вопросам православия. В записке содержался достаточно объективный анализ состояния РПЦ и были выявлены новые моменты в развитии религиозных православных объединений. Отмечалось, что ранее политика по сокращению сети религиозных объединений РПЦ наряду с положительными последствиями имела и ряд негативных: «Во-первых, в тех случаях, когда снятие с регистрации общины было необоснованным, создавались определенные условия для возбуждения недовольства верующих, незаконного проведения молитвенных собраний, для появления элементов экстремизма. Во-вторых, это привело к концентрации верующих, духовенства, религиозного актива, а также материальных средств в городских приходах, что сделало их более мощными» [17, д. 162, л. 26]. В документе указывалось, что возросла активность Русской Православной Церкви в общественно-политической жизни. РПЦ имеет своих представителей в Советском комитете защиты мира, стремится к членству в таких организациях, как «Общество охраны памятников истории и культуры», «Общество борьбы за трезвость» [17, д. 162, л. 28]. В заключение говорилось: «Указанные явления во внерелигиозной сфере

деятельности РПЦ стимулируются, во-первых, растущим уровнем гражданской зрелости и социально-политической активности верующих и, во-вторых, широкими межхристианскими и межрелигиозными контактами церкви в рамках экуменического и миротворческого движений за рубежом» [17, д. 162, л. 29]. Затем давался прогноз развития ситуации: «В условиях дальнейшей демократизации жизни советского общества, повышения уровня политического сознания и культуры людей, в том числе и верующих, а также растущей активности религиозных сил в борьбе за разрешение актуальных проблем современности общественно-политическая активность РПЦ... будет возрастать» [17, д. 162, л. 29]. Подчеркивалась необходимость анализа правовых аспектов данной деятельности РПЦ в условиях, «когда церковь отделена от государства, а религия является частным делом граждан, а также оценки ее последствий, как исходя из потребностей решения стратегических внутри- и внешнеполитических задач, так и с точки зрения идейно-мировоззренческого воспитания советских людей, обеспечения господства марксистско-ленинской идеологии в обществе». Вывод делался вполне логичный и традиционный для того времени о «необходимости серьезного повышения идейно-теоретического уровня атеистической пропаганды с учетом отмеченных тенденций в идеологии и деятельности РПЦ» [17, д. 162, л. 29].

В 1986 г. в Совет министров СССР был направлен проект Указа Верховного Совета СССР «О религиозных организациях в СССР», подготовленный Советом по делам религий, союзными министерствами и ведомствами. Проект, во многом повторявший предыдущее законодательство, был возвращен на доработку в союзный Совет по делам религий в 1987 г. Данный документ вызвал полярные отзывы о нем [5, с. 40–41].

Постепенно в официальных заявлениях стали звучать другие мотивы: «Верующие поддерживают курс партии на коренное обновление нашего общества. Они видят в перестройке заботу партии, государства о... сохранении мира, об утверждении принципов социальной справедливости, о чистой нравственной атмосфере общества» [7, с. 12]. Подчеркивалось, что верующие «правильно» понимают курс партии на ускорение социально-экономического развития страны, объективных процессов — «придание социализму человеческого лица» [2, д. 6, л. 41].

В 1987 г. состоялась встреча председателя Совета по делам религий К.М. Харчева

с архиереями РПЦ, на которой он сказал об отмене многих «хрущевских» ограничений, например, на вхождение священников в «двадцатку», на служение по «регистрации» уполномоченного и т.д. [13, с. 186–187]. В 1987 г. была объявлена амнистия, по которой освобождение коснулось и граждан, осужденных в свое время за религиозную деятельность. Выступая на одном из закрытых собраний партийных пропагандистов, К.М. Харчев сожалел, что не может разрешить диаконическое служение конфессий в больницах, потому что там моментально объявляются католики и протестанты, т.к. РПЦ «находится в таком забитом состоянии, что в данный момент ресурсами на подобную деятельность не обладает» [20, с. 218].

Процесс деидеологизации в стране шел очень неровно, у советского руководства не было четкой программы и вообще понимания демократизации страны. К.М. Харчев отмечал: «Все, что нам удалось сделать за достаточно короткий период... все это невозможно было осуществить без соответствующих решений ЦК КПСС. Руководство политбюро в лице секретарей особой поддержки в этом деле нам не оказывало. Но надо учитывать, что и в самом ЦК боролись два направления: перестроечное и консервативное. Такое противоборство шло и на среднем и низшем уровнях. Большую помощь и поддержку нам оказывал Александр Николаевич Яковлев, который в то время возглавлял идеологический отдел ЦК КПСС. В период подготовки закона о свободе совести и религиозных организациях серьезную поддержку оказывал нам Валерий Легостаев (помощник члена политбюро Егора Лигачева). А вот, например, секретарь ЦК Вадим Медведев или заместитель заведующего отделом ЦК по идеологической работе Александр Дегтярев, наоборот, всячески препятствовали нашим идеям, были противниками» [21]. К.М. Харчев подчеркивает, что «это было вполне естественно. За годы советской власти был воспитан целый слой атеистических деятелей, которые буквально жили атеизмом. На атеистическую пропаганду тогда выделялись громадные государственные деньги, и эти деятели, если бы религию и атеизм уравнили, утратили бы не только идеологические позиции, но и материальное благополучие» [21].

Контакты государства и конфессиональных объединений, в том числе православных, в данных хронологических рамках, часто имели спонтанный характер, находились под воздействием конъюнктурных политических

ситуаций и иногда личностных интересов. На XXVII съезде КПСС была принята новая редакция программы Коммунистической партии, в которой по-прежнему подчеркивалась необходимость и значимость распространения научно-материалистического миропонимания, преодоления религиозных предрассудков. Согласно Уставу КПСС, каждый коммунист должен был решительно бороться с религиозными предрассудками как с «чуждыми социалистическому образу жизни» [6, с. 165, 190]. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1986 г. прозвучало: «Необходимо продолжить поиск новых подходов, новых путей и форм атеистической пропаганды и работы с верующими. В решении всех этих задач большую роль могут и должны сыграть вузовские обществоведы. Важно усилить мировоззренческую направленность преподавания» [8, с. 104].

В ноябре 1986 г. Советом Министров РСФСР был образован собственный орган за надзором в религиозной сфере во главе с Л.Ф. Колесниковым — Совет по делам религий РСФСР. Потребность в нем объяснялась «сложностью религиозной ситуации, многонациональным составом республики, многообразием действующих религиозных организаций, появлением так называемых новых культов и движений, потребностью профессионального анализа процессов, происходящих в религиозной сфере, и выработки практических предложений для центральных и местных органов власти в их вероисповедной политике» [2, д. 13, л. 3]. Согласно выписке из протокола № 34 заседания секретариата ЦК КПСС от 30 декабря 1986 г., в номенклатуру должностей секретариата ЦК КПСС были включены должности председателя, первого заместителя и заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР [18, д. 168, л. 1].

Свою деятельность республиканский Совет осуществлял в соответствии с Положением о союзном Совете от 25 февраля 1980 г., т.к. собственное Положение не было утверждено Советом министров РСФСР.

Главными задачами Совета предполагались: контроль за соблюдением Конституции СССР, Конституции РСФСР, Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановления ВЦИК И СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», гарантирующих свободу совести; за правильным применением и исполнением на всей территории РСФСР нормативных актов СССР и РСФСР

по вопросам, относящимся к религиям; изучение и обобщение практики применения законодательства о свободе совести, разработка проектов законов РСФСР, Указов Президиума ВС РСФСР, постановлений и распоряжений СМ РСФСР по вопросам, касающимся религий и внесение их в СМ РСФСР; информирование правительства РСФСР о деятельности религиозных организаций и состоянии контроля за соблюдением законодательства о свободе совести в областях, краях и республиках РФ; содействие религиозным организациям в осуществлении международных связей, в участии в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами.

Совет по делам религий РСФСР во многом дублировал деятельность союзного Совета. Так, основная часть уполномоченных всех областей, краев и республик РСФСР подчинялась непосредственно республиканскому Совету, уполномоченные крупных городов (Москва, Ленинград, Краснодар и т.д.) имели двойное подчинение — двух Советов. Уполномоченные с мест дублировали документы, отправляя одинаковые в союзный и российский Совет. Например, уполномоченный Совета по Пензенской области А.С. Васягин, не мудрствуя лукаво, на своих информационных отчетах в качестве адресата писал просто: «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР» [3, д. 125, л. 19].

Как отмечает М.И. Одинцов, «в начале особых различий в его позиции (в сравнении с союзным Советом) по принципиальным вопросам вероисповедной политики не ощущалось. Это было связано не только с тем, что во главе их стояли представители одной правящей партии (К.М. Харчев и Л.Ф. Колесников), ориентированные на общие идеологические установки в религиозном вопросе, но и тем, что волна «перестройки и гласности» тогда еще до Советов не докатилась» [11, с. 8–9].

В феврале 1987 г. председатель Совета К.М. Харчев направил в ЦК КПСС аналитическую записку «О некоторых вопросах реализации политики партии в отношении религии и церкви на современном этапе», в которой он доказывал потребность отказа от воинствующей позиции в отношении конфессий, необходимость согласования своих действий с чаяниями верующих, актуальность демократизации религиозного законодательства. «Закономерно, что партийные органы остались глухи к озабоченностям и предложениям председателя союзного Совета. Это понятно,

поскольку для них религиозные вопросы были вопросами идеологическими, а не правовыми, и решать их они намеревались административно-идеологическими мерами в целях достижения партийных установок на «искоренение религии» и недопущения какого-либо ее «оживления» в социалистическом обществе» [10, с. 142].

Благотворным для Русской Православной Церкви явился перенос наблюдения за ее деятельностью из идеологических структур ЦК КПСС исключительно в юридический отдел. Проблема правового регулирования государственно-конфессиональных отношений приобретает все большую актуальность, о чем говорилось даже в «Правде»: «В СССР до сих пор практически нет закона, регулирующего отношения государства и церковных конфессий. Его функции выполняет Сборник материалов и документов «Законодательства о религиозных культурах», изданный в 1971 г. для служебного пользования и предназначенный только для работников исполкомов, уполномоченных по делам религий, судебно-прокурорских работников и служащих других организаций, соприкасающихся с религиозными культурами, но отнюдь не для духовенства или людей, служащих в церкви. Материалы и документы сборника устарели, совершенно не отражают особенностей нашей эпохи. К тому же основной его документ «О религиозных объединениях» принят в апреле 1929 г., т.е. в период крупных социальных деформаций» [14, с. 2].

Постепенно цементируется фундамент для принципиально новых государственно-конфессиональных отношений. Власти необходимо заручиться широкой поддержкой курса «перестройки» со стороны Русской Православной церкви и верующих. Переломным стал 1988 г., что было связано с празднованием тысячелетия крещения Руси, которое позиционировалось в контексте государственного реформирования не только и, пожалуй, не столько как церковное мероприятие, но серьезное общественно-государственное событие.

Однако ясного представления модели взаимоотношений власти и конфессий пока так и не было еще выработано. В руководстве страны присутствовали различные, иногда противоречивые взгляды по поводу свободы, которую следовало предоставить религиозным объединениям: «Позиция Совета по делам религий часто вызывала противодействие у консервативной части центрального партийного аппарата и у местных руководителей,

возмущенных «потворством церковникам». С одной стороны, власти уже практически не чинили препятствий открытию в приходах воскресных школ, проведению внебогослужебных катехизических занятий с верующими. Священнослужители получили доступ к СМИ, стали принимать участие в публичных дискуссиях о проблемах нравственного состояния общества и путях его оздоровления, культурного наследия, сохранения мира» [15, с. 95–100]. С другой — советская религиозно-ведческая наука делала вывод, что «в мировоззрении и поведении верующих религия уже не является определяющим фактором, в их сознании все меньше и меньше остается места для таких ведущих религиозных идей, как идея бога, провиденциализм, эсхатология. Верующих все больше одолевают сомнения в существовании потустороннего мира, бессмертия души» [1, с. 198]. На местах активно продолжала выпускаться атеистическая литература. К.М. Харчев подчеркивал, что зачастую местные органы власти «противятся новому, рассуждая о недопустимости «уступок» церкви. Другие, не умея правильно строить отношения с верующими, ждут указания сверху — как быть в каждом отдельном случае, создают волокиту при решении простых вопросов» [22, с. 3]. Республиканский Совет также отмечал, что «перестройка в подходах к решению вопросов, связанных с религиозной сферой, идет медленно» [2, д. 7, л. 16].

Уполномоченные Совета по делам религий сообщали с мест, в частности из Куйбышевской области, что хотя обстановка и изменилась, «вместе с тем, внутрицерковная жизнь продолжает оставаться мирком, который нельзя оставлять без соответствующего внимания. Религиозная обстановка... остается непростой. В то же время взаимоотношения между верующими, служителями культа и местными партийно-советскими органами становятся проще. Полнее стало выполняться законодательство о культурах, проще решаются вопросы о регистрации новых религиозных объединений и передачи верующим бывших культовых зданий» [4, д. 54, л. 21]. И вынуждены были при этом признать, что «партийно-советский актив и активисты атеистического воспитания... к такому заметному изменению в государственно-церковных отношениях, вниманию со стороны руководителей партии и государства, средств массовой информации к церквам и верующим... не готовы» [4, д. 72, л. 18–19].

На местах уполномоченные Совета по делам религий активно продолжали свою

деятельность, как правило, в прежнем формате. Так, уполномоченный Совета по Пензенской области А.С. Васягин докладывал в столицу: «Руководствуясь решениями XXVII съезда КПСС,... в Пензенской области принимались определенные меры, направленные на повышение эффективности контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, последовательным осуществлением конституционного принципа свободы совести» [3, д. 125, л. 1]. Заметно активизировалась деятельность комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах

Итак, на начальном этапе «перестройки» 1985–1987 гг. у власти, с одной стороны, появилось осознание необходимости каких-то шагов в сторону приведения в соответствие сменявшимися условиями законодательства о культах, но отсутствовало понимание содержания данного процесса, с другой стороны, в самом руководстве страны присутствовали противодействовавшие силы, стремившиеся оставить все, как было. Но сохранить «статус-кво» было невозможно, поскольку власти нужно было заручиться широкой поддержкой курса на «перестройку» со стороны Русской

Православной Церкви и верующих. Но инерция и консерватизм, сопротивление в государственно-партийном руководстве по поводу задач и способов реформирования не позволили быстро и мобильно приступить к выработке принципиально новой платформы во взаимоотношениях между РПЦ, обществом и государством. Противоречивая и неровная переориентация государственно-конфессиональной политики протекала параллельно с оформлением новой позиции РПЦ по актуальным проблемам современной российской реальности. Даже столь минимальное снятие ограничений на деятельность конфессиональных объединений, часто при сохранении прежней практики регламентации на местах со стороны уполномоченных и советских органов власти, действовавших на протяжении многих лет, создавало условия для активного вовлечения верующих граждан и их религиозных организаций в социально-экономическую и духовную жизнь страны. Следует согласиться с М. И. Одинцовым, что «религиозный вопрос» везде стал заложником политических и идеологических столкновений властных элит, партийно-номенклатурных игр, решался зачастую в угоду «злобе дня» [9, с. 23].

1. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М. : Политиздат, 1990.
2. ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1.
3. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1.
4. ГАСО. Ф. 4089. Оп. 1.
5. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. [Текст] / под общ. ред. А.П. Торшина (В.А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
6. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.
7. Наука и религия. 1987. № 2. С. 12.
8. О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М. : Политиздат, 1981.
9. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. [Текст] / М.И. Одинцов. М. : Российское объединение исследователей религии, 2010.
10. Одинцов М.И. На переломе эпох: государство и религиозные объединения в СССР. 1985–1990 гг. [Текст] / М.И. Одинцов // Права человека в России и за рубежом: материалы Второй Международной научно-практической конференции «Правовые средства обеспечения и защиты прав человека: российский и зарубежный опыт» (Москва–Пенза, 24–26 ноября 2009 г.). М. : Академия МНЭПУ, 2009. С. 140–142.
11. Одинцов М.И. Некоторые аспекты вероисповедных реформ в России в 1985–1997 гг. [Текст] / М.И. Одинцов // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. С. 8–9.
12. Определения Священного синода // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 5. С. 7–8.
13. Пимен (Хмелевский), архиепископ. Всегда с Богом. Саратов : Летопись, 2000.
14. Правда. 1988. 17.06. С. 2.
15. Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2000. Т. 12.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99.
18. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 11.
19. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18.
20. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штиккер. Т. 2. М. : Прополис, 1995.
21. Смирнов М. Реформатор в кресле чиновника [Текст] М. Смирнов // НГ-религии. 09.17.2008.
22. Харчев К.М. Утверждая свободу совести // Известия. 1988. 26.01. С. 3.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА НАЗЕМНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ НА ТЮМЕНСКОМ СУДОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

УДК 629.76(571.12)(093)

А.В. БУДАНОВ

Период «ранней разрядки» в междуна-родных дипломатических отношениях на самом деле сопровождался развертыванием серьезной гонки вооружений между двумя сверхдержавами — США и СССР. Многие предприятия СССР были привлечены к разработке ракетного оружия, что определило их дальнейшее развитие. Однако сведения об этом были засекречены. На современном этапе многие архивные фонды стали доступны исследователям, что позволяет изучить процесс становления передовых оборонных производств в период создания ракетно-ядерных сил СССР. Изучение ранее засекреченных материалов дает возможность лучше понять историю советского общества и экономики, выявить причины кризиса или успешного развития многих предприятий Урало-Сибирского региона в наши дни. К тому же исторический опыт прошлого может быть востребован в настоящее время, когда Правительство РФ осознало необходимость возрождения оборонно-промышленной мощи страны.

В СССР в период «хрущевской оттепели» приоритетом пользовались разработки ракетно-ядерного оружия, способного нанести по территории вероятного противника ядерные удары. Гонку вооружений в этой сфере начали американцы. В 1952 г. в США была принята на вооружение 280-мм пушка Т-131 с ядерными снарядами мощностью до 15 килотонн и максимальной дальностью стрельбы 28,7 км. В 1953 г. военные подразделения НАТО получили на вооружение неуправляемые твердотопливные ракеты MGR-1 «Honest John» («Честный Джон») оперативно-тактического назначения с мощностью ядерного боеприпаса до 40 килотонн. Советским ответом явилась разработка ядерных снарядов для артиллерийских и минометных систем, а также тактических ракет средней и малой дальности (крылатых ракет

«Метеор» для сухопутных сил и П-5 для подводных лодок; баллистических ракет Р-11, «Филин», «Марс» и других).

Ядерные боеприпасы в те годы хранились отдельно от средств доставки. Они нуждались в специальных защищенных от воздействий внешней среды хранилищах. Возникла проблема создания подвижных средств хранения и перемещения ядерных боеголовок и снарядов, которые должны были сопровождать войска в боевых и учебных операциях. Таких мобильных комплексов в стране не было. Ядерные боеприпасы, как правило, складировались в стационарных базах-хранилищах (объекты С). В июле 1957 г. разработка мобильных комплексов хранения, доставки и монтажа ядерных боеголовок была поручена Советом Министров СССР специальному конструкторскому бюро (СКБ) № 221 (главный конструктор С. И. Сергеев) при Сталинградском заводе «Баррикады». В СКБ для решения этой задачи была сформирована конструкторская группа во главе с Л. М. Виноградовым. Конструкторы обратились за помощью к ракетчикам Главного артиллерийского управления (ГАУ) Министерства обороны СССР. Оказалось, что оборудование для стационарных хранилищ производилось на Мытищинском машиностроительном заводе (ММЗ). Специалисты из Сталинграда выехали на предприятие и начали работу над проектированием «подвижной ремонтно-технической базы» (ПРТБ). Так стали называться мобильные комплексы по хранению, доставке и монтажу ядерных боеприпасов. ПРТБ для артиллерийских систем получили наименование «Поле» (индекс ГАУ — 2У654), а для ракетных боеголовок — «Степь» (2У659 или 8 М230). В качестве грузовых автомобилей для этих комплексов были выбраны машины марки ЗИЛ. Специальное оборудование для хранения, сборки и монтажа ядерных

боеприпасов размещалось в термостатированных кунгах (кузов унифицированный нормального габарита). Первые комплексы «Степь» и «Поле» изготавливались на сталинградском заводе «Баррикады» в 1958 г. [10, с. 19–22]. Однако в СССР, как правило, дублировались военные производства. Часть заводов располагалась ближе к центру страны, другая – на Урале и в Сибири. В случае ядерного конфликта поражен был бы центральный регион, а в отдаленных районах страны производство бы сохранилось. В качестве завода, где планировалось изготовление ПРТБ, был выбран Тюменский судостроительный завод. С началом оборонного производства предприятие получило секретный номер 639, а также обозначение-адрес п/я 45 (почтовый ящик). Гражданской продукцией завода являлись теплоходы проекта 765, лесовозные саморазгружающиеся баржи, танкеры, нефтеналивные суда, понтоны и т. д.

В 1958 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 октября № 1094–530 Тюменскому заводу на 1959 г. было установлено задание по производству 5 комплектов подвижных ремонтно-технических баз «Степь» (в состав комплекта входили специальные автокраны и грузовые автомобили, предназначенные для обслуживания ядерных боеголовок в полевых условиях и их стыковки к ракетным комплексам), а распоряжением Совета Министров РСФСР от 18 октября 1958 г. № 7236-рс – задание по изготовлению и монтажу на грузовых автомобилях 100 изотермических кузовов (8 М211) для объектов «С». Планировалось, что военное производство будет составлять 31% от валовой продукции предприятия объемом по плану 1959 г. 128,5 млн рублей. Стоимость комплекта ПРТБ в ценах 1955 г. составляла от 2 до 2,5 млн рублей, изотермической машины – 70 тыс. рублей. Однако вооруженным силам требовалось все больше ракет и оборудования. Совет Министров РСФСР постановлениями от 23 марта 1959 г. № 459–59 и от 10 апреля 1959 г. № 601–77 установил заводу дополнительное задание по выпуску 10 комплектов ПРТБ, доведя план их производства до 15. Из этих комплектов 5 предназначались для ракет средней дальности Р-11 М (8 К11), 3 – для Р-11 МФ (8 А61, устанавливались на подводные лодки) и 7 для ракеты Р-5

(8 К51). Эти планы оказались нереализуемыми из-за новизны производства и неотработанной технической документации, поступавшей с Мытищинского СКБ, для доработки которой пришлось создать свое СКБ в Тюмени. После переговоров заводу удалось получить согласие Главного артиллерийского управления Министерства обороны СССР о комплектации ПРТБ «Степь» двумя, а не четырьмя машинами для хранения и транспортировки боевых частей (индекс 8 М27). Однако общий объем производства спецпродукции на предприятии в 1959 г. все же вырос более чем в 2 раза по сравнению с первоначальным плановым заданием [4, л. 2, 3, 7.].

Рост объемов оборонного производства продолжался из года в год. План оборонного производства Тюменского судостроительного завода на 1960 г. был утвержден постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 октября 1959 г. № 1177–505, постановлениями Совета Министров РСФСР от 30 ноября 1959 г. № 1895–231 и от 4 декабря 1959 г. № 1908–233. Предприятию в 1960 г. поручалось изготовление 3 комплектов ПРТБ «Степь» и 285 отдельных изотермических автомобилей [4, л. 24]. Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 марта 1960 г. заводу был установлен план выпуска в 1961 г. 15 комплектов ПРТБА и 300 изотермических автомобилей, а также отдельных автомобилей из комплекта ПРТБ «Степь» для ракетного комплекса «Луна»: 10 машин сборки специальных боевых частей и 300 транспортных полуприцепов (2У663) для перевозки ракет комплекса «Луна». В результате объем производства спецпродукции в 1961 г. по сравнению с 1960 г. возрос на 75% [4, л. 38]. В 1962 г. после принятия в СССР на вооружение ракетного комплекса «Эльбрус» с ракетой Р-17 заводу постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 декабря 1961 г. № 1123–485 и постановлением Совета Министров РСФСР от 3 февраля 1962 г. № 116–14 было установлено производство 10 комплектов ПРТБ «Целина», разработанных специально для этого комплекса. План предполагал также производство 15 комплектов ПРТБ «Степь» для ракетного комплекса «Луна» (участвовал в операции «Анадырь» по размещению советских ракет на Кубе в 1962 г.); 348 комплектов запасных частей, инструментов и принадлежностей для ПРТБ;

металлических деталей к кунгам других оборонных заводов (2250 штук) [2, л. 7]. В 1963 г. планировалось произвести 14 комплектов ПРТБ «Целина» (затем план был увеличен в два раза до 28); 16 комплектов «Степь»; 343 машины для хранения и транспортировки боеголовок различных ракетных комплексов (из них 185 штук — транспортные машины для боеголовок нового ракетного комплекса «Эльбрус», 138 — для ракетных комплексов «Луна», «Онега», «Ладога»). Всего завод должен был выпустить 731 специальный кунг, 88 автокранов [3, л. 239]. В 1964 г. на заводе добавилось производство новых ПРТБ «Берег» (1 Л10), новой машины хранилища 8 М257У для ракетного комплекса «Эльбрус», специальной машины ПТБ-123 для изделия «Ястреб», а также освоили производство комплекса арсенального оборудования 9 Т53. Появились и другие дополнительные задания. Решением Управления тяжелого машиностроения Средне-Уральского совнархоза от 27 декабря 1963 г. № 4/757 с предприятию передали с завода «Тюменьсельмаш» производство войсковых авторемонтных эксплуатационных мастерских ВАРЭМ-157 и прицепа автомобильного унифицированного ПАУ-1. Первоначально ВАРЭМ-157 предполагалось производить 130 штук, а ПАУ-1 — 30. Но из-за протеста руководства завода план сократили в феврале 1964 г. до 60 и 19 штук соответственно.

Производственные задания, поступавшие на завод от центральных органов власти, неоднократно увеличивались в течение года. В целом объем валовой оборонной продукции с 1959 по 1963 гг. вырос в 11 раз. В 1959 г. он составлял (в ценах после денежной реформы 1960 г.) 1 млн 767 тыс., в 1960 г. — 11 млн 368 тыс., в 1961 — 11 млн 550 тыс., в 1962 г. — 13 млн 957 тыс., в 1963 — 20 млн 534 тыс. рублей. В 1964 г. этот показатель снизился до 16 млн 995 тыс. рублей из-за освоения новой продукции и задержки поставок технической документации. Несмотря на это, оборонное производство в том же 1964 г. все-таки составляло 59,4% валовой продукции предприятия. В итоге общий объем производства гражданской и оборонной продукции на заводе с 1958 по 1964 гг. вырос на 310% [6, л. 165–166].

Кроме серийного оборонного производства на Тюменский судостроительный завод возлагалась задача формирования

мобилизационных мощностей для организации дополнительного производства военной техники на случай войны. Совет Министров СССР постановлениями от 15 августа 1959 г. № 942–406 и от 2 октября 1961 г. № 908–388 дал задание заводу создать к 1 января 1964 г. мобилизационные мощности по производству 10 миль тяжелых и 10 миль легких противолодочных сетей; а к 1 января 1965 г. — 20 боевых катеров проектов 901 и 902. В 1962 г. суженное заседание Тюменского областного совета депутатов трудящихся поручило местному совнархозу подготовить производственные мощности для изготовления 725 штук двухъярусных армейских кроватей. Распоряжением совнархоза от 27 января 1962 г. № 039 эта задача была возложена на судостроительный завод [1, л. 127–128].

Помимо оборонного производства, Тюменский судостроительный завод выпускал речные суда, столь необходимые для решения важнейшей народнохозяйственной задачи — освоить природные богатства и недра Сибири. В связи с разработкой нефтяных пластов региона особое значение имело производство нефтеналивных судов. 25 января 1964 г. Государственный комитет по нефти, Совет народного хозяйства РСФСР и Министерство речного флота РСФСР поручили заводу срочно изготовить 40 нефтеналивных барж (проект 459 Н). В этом году запланировали также производство 10 танкеров грузоподъемностью 600 тонн (проект 866), 20 лесовозных саморазгружающихся барж (проект 459 К), 3 сухогрузных теплоходов (проект 559) и 1 дизель-электрического парома (проект 736). Кроме того, был заложен новый танкер грузоподъемностью 1000 т (проект 1754 А).

Эти колоссальные производственные задания приходилось выполнять трудовому коллективу в тяжелых условиях, ценой неимоверного напряжения. Предприятие испытывало дефицит производственных сил. Во-первых, неоставало производственных площадей. С началом оборонного производства центральные органы власти в 1959 г. утвердили план строительства к 1 июля 1960 г. производственного корпуса (13 тыс. кв. м) для выпуска изотермических машин и комплектов ПРТБ. Стоимость проекта оценивалась в 9 млн 650 тыс. рублей. Однако острая нехватка производственных помещений проявилась уже в 1959 г.

Производственные площади предприятия составляли 17460 кв. м, из них для создания оборонной продукции было выделено 4600 кв. м. (цеха: заготовительный, сборочный, комплектации). Требовалось же 30000 и 13000 кв. м соответственно [4, л. 3]. Завершение строительства нового цеха в III квартале 1960 г. и гальваноучастка (700 кв. м) не решило проблемы, так как объемы производства в это время резко возросли. Возникла потребность расширения цехов еще на 6 тыс. кв. м, строительства дополнительных подъездных путей, площадки комплектования и испытания изделий. В итоге для производства оборонной продукции привлекались площади судостроительных цехов. В результате к 1964 г. возникла острая потребность в строительстве блока корпусных цехов для судостроения, а также эллинга и слипа. На эти цели Совнархоз РСФСР распоряжением от 15 октября 1963 г. выделил 3 млн 600 тыс. рублей. Между тем начало работ затягивалось из-за бюрократических проволочек в Средне-Уральском совнархозе, которому судостроительный завод стал подчиняться с 1963 г. [6, л. 163]. Как результат — многие работы по сборке судов осуществлялись на открытом воздухе, что в условиях сибирской зимы отрицательно сказывалось на производительности и качестве труда. Преимущественно это коснулось сварочных работ с использованием автоматической и полуавтоматической сварки. Из-за недостатка помещения на участке гальванопокрытий ванны были расположены слишком близко, быстро загрязнялись, что снижало надежность наносившихся здесь на детали специальных покрытий. Были и другие сложности.

Во-вторых, недоставало технологического оборудования. В 1959 г. для судостроения заводу требовалось 579 единиц оборудования, а имелось в наличии 380: из этого числа для нужд оборонного производства — 264 и 85 соответственно. В 1960 г. заводу не хватало 79 единиц оборудования: токарно-винтовых, фрезерных, револьверных, долбежных станков, прессов и сварочного оборудования [4, л. 39–40]. В результате на заводе отмечался высокий процент ручных работ, нарушался порядок изготовления оснастки, на рабочих местах нередко отсутствовали технологические карты, калибры и шаблоны. Все это приводило к отступлениям от технологии производства. Проблема сказалась

на качестве производства военной техники, о чем писал в Тюменский совнархоз и обком КПСС старший военный представитель при заводе инженер-полковник Я. А. Абубакиров. После принятых мер удалось улучшить качество сварочных работ, улучшилась работа отдела технического контроля, особенно в сфере контроля над подбором материалов и термообработкой деталей [7, л. 27, 28, 38–43]. Неблагополучно обстояло дело и с материально-техническим снабжением. Нередко нарушалось правило первоочередного снабжения оборонных предприятий сырьем и материалами. Металлический прокат и трубы иногда поступали с опозданием, что нарушало ритмичную работу производства.

В-третьих, завод остро нуждался в производственных кадрах. В 1959 г. на заводе числилось 2320 рабочих (в том числе 1400 занятых непосредственно на производстве), а требовалось 4710, в том числе 2950 производственных. Даже в 1964 г. заводу требовались дополнительно 200 человек промышленно-производственного персонала. Не хватало также инженерно-технических работников. Например, в созданном при заводе СКБ в 1959 г. трудилось 50 человек, из них инженерами были лишь 7 человек, а остальные — техниками. Требовалось же 150 подготовленных сотрудников. Оборонное производство завода нуждалось в 60 инженерах, но привлекли только 6 человек, остальные должности заняли техники. Нехватка образованных кадров отражала общую проблему региона. Во многом такая ситуация объяснялась отсутствием жилья. Для привлечения на завод квалифицированных инженеров и рабочих в 1960 г. планировалось построить 5 тыс. кв. м жилых помещений [4, л. 3, 7, 9]. Однако проблему долго не удавалось решить. В итоге в 1964 г. на одного рабочего все еще приходилось лишь 5,4 кв. м жилой площади, а с учетом членов семей 2,2 кв. м. На жилищное строительство в тот год было выделено только 462 тыс. рублей [6, л. 163]. Тяжелые условия труда из-за нехватки производственных площадей и оборудования, а также жилищная проблема приводили к серьезной текучести кадров. Руководителям также было сложно организовать производство в таких условиях. В декабре 1959 г. был снят с должности директор завода А. И. Кузнецов. Новым директором был назначен П. П. Потапов.

Главного инженера Г.С. Киселева сменил В.И. Гуськов. В этих условиях особое значение отводилось идеологической работе партийной организации предприятия, а также проведению социалистического соревнования, то есть использовались внеэкономические методы мотивации работников. В этом деле были достигнуты заметные успехи. Например, в 1962 г. коллектив завода был премирован за освоение новой продукции в первом полугодии, в третьем квартале заводу за успехи в работе была вручена первая денежная премия и передано переходящее знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. Секретарь парткома предприятия М.А. Ведерников был премирован суммой в 225 рублей согласно постановлению Бюро Тюменского обкома партии от 18 декабря 1962 г. [5, л. 122]. В этом году успехов в социалистическом соревновании добились следующие рабочие судостроительного завода: токарь А.Ф. Симонов, фрезеровщик А.В. Безгодов, кузнец В.И. Велижанов, столяр А.И. Попадайкин и др. [9, л. 130]. В 1963 г. проявили себя в вопросах организации социалистического соревнования секретарь парторганизации Г.Д. Малыгин, председатель профсоюзной организации Г.Я. Голубев [8, л. 41].

Особое внимание проблемам судостроительного завода придавали первый заместитель председателя Тюменского совнархоза С.П. Афанасьев (в прошлом – директор этого завода), секретарь Тюменского обкома КПСС по промышленности А.К. Протазанов. Они неоднократно обращались в центральные органы власти с предложениями по улучшению положения дел на предприятии и решению возникших производственных и социальных проблем.

Таким образом, на Тюменском судостроительном заводе в 1959–1964 гг. было налажено производство специальных мобильных средств хранения, перемещения и стыковки ядерных боеголовок для различных ракетных комплексов. Предприятие внесло значительный вклад в укрепление обороноспособности страны. Производство развивалось в сложных условиях дефицита помещений, оборудования, квалифицированной рабочей силы. И все же благодаря труду рабочих и инженеров завода, административной работе руководства предприятия, совнархоза и обкома партии удалось наладить производственный процесс, обеспечив поставку комплексов ПРТБ в войска.

1. ГАСО. Ф. Р-1966. Оп. 4. Д. 120.
2. ГАСО. Ф. Р-1966. Оп. 4. Д. 124.
3. ГАСО. Ф. Р-1966. Оп. 4. Д. 902.
4. ГАСПИТО Ф. 124. Оп. 1. Д. 3996.
5. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4428.
6. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 200.
7. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 85.
8. ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 413.
9. ГАТО. Ф. 1724. Оп. 3. Д. 29.
10. Рябец А.Ф. Первые отечественные передвижные средства для хранения и стыковки СБЧ [Текст] / А.Ф. Рябец // Техника и вооружение: вчера, сегодня завтра. 2009. № 11.

СОЦИУМ

SOCIETY

Парамонова С.П. Самоидентификация двух поколений: социально-политическая оценка фаворитизма группами по типу морального сознания. Самоидентификация двух поколений. Изучение фаворитизма как института-установления в сфере социальных отношений включает проблемы прошлого – настоящего – будущего в оценке двух поколений. Исследование самоидентификации через призму отношения к фаворитизму групп, различных по типу морального сознания, дает объемный синтез политического сознания. Однако проектировать таковой синтез можно лишь при наличии социально-этического обоснования, которое подводило бы исследование к социально-онтологическим корням фаворитизма.

Ключевые понятия: два поколения о фаворитизме, тип морального сознания, социальная память, оценка прошлого и настоящего, прогноз будущего.

Горбунова М.Ю. Эмоции общества в контексте социально-экономических трансформаций.

Цель статьи – показать актуальность социологического исследования эмоций. Автор предлагает определение эмоций, которое может служить основой для их междисциплинарных исследований. В статье определяются новые понятия «контекстуальные эмоции» и «эмоционально-коммуникативный сервис». На основе анализа эмпирических исследований российских социологов продемонстрирована зависимость эмоций как от социальных трансформаций, так и от половозрастной и стратификационной принадлежности членов общества. Эмоции общества рассматриваются не только как переменная, изменяющаяся под воздействием социально-экономических процессов, но и как сила, способная влиять на них. Результаты авторского исследования демонстрируют значимость эмоций в профессиональной деятельности персонала организаций сферы услуг.

Ключевые понятия: эмоции, социальное настроение, эмоциональная атмосфера, социальные трансформации, контекстуальные эмоции, эмоционально-коммуникативный сервис, сфера услуг, эмоциональный труд.

Гарафиев И.З. Развитие инновационного человеческого капитала региона: теоретико-методологический аспект. В статье рассмотрена возможность применения принципов методологического индивидуализма (теории человеческого капитала, бихевиористской социологии) к анализу региона как коллективного социального субъекта, позволяющая комплексно проанализировать процесс развития инновационного человеческого

Paramonova S.P. Self Identity of Two Generations: Social and Political Opinion on Favoritism of Groups with Different Moral Reasoning.

Self Identity of Two Generations. Study of favoritism as determination institution in the field of social relations includes the past / present / future issues as seen by two generations. Study of self-identification in terms of the opinion on favoritism of groups with different moral reasoning provides extensional synthesis of politic mentality. However, the synthesis can not be developed unless there is the social and ethical ground that would move the study to ontological and social roots of favoritism.

Key concepts: two generations on favoritism, moral reasoning type, social memory, past and present opinion, forecasting.

Gorbunova M.Yu. Emotions of the Society in the Context of Social and Economical Transformation.

The paper aim is to show the topical issue of social study of emotions. Author provides definitions of emotions that can be used as a base for cross-disciplinary study of emotions. The paper provides definitions of new concepts such as 'context emotions' and 'emotional and communicational service'. Empirical researches that were carried out by sociologists in Russia were analyzed and emotion dependency both on social transformations and on belonging determined by social stratification and sex and age was shown. Social emotions are studied not only as variable that can be easily affected by social and economical processes, but also as a power that can drive these processes. Results of the author's study show the significance of emotions in occupational activity of staff of service providers.

Key concepts: emotions, social mood, social atmosphere, social transformations, context emotions, emotional and communicational service, service providers, emotion-involving jobs.

Garafiev I.Z. Regional Development of Innovative Human Capital: Theoretical and Methodological Aspect.

The paper provides an overview of implications of methodological individualism principles (in terms of theory of human capital, behavioristic sociology) to regional-based analysis; region is seen as collective social subject that provides ground for a complex analysis for emerging of region-specific innovative human capital; the

капитала региона через выявление особенностей его формирования в рамках института образования, использования в рамках института экономики, управления в рамках института политики.

Ключевые понятия: инновационный человеческий капитал региона, инновационное экономическое поведение, теория человеческого капитала, бихевиористская социология.

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Развитие социального обслуживания пенсионеров и инвалидов на Урале на базе комплексных центров социального обслуживания в условиях либеральных реформ. В статье на материалах официальной государственной статистики анализируется динамика социального обслуживания пожилых людей и инвалидов в субъектах РФ Уральского региона в период с 2000 по 2010 годы. Сделан вывод, что социальное обслуживание в России и регионе прошло две фазы развития. По 2005 г. включительно наблюдался рост количественных показателей. С 2006 г. начинается обратный процесс.

Ключевые слова: пенсионеры и инвалиды, комплексные центры, Уральский регион, социальное обслуживание, динамика.

analysis determines its developmental features in terms of educational institution, application in terms of economical institution and management in terms of politics institution.

Key concepts: innovative human capital, innovative economic behavior, theory of human capital, behavioristic sociology.

Smirnov G.S., Smirnov S.S. Development of Service for Social Support of Pensioners and Disabled Persons in Ural Based on Complex Social Services Centers in Liberal System Reform. The paper provides analysis of dynamics of social service for the elderly and disabled people in Russian constituent entities in Ural region during 2000-2010; the analysis lays on official materials of governmental statistics. The author a conclusion that social service in Russia and the region has had two developmental stages. Up to 2005, an increase in quantitative indexes was evident. After 2006, the reversal is true.

Key concepts: pensioners and disabled persons, complex centers, Ural Region, social services, dynamics.

ВЛАСТЬ

POWER

Жестков М.И. Субъекты власти: кто они и как их воспринимают российские граждане. Статья посвящена анализу субъектов власти в процессе их восприятия обществом, что дает политикопсихологическое основание для познания политической власти и политического процесса. Изучение власти в контексте построения новой модели развития государства обуславливает поиск новых форм взаимодействия с обществом.

Ключевые понятия: власть, субъекты власти, политический процесс, политическое восприятие, образы власти.

Zhestkov M.I. Persons in Government: Who are They and How They are Seen by Russians. The paper overviews the analysis of subjects of government in terms of how they are seen by society; the analysis results provide a political psychological ground for understanding of political power and political process. Study of government in terms of creating of a new national development design determines the search of new ways of communication with society.

Key concepts: power, persons in government, political process, political awareness, authorities image.

Карипов Б.Н. Сравнительный анализ традиционализма и консерватизма. В статье показано, что основная идея казахстанского евразийского консерватизма заключается в том, что приобщение к чужим ценностям не должно осуществляться ценой унижения традиционному национальному. Данная идея является важным средством активизации здоровых сил казахстанского общества в направлении выработки альтернативных начал европо- и американоцентризма, а также политического противодействия экспансии как европейского и американского Запада, так и азиатского и арабского Востока и в конечном счете создания Евразийского союза и выдвижения Республики Казахстан в число пятидесяти наиболее развитых стран мира.

Karipov B.N. Comparative Analysis of Traditionalism and Conservatism. The paper deals with the key concept of Eurasian conservatism in Kazakhstan, i.e. ideological inclusion of unfamiliar values shall not involve suppressing of national traditions. This idea provides important means to activate healthier social drivers in Kazakhstan to provide alternatives to Euro- and Americacentrism and politically withstand expansion both of European and American West, and Asian and Arab East; that shall result in formation of Eurasian Union and promotion of Republic of Kazakhstan to get to the list of fifty developed countries of the world.

Ключевые понятия: традиционализм, консерватизм, идеология, евразийство, атлантизм, мондиализм, пантуркизм.

Сысолятина Е.Л. Специфика исследования современного парламентаризма. Статья посвящена проблеме исследования современного парламентаризма. Доказывается, что для анализа специфики парламентаризма требуется совмещение правового и политологического подходов. Выделяются уровни анализа комплексной сущности парламентаризма. Особое внимание уделено интеракционному уровню анализа, его составляющей – парламентской культуре.

Ключевые понятия: современный парламентаризм, правовой подход, политологический подход, интеракционный уровень, парламентская культура.

Тышта Е.В. Особенности функционирования региональных отделений политических партий в ходе федеральной избирательной кампании (на примере Республики Хакасия). Данная статья посвящена анализу способов формирования региональных списков общероссийских политических партий в ходе избирательной кампании по выбору депутатов российского парламента. Автор рассматривает как общие положения, так и особенности, которые наблюдались в 2007 г. В частности, формирование списков группы субъектов Федерации, их персональный состав: территориальный и количественный. Определяет цели участия общероссийских отделений политических партий в составлении региональных списков.

Ключевые понятия: выборы, политические партии, избирательная систем, партийные списки, Республика Хакасия.

Шапаров А.Е. Тенденция секьюритизации иммиграционных политик Великобритании и Канады. Анализируется проблема секьюритизации миграции и ее влияния на процесс формирования иммиграционной политики. Исследуются две модели иммиграционной политики либеральных государств – рестриктивная (Великобритания) и экспансионистская (Канада).

Ключевые понятия: иммиграционная политика, секьюритизация, миграция, Великобритания, Канада.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Попов Е.А. Профессия судьи и юриста в современной реальности. В статье осуществляется реконструкция образа юриста, формируемого

Key concepts: traditionalism, conservatism, ideology, eurasianism, atlanticism, mundialisatation, pan-turkism.

Sysolyatina Ye.L. Specific Features of Study of Contemporary Parliamentarism. The paper provides an overview of issues in study of contemporary parliamentarism. The author shows that analysis of developmental features of parliamentarism needs a combination of legal and political science approach. The author further defines analysis levels to determine a complex nature of parliamentarism with a focus on interactive level of analysis and parliament culture as its component.

Key concepts: contemporary parliamentarism, legal approach, political science approach, interactive level, parliament culture.

Tyshta Ye.V. Specific Operational Features of Regional Departments of Political Parties during Federal Election Campaign (case example of the Republic of Khakassia). The paper provides analysis of the means employed in creating regional party list proportional representations of the pan-Russian political parties during Federal Election Campaign. The author overviews general provisions along with specifications occurred during the year of 2007. In particular, the paper focuses on creation of lists for a group of constituent entities of the Federation including their personnel: regional and quantitative. It also defines the aims of the pan-Russian departments of political parties in generating regional-specific lists.

Key concepts: election, political parties, voting system, party list proportional representation, Republic of Khakassia

Shaparov A.E. Tendency on Implementing Security Measures in Immigration Policy of UK and Canada. The paper provides analysis of implementing of security measures of migration procedure and its effects on immigration policy development. Two designs of immigration policy of liberal states are studied: restrictive (UK) and expansionist (Canada).

Key concepts: immigration policy, security measures, migration, UK, Canada

STATE AND RIGHT

Popov E.A. Profession of Judge and Lawyer in Modern Reality. The paper provides a review of reconstruction of the image of lawyer as created by social and cultural

социокультурной реальностью – нормами, ценностями, традициями, народной культурой. Многоликость такого образа подчеркивается образованием человека, его мотивацией к приобретению юридической профессии, интересами государства и т. д.

Ключевые понятия: юрист, судья, право, ученый, специалист.

Воропанов В.А. Законодательное регулирование кадровой политики в провинции Российской империи: канцелярские служащие на Урале в конце XVIII – первой половине XIX вв. Эффективность отбора кадров на государственную гражданскую службу в конце XVIII – первой половине XIX вв. снижали сословные принципы. Требования социального происхождения ослабли при получении лицом образования. Проблема нехватки кадров на периферии решалась путём предоставления государственным служащим материальных и нематериальных льгот.

Ключевые понятия: Российская империя, государственная служба, кадровая политика.

Миннигулова Д.Б. Проблемы регулирования правового статуса государственных гражданских служащих на основе служебного контракта. В статье рассматриваются концептуальные подходы к роли и назначению служебного контракта в регулировании правового статуса государственных гражданских служащих, представлен анализ сходства и различий служебного контракта и трудового договора, отмечаются стороны служебного контракта в регулировании государственно-служебных отношений.

Ключевые понятия: государственная гражданская служба, правовой статус государственных гражданских служащих, служебный контракт, трудовой договор, административно-правовое регулирование государственно-служебных отношений.

Жаксалыков Е.К. Уголовная ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. В представленной работе содержится анализ основных уголовно-правовых характеристик ст. 322 УК РФ, на основании которых автором сделаны аргументированные выводы о перспективах развития указанной уголовно-правовой нормы.

Ключевые понятия: незаконная миграция, уголовная ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации.

Букаев Н.М., Власюк Е.И. К вопросу о процессуальных формах взаимодействия следователя с органами внутренних дел. В статье рассмотрено

reality, i.e. norms, values, traditions and national culture. Diversification of this image is supported by personal education, motivation to acquire a position of a lawyer, as well as by governmental concerns, etc.

Key concepts: lawyer, judge, law, scientist, expert.

Voropanov V.A. Legislative Regulation of HR Policy in the Province of Russian Empire: Office Workers in the Ural during the period from the end of 18th century and till the first half of 19th century. Efficiency in selecting of office workers for public administration during the period from the end of 18th century till the first half of 19th century helped to lower the principles of stratification. Educational development helped to ease the requirements concerning individual's social background. Challenges of HR deficiency in remote regions were dealt by the means of cash and non-cash benefits provided to public officers.

Key concepts: Russian Empire, public administration, HR Policy

Minningulova D.B. Issues of Regulation of Legal Status of Civil Public Officials Working Under Official Contract. The paper overviews the concept approaches to the purposes of an official contract in terms of regulation of legal status of civil public officials; it also provides an analysis of similarities and differences of official contract and employment contract; it articulates the parties under official contract in terms of regulation in government and officials relations.

Key concepts: civil public service, legal status of civil public officers, official contract, employment contract, administrative and legal regulation of government and officials relations.

Zhaksalykov Ye.K. Criminal Responsibility for Illegal Russian National Border Crossing. The paper provides analysis of key criminal and legal characteristics of article 322 of the Criminal Code of the Russian Federation; the author draws reasonable conclusions on developmental perspectives of the criminal and legal norm.

Key concepts: illegal migration, criminal responsibility for illegal Russian national border crossing.

Bukaev N.M., Vlasjuk Ye.I. Concerning Forms of Cooperation of Investigator and Internal Affairs Bodies. The paper reviews the concept of procedure

понятие процессуальных и непроцессуальных форм взаимодействия следователя с органами внутренних дел в ходе предварительного расследования. На основе анализа норм УПК РФ выделены и охарактеризованы процессуальные формы взаимодействия следователя и органов внутренних дел.

Ключевые понятия: следователь, процессуальные формы взаимодействия, предварительное расследование, орган дознания, органы внутренних дел.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А., Бочкаева И. В. Теория социального капитала организации. В статье рассматриваются вопросы теории социального капитала организации. Предлагается ряд авторских определений понятий: «социальный капитал организации», «экономический потенциал социальных сетей». Определен механизм влияния социального капитала организации на человеческий капитал, что в дальнейшем позволило определить механизм влияния социального капитала на добавленную стоимость.

Ключевые понятия: социальный капитал организации, социальные сети, экономический потенциал социальных сетей, человеческий капитал, добавленная стоимость.

Иванов А. В., Кантор Р. И. Оценка эффективности функционирования и развития региона на основе данных совокупности предприятий региона. В статье представлена методика оценки уровня экономической безопасности региона, включающая блок показателей совокупности предприятий региона и результаты ее апробации на примере Челябинской области.

Ключевые понятия: регион, экономическая безопасность, социально-экономическое развитие.

Победоносцева В. В., Победоносцева Г. М. Экономическая политика и организационно-экономические вопросы управления инвестициями в энергетическом комплексе. В статье рассмотрены основные организационно-экономические вопросы инвестирования в проекты повышения энергоэффективности и энергосбережения, сформулированы предложения по формированию благоприятной институциональной и правовой среды для инвестиций.

Ключевые понятия: инвестиции, модернизация, энергоёмкость, энергоэффективность, тарифы.

and non-procedure forms of cooperation of investigator and internal affairs bodies during a preliminary investigation. Drawing on analysis of the regulations of Criminal and Procedure Code of the Russian Federation, the paper reviews characteristics of procedure forms of cooperation between investigator and internal affairs bodies.

Key concepts: investigator, procedure forms of cooperation, preliminary investigation, inquisition body, bodies of internal affairs.

ECONOMY AND MANAGEMENT

Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A., Bochkayeva I.V. Theory of Corporate Social Capital. The paper reviews the issues of theory of corporate social capital. A set of author's definitions is provided, e.g. 'corporate social capital', 'economic potential of social networks'. The paper defines the mechanism of influence of corporate social capital on human capital that made easier the following definition of influence of social capital on added value.

Key concepts: corporate social capital, social networks, economic potential of social networks, human capital, added value.

Ivanov A.V., Kantor R.I. Evaluation of the Efficiency of Operation and Development of Region based on Data from a Set of Regional Enterprises. The paper provides a methodology for evaluating economic security of region; it contains measures from a set of regional enterprises and the results of its approbation (case example of Chelyabinsk Region).

Key concepts: region, economic security, social and economic development.

Pobedonostseva V.V., Pobedonostseva G.M. Economic Policy and Business Issues of Investment Management for Energy Complex. The paper reviews key economic and business issues of investing in projects concerning power consumption and energy efficiency; it also provides advisory recommendations on inducing of more benign institutional and legal environment for investment.

Key concepts: investments, modernization, power consumption, energy efficiency, rates.

Бреусов А. В., Реймер В. В., Чирков В. А. Инновационные технологии управления персоналом высокотехнологичной организации. Бизнес-среда наукоемких организаций стала материально-виртуальной. Большое значение в виртуальной бизнес-среде (ВБС) имеют нематериальные ресурсы, которые в цифровой форме распространяются посредством инфокомных систем. Инновационные технологии управления персоналом в ВБС являются активом (товаром), способствующим их дальнейшему развитию.

Ключевые понятия: инновационные технологии, управление персоналом, виртуальная бизнес-среда, высокотехнологичная организация.

Breusov A.V., Reimer V.V., Chirkov V.A. Innovative Technology in HR Management at Hi-Tech Enterprise. Business environment of hi-tech enterprises has become material and virtual. Non-material resources have a high profile in virtual business environment (VBE) and can be distributed through information network systems. Innovative technology in HR management throughout the VBE is an asset (product) that induces further technological development.

Key concepts: innovative technology, HR management, virtual business environment, hi-tech enterprise.

КУЛЬТУРА

Чернов Г.Ю. Эвристический потенциал синергетического подхода к социально-массовым явлениям. В статье анализируются эвристический потенциал использования концептов синергетики для исследования социально-массовых явлений.

Ключевые понятия: синергетика, социально-массовые явления.

Соковиков С.С., Зайкова О.Н. Культура усыновления: определение, культурные индикаторы, основные компоненты. В статье впервые предложено значение термина «культура усыновления» с позиций ценностно-нормативного подхода к культуре. Предлагаются основные культурные индикаторы, позволяющие провести сопоставительный анализ культуры усыновления в России и США. Исходя из предложенной дефиниции и учитывая набор индикаторов, выделяются существенные компоненты, из которых состоит эта культура. Они представлены в виде модели, которая вполне соответствует социокультурному циклу явлений и представляет феномен в системной полноте с включением всех механизмов в оптимальном варианте.

Ключевые понятия: сиротство, усыновление, культура усыновления, семейная культура.

Прилукова Е.Г. Власть образов электронных медиа. Статья посвящена проблеме формирования нового символического языка – языка образов электронных массмедиа, который постепенно становится властью. Образы, демонстрируя картину мира, фактически задают видение мира. Как следствие, индивид оказывается включенным в задаваемую средствами массовой информации реальность, т. е. он начинает терять свою самобытность, становится управляемым. Происходит «утрата» социальности и осуществляется виртуализация общества.

CULTURE

Chernov G.Yu. Heuristic Potential of Synergy Approach to Public and Social Events. The paper provides analysis of heuristic potential of using concepts of synergy in public and social events study.

Key concepts: synergy, public and social events.

Sokovikov S.S., Zaikova O.N. Culture of Adoption: Definition, Cultural Markers and Key Components. The paper articulates the meaning of the term 'culture of adoption' from the perspective of the cultural approach in terms of value and norms. The paper suggests key cultural markers that ensure performing of comparative analysis of culture of adoption in Russia and the USA. Drawing on the provided definition and set of markers, the author determines substantial components of this culture. These are presented in a design form which articulates the social and cultural cycle of events and represents phenomenon in its integrity inclusive of all mechanisms in optimal form.

Key concepts: parentlessness, adoption, culture of adoption, culture of family.

Prilukova Ye.G. Power of Images in Online Media. The paper considers the issue of creation of a new symbolic language, i.e. language of online media images that appears to become a driving power. In fact, the images that demonstrate the world view determine the vision. As a result, it is occurred that an individual becomes a part of the reality that is created by media, i.e. the individual loses originality and becomes controllable. A losing of social face takes place and the social visualization is produced.

Ключевые понятия: власть, электронные массмедиа, властвование, символ, знак, образ, реальность, знание, человек, виртуальная реальность, общество.

Key concepts: power, online media, domination, symbol, sign, image, reality, knowledge, human, virtual reality, society.

Загребин С.С. Андрей Тарковский: Апокалипсис как диагноз нашего времени. В статье рассматриваются художественные образы фильмов Андрея Тарковского. Автор раскрывает сущность эсхатологических идей, выраженных вербальными и визуальными средствами в кинофильмах режиссёра. Статья продолжает цикл публикаций в рамках научной дискуссии по основным проблемам, изложенным в статье М.В. Чекмарева и А.С. Чупрова («Социум и власть», 2011, № 4).

Zagrebin S.S. Andrei Tarkovsky: Apocalypses as a Diagnosis of Modern Times. The paper explores the pictorial images in Andrei Tarkovsky's films. The author gives the meaning of eschatology ideas, expressed verbally and visually, in films of the director. The paper is a follow-up to the publishing cycle considering a scientific discussion on main issues articulated in the study of M.V. Chekmarev and A.S. Chuprov (Society and Power. No. 4, 2011).

Ключевые понятия: киноискусство, эсхатология, экзистенциализм, самопознание.

Key concepts: art of film, eschatology, existentialism, self-knowledge.

ИСТОРИЯ

HISTORY

Королева Л.А., Королев А.А., Мельниченко О.В. Эволюция советской государственно-конфессиональной политики в отношении Русской Православной Церкви в 1985–1987 гг. В статье анализируется развитие государственно-религиозной политики в отношении РПЦ в СССР, факторы влияния на нее, результаты в 1985–1987 гг.

Koroleva L.A., Korolev A.A., Melnichenko O.V. Evolution of Soviet State and Confessional Policy on Russian Orthodox Church in 1985–1987. The paper provides analysis of development of state and religious policy on Russian Orthodox Church in the USSR in 1985–1987, factors that affected it and its results.

Ключевые понятия: СССР, государственно-религиозная политика, Русская Православная церковь.

Key concepts: USSR, state and religious policy, Russian Orthodox Church.

Буданов А.В. Становление производства наземного оборудования для ракетной техники на Тюменском судостроительном заводе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В статье анализируются производственные и организационные проблемы, возникавшие на Тюменском судостроительном заводе в процессе становления производства специальных передвижных комплексов для доставки на стартовые позиции и стыковки ядерных боеголовок советских ракетных систем.

Budanov A.V. Production of Ground Equipment for Missilery at Tyumen Shipbuilding Plant in the end of 1950s – early 1960s. The paper provides an analysis of production and operational issues that arose at Tyumen Shipbuilding Plant during the period of establishing of the production line of mobile complexes purposely designed to deliver nuclear warheads to launching stations and docking for Soviet missile systems.

Ключевые понятия: оборонная промышленность, Тюменский судостроительный завод, ракетная техника.

Key concepts: defense industry, Tyumen Shipbuilding Plant, missilery

АВТОРЫ НОМЕРА

Антонова Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, доцент. E-mail: akademiya28@bk.ru

Белкин Владимир Никифорович, директор Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. E-mail: akademiya28@bk.ru

Белкина Надежда Андреевна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, доцент. E-mail: akademiya28@bk.ru

Бочкаева Ирина Викторовна, аспирант Челябинского государственного университета. E-mail: boch-ira@mail.ru

Бреусов Алексей Васильевич, доктор социологических наук, доктор медицинских наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана». E-mail: ab69@yandex.ru

Буданов Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: andreybudanov@yandex.ru

Букаев Николай Михайлович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института Московского государственного юридической академии, академик Российской академии естественных наук. E-mail: BUKAEV_nm@mail.ru

Власок Елена Ивановна, старший преподаватель юридического факультета Сургутского государственного университета. E-mail: veisurgut@rambler.ru

Воропанов Виталий Александрович, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Гарафиев Ильшат Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и социологии Казанского государственного технологического университета. E-mail: giz05@mail.ru

Горбунова Марина Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Саратовского государственного социально-экономического университета, доцент. E-mail: marinayrgo@gmail.com

Жаксальков Еркен Курмашевич, заместитель Ашинского городского прокурора, Челябинская область. E-mail: ezhaksalykov@mail.ru

Жестков Максим Игоревич, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: polporzii@mail.ru

Загребин Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор Челябинского института развития профессионального образования. E-mail: bk.ural@bk.ru

Зайкова Ольга Николаевна, преподаватель кафедры рекламы Челябинской государственной академии культуры и искусств, кандидат культурологии. E-mail: zaikova74@mail.ru

Иванов Андрей Викторович, соискатель кафедры экономики и финансов Уральского социально-экономического института (филиала) Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: Aknozama78@mail.ru

Кантор Регина Игоревна, соискатель кафедры экономики и финансов Уральского социально-экономического института (филиала) Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: Aknozama78@mail.ru

Карипов Балташ Нурмухамбетович, докторант кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш.Ш. Уалиханова, Республика Казахстан. E-mail: bkaripov@yandex.ru

Королев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, доцент. E-mail: sansan@pnz.ru

Королева Лариса Александровна, заведующая кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, доктор исторических наук, профессор. E-mail: la-koro@yandex.ru

Мельниченко Олег Владимирович, кандидат исторических наук, помощник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, г. Нижний Новгород. E-mail: dnskvale@rambler.ru

Миннигулова Динара Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, доцент, г. Уфа. E-mail: minnidinara@mail.ru

Парамонова Светлана Павловна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского университета (ПНИПУ), доцент, профессор Российской академии естественных наук. E-mail: socio@pstu.ac.ru

Победоносцева Вероника Валерьевна, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра физико-технических проблем энергетики Севера учреждения Российской академии наук Кольского научного центра РАН (ЦФТПЭС КНЦ РАН), г. Апатиты Мурманской области. E-mail: pobedonosceva@ien.kolasc.net.ru

Победоносцева Галина Михайловна, научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Российской академии наук Кольского научного центра РАН (ИЭП КНЦ РАН), г. Апатиты Мурманской области. E-mail: pobedon@ier.kolasc.net.ru

Попов Евгений Александрович, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета, доктор философских наук, профессор, доцент кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: popov.eug@yandex.ru

Прилукова Екатерина Григорьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры международного менеджмента Южно-Уральского государственного университета, доцент, г. Челябинск. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru

Реймер Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Дальневосточного государственного аграрного университета, г. Благовещенск. E-mail: valer-ken@rambler.ru

Смирнов Геннадий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: aandg@inbox.ru

Смирнов Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sss45@inbox.ru

Сокоиков Сергей Степанович, директор Межвузовского научного центра социальной теории и социокультурных трансформаций, созданного Челябинской академией культуры и искусств совместно с Институтом философии Российской академии наук, доцент кафедры социологии и культурологии Челябинской государственной академии культуры и искусств, кандидат педагогических наук. E-mail: sokovik49@mail.ru

Сысолятина Елена Леонидовна, аспирант, ассистент кафедры социально-политических наук департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: elenasolyatina@mail.ru

Тышта Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан. E-mail: tyshata@mail.ru

Чернов Геннадий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. E-mail: gchb1@bk.ru

Чирков Виталий Анатольевич, кандидат медицинских наук, главный врач городской поликлиники № 188 Департамента здравоохранения города Москвы. E-mail: a123b@bk.ru

Шапаров Александр Евгеньевич, доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Северного (Арктического) федерального университета, г. Архангельск. E-mail: teledina@rambler.ru

AUTHORS OF THIS ISSUE

Antonova Olga Anatolievna, PhD (Economics), Senior Research Assistant at Institute of Economics for Ural Division of the Russian Academy of Science (Chelyabinsk Branch), Associate Professor. Email: akademiya28@bk.ru

Belkin Vladimir Nikiforovich, Director of Institute of Economics for Ural Division at the Russian Academy of Science (Chelyabinsk Branch), Dr.Sc. (Economics), Professor. Email: akademiya28@bk.ru

Belkina Nadezhda Andreyevna, Dr.Sc. (Economics), Principal Research Assistant for Institute of Economics at Ural Division of the Russian Academy of Science (Chelyabinsk Branch), Associate Professor. Email: akademiya28@bk.ru

Bochkaeva Irina Viktorovna, postgraduate student at Chelyabinsk State University. Email: boch-ira@mail.ru

Breusov Aleksey Vasilievich, Dr.Sc. (Sociology), Dr.Sc. (Med), Professor of the Chair of Management at Moscow State Technical University named after Bauman. Email: ab69@yandex.ru

Budanov Andrey Vyacheslavovich, PhD (History), Associate Professor of the Chair of History and Philosophy at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk Branch). Email: andreybudanov@yandex.ru

Bukaev Nikolay Mikhailovich, Dr.Sc. (Law), Professor of the Chair of Criminal Procedure Law at Orenburg Institute of Moscow State Law Academy, Member of the Russian Academy of Natural Sciences. Email: BUKAEV_nm@mail.ru

Vlasyuk Yelena Ivanovna, Head Lecturer of Faculty Law at Surgut State University. Email: veisurgut@rambler.ru

Voropanov Vitaly Aleksandrovich, Head of the Chair of Public Management, Legislative Support for State and Municipal Administration at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration President (Chelyabinsk Branch), PhD (History), Associate Professor. Email: vvoropanov@yandex.ru

Garafiev Il'shat Zufarovich, PhD (History), Associate Professor of the Chair of State Municipal Administration and Sociology at Kazan State Technological University. Email: giz05@mail.ru

Gorbuova Marina Yurievna, PhD (Sociology), Associate Professor of the Chair of Pedagogics and Psychology at Saratov State Social and Economics University. Email: marinayrgo@gmail.com

Zhaksalykov Yerken Kurmashevich, Deputy of Asha Municipal Prosecutor, Chelyabinsk Oblast. Email: ezhaksalykov@mail.ru

Zhesktov Maksim Igorevich, postgraduate student of the Chair of Sociology and Psychology in Politics, Faculty of Political Science at Lomonosov Moscow State University. Email: polporzii@mail.ru

Zagrebun Sergey Sergeevich, Dr.Sc. (History), Honorary Degree of Russian Federation «Honoured Worker» for Culture, Professor at Chelyabinsk Institute for Development of Professional Education. Email: bk.ural@bk.ru

Zaikova Olga Nikolayevna, Lecturer of the Chair of PR Science at Chelyabinsk State Academy for Arts and Humanities, PhD (Culturology). Email: zaikova74@mail.ru

Ivanov Andrey Viktorovich applicant of the Chair of Economics and Finance at Ural Social and Economics Institution (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Chelyabinsk. Email: Aknozama78@mail.ru

Kantor Regina Igorevna, applicant of the Chair of Economics and Finance at Ural Social and Economics Institution (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Chelyabinsk. Email: Aknozama78@mail.ru

Karipov Baltash Nurmukhambetovich, candidate for doctor's degree of the Chair of Sociology and Political Science at Institute for Professional Development and Enrichment at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of the Chair of Philosophy at Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov, Republic of Kazakhstan. Email: bkaripov@yandex.ru

Korolev Aleksey Aleksandrovich, Dr.Sc. (History), Professor of the Chair of History at Penza State University for Architecture and Engineering, Docent. Email: sansan@prz.ru

Koroleva Larisa Aleksandrovna, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Chair of History at Penza State University for Architecture and Construction. Email: la-koro@yandex.ru

Melnichenko Oleg Vladimirovich, PhD (History), Assistant of Russian Presidential Plenipotentiary Representative to Volga Federal District, Nizhny Novgorod. Email: dnskvale@rambler.ru

Minningulova Dinara Borisovna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law at the Bashkir Presidential Academy of Public Administration, Ufa. Email: minnidinara@mail.ru

Paramonova Svetlana Pavlovna, Dr.Sc. (Philosophy), Professor of the Chair of Sociology and Political Science at Perm National Research University (PNIPU), Docent, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences. Email: socio@pstu.ac.ru

Pobedonostseva Veronika Valerievna, PhD (Economy), Minor Research Assistant at Institute for Physical and Technological Problems of Energy in the North, Kola Scientific Center of the Russian Academy of Science (TsFTPES KNTs RAN), Apatity, Murmansk Oblast. Email: pobedonosceva@ien.kolasc.net.ru

Pobedonostseva Galina Mikhailovna, Researcher at Institute for Economic Issues named after G. Lusin of Kola Scientific Center of the Russian Academy of Science (TsFTPES KNTs RAN) Apatity, Murmansk Oblast. Email: pobedon@iep.kolasc.net.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich, Head of the Chair of General Sociology at Altai State University, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Docent of the Chair of Constitutional and International Law at Barnaul Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs (MVD) of Russia. Email: popov.eug@yandex.ru

Prilukova Yekaterina Grigorievna, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Chair of International Management at South Ural State University, Docent, Chelyabinsk. Email: eg_prilukova@rambler.ru

Reimer Valery Viktorovich, PhD (Economy), Associate Professor of the Chair of Economics at Far East Agriculture State University, Blagoveshchensk. Email: valer-ken@rambler.ru

Smirnov Gennady Sergeevich, PhD (History), Associate Professor of the Chair of Public Management, Legislative Support for State and Municipal Administration at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk Branch). Email: aandg@inbox.ru

Smirnov Sergey Sergeevich, Dr.Sc. (History), Professor of the Chair of Public Management, Legislative Support for State and Municipal Administration at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk Branch). Email: sss45@inbox.ru

Sokovikov Sergey Stepanovich, Director of Interinstitutional Scientific Center for Social Theory and Sociocultural Transformations established by Chelyabinsk State Academy for Arts and Humanities and Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, Associate Professor at the Chair of Sociology and Culturology at Chelyabinsk State Academy for Arts and Humanities, PhD (Pedagogics). Email: sokovik49@mail.ru

Sysolyatina Yelena Leonidovna, postgraduate student, assistant at the Chair of Social and Political Sciences at Department of Political Science and Sociology of Ural Federal University named after the first President of Russia B. Yeltsin, Yekaterinburg. Email: elenasysolyatina@mail.ru

Tsytsha Yelena Vladimirovna, PhD (Politics), Associate Professor of the Chair of History and Political Science at Khakassia State University named after N. Katanov, Abakan. Email: tsytsha@mail.ru

Chernov Gennady Yurievich, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Chair of Political Science and Political Administration at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk Branch). Email: gch61@bk.ru

Chirkov Vitaly Anatolievich, PhD (Medicine), Director of Municipal Polyclinic No. 188 of Moscow Department of Health Care. Email: a123b@bk.ru

Shaparov Aleksandr Evgenievich, Dr.Sc. (Politics), Professor of the Chair of Humanitarian and Social Disciplines at Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk. Email: teledvina@rambler.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая список литературы*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5–2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.